

Т. 39
1003639

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

выпуск

20

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

ВЫП. 20

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

1003639

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1983

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

ББК 81
Т 37

Рецензент: Институт языкознания Академии наук СССР

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов (отв. ред.), В. Г. Гак, С. Ф. Гончаренко,
В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин, В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг

*Авторы несут ответственность
за аутентичность цитируемого материала.*

Тетради переводчика: Вып. 20/Под ред. проф. Л. С. Бархударова. — М.: Высш. шк., 1983. — 103 с.

45к.

Настоящий выпуск дает обзор по вопросам развития теории перевода. В нем представлены материалы по переводу русской поэзии на испанский язык, дается публикация новых переводов из французских поэтов-предсимволистов, а также приводятся материалы по устному переводу, лексикографии и методике преподавания перевода в высшей школе.

Для лиц, интересующихся проблемами перевода.

Т 4602000000—323 168—83
001(01)—83

ББК 81
4

Ю. В. Ванников

(Москва)

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В «ТЕТРАДЯХ ПЕРЕВОДЧИКА»*

Не будет преувеличением сказать, что становление науки о переводе вообще и, в частности, лингвистической теории перевода в нашей стране произошло намного раньше, чем за рубежом. Уже за первые двадцать лет, истекшие после конца Великой Отечественной войны, в Советском Союзе вышли в свет десятки монографий, статей и учебных пособий, посвященных теоретическим проблемам и практическим задачам перевода художественной, общественно-политической и научно-технической литературы. Достаточно упомянуть в этой связи работы А. В. Федорова, Я. И. Рецкера, К. И. Чуковского, И. А. Кашкина, В. Г. Гака, Г. В. Гачичеладзе и многих других, заложивших в сороковые-пятидесятые годы, хотя и различными путями, основы того, что сейчас в своей совокупности обозначается термином «переводоведение». Свой вклад в становление и развитие советского переводоведения внес и периодический сборник «Тетради переводчика», ныне отмечающий свое двадцатилетие.

* * *

В 1963 г. вышла в свет выпущенная издательством Института международных отношений небольшая книжка в мягкой обложке — первый выпуск «Тетрадей переводчика». И вот прошло двадцать лет. За это время на обложках «Тетрадей» сменились все цвета радуги и их оттенки. Но одно осталось неизменным: год за годом выходил очередной выпуск. И еще: если сравнить редколлегию первого выпуска (1963 г.) с редколлекцией например, 19-го выпуска (1982 г.), то в ее составе за этот период сменилось только два человека из шести... Завидное постоянство в наше динамическое время!

Устойчивой оказалась и с самого начала удачно найденная структура сборника, соотносящая его содержание с основными аспектами переводческой деятельности, включая главный, пожалуй, раздел, посвященный осмыслению и обоснованию этой деятельности, — раздел теории перевода. Хотя, оговоримся сразу, теоретические проблемы перевода являются предметом специального рассмотрения не только в статьях, помещенных в разделе «Вопросы теории перевода», но и в других разделах сборника.

* См.: Тетради переводчика. Под ред. доктора филол. наук проф. Л. С. Барударова. Вып. 1—19. М., 1963—1982.

Опубликованные в «Тетрадах переводчика» статьи сыграли важную роль в становлении лингвистической теории перевода, в распространении теоретических знаний в переводческой среде и — тем самым — в повышении общей профессиональной культуры переводчиков-практиков.

Характерно, что эти публикации появились именно в тот момент, когда в советской и мировой науке происходило интенсивное формирование науки о переводе. Отнюдь не случайно, что в том же 1963 г., одновременно с выходом в свет первого выпуска «Тетрадей», в разных странах на разных языках были опубликованы работы, авторы которых стремились заложить основы лингвистического подхода к переводу или хотя бы к отдельным его аспектам. Достаточно напомнить здесь такие, например, издания, как: G. Mounin «Les problèmes théoriques de la traduction», Paris, 1963; F. Güttinger «Zielsprache»; «Theorie und Technik des Übersetzens», Zürich, 1963; «The Craft and Context of Translation», Univ. of Texas Press, 1963; J. Levý «Umění překládání», Praha, 1963; L. Truffaut «Grundprobleme des deutsch-französischen Übersetzens», München 1963, и ряд других.

Разумеется, поток теоретической литературы по переводу возник не на пустом месте. Попытки обосновать лингвистическую — и, шире, филологическую — теорию перевода предпринимались и раньше, и их также необходимо здесь упомянуть. Мы имеем в виду хорошо известные публикации пятидесятых и начала шестидесятых годов, подготовившие ситуацию, о которой говорилось выше, а именно: статью Я. И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (сб. «Теория и методика учебного перевода» М., 1950), сыгравшую весьма важную роль в становлении первого этапа развития лингвистической теории перевода; сборник «On Translation» (Cambridge—Massachusetts, 1959) со статьей Р. Якобсона, посвященной лингвистическим аспектам перевода; книги из серии «Stylistique comparée» (J. P. Vinay, J. Darbelnet «Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction», Paris, 1958; A. Malblanc «Stylistique comparée du français et de l'allemand», Paris, 1962), а также некоторые периодические и продолжающиеся издания, такие, как «Vabel» — с 1955 г., «Journal des traducteurs» — с 1955 г. и «Тетради переводчика» — с 1958 г., Москва. Да, не с 1963 г., а с 1958 г. Дело в том, что «Тетрадам переводчика», о которых идет речь, предшествовали другие «Тетради переводчика» — стеклографическое издание кафедры перевода I МГПИИЯ. И его, конечно, тоже надо упомянуть как предшественника рассматриваемых «Тетрадей»: ведь именно в нем, по-видимому, складывалось основное направление, структура издания-преемника и авторский актив.

Наконец, главное, о чем следует сказать особо, это два издания книги А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» (М., 1953; и изд. 2-е, переработанное, М., 1958), в которых изложение лингвистических основ теории перевода, содержания

и аппарата новой науки впервые было осуществлено в развернутой («монографической») форме. И если первое издание, как известно, вызвало критику со стороны приверженцев «литературоведческого» подхода к переводу¹, то второе, напротив, вызвало упреки за недостаточно последовательную «лингвистичность» представленной в ней концепции².

Таков — в общих чертах — был научный контекст первых выпусков «Тетрадей переводчика». В теоретическом плане «Тетради» с самого начала были ориентированы на разработку предмета и метода теории перевода как самостоятельной дисциплины. На первых порах эта разработка осуществлялась главным образом как проекция языковой системы на перевод: процесс перевода интерпретировался в терминах структурных единиц языка, и в центре внимания находились вопросы, связанные с особенностями переводческого анализа и перевода языковых единиц. Эти вопросы рассматривались как в общем виде — с целью установления фундаментальных закономерностей перевода и выработки понятийно-терминологических основ теории перевода, так и в частном или в «бинарном» виде, т. е. на материале сравнения языковых систем двух конкретных языков с целью выработки лингвистически обоснованных рекомендаций по практическому переводу (в терминах более позднего периода проблематику таких статей можно определить как относящуюся к компетенции частных теорий перевода).

«Тетради переводчика» и рассматриваемые в них вопросы теории перевода открываются статьей А. Швейцера «К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе» (вып. 1, 1963, с. 6—12). На примере грамматических явлений в статье устанавливаются принципы, позволяющие отграничить область переводческих исследований от собственно лингвистического или сопоставительно-лингвистического анализа. Переводческие сопоставления, в отличие от собственно лингвистических, не замыкаются на одном уровне языковой системы. Так, устанавливая для какой-нибудь грамматической конструкции ее соответствия в другом языке, теория перевода не может обойти возможности использования, например, лексических средств.

Заметим, что это обстоятельство специально отмечалось уже в первом издании книги А. В. Федорова «Введение в теорию перевода», однако межуровневые соответствия рассматривались там скорее как досадное, хотя и достаточно типичное отклонение от симметрии языковых систем, чем как полноправный объект переводческого исследования. Показательно, что описание «передачи функций грамматического элемента. не имеющего

¹ Подробнее см. об этом в авторском предисловии к 3-му изданию книги: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968, с. 4—6.

² В наиболее развернутой форме эти упреки были выражены в статье И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга. К обоснованию лингвистической теории перевода. Вопросы языкознания, 1962, № 1.

формального соответствия в языке перевода», автор ограничивает только двумя случаями: передачей на русском языке функций артикля и неопределенно-личного местоимения, свойственных английскому, французскому и немецкому языкам. Но в 1962 г. теоретическая «законность» межуровневых сопоставлений уже постулировалась как отличительная черта специфического переводческого подхода к языковому материалу. «Для теории перевода, — писал в то время Л. С. Бархударов, — совершенно не играет роли принадлежность сопоставляемых единиц к одному и тому же аспекту или уровню языковой системы (напр., лексическому, грамматическому и пр.) — соображение, неременное для структурно-типологического изучения языков»³.

В рассматриваемой статье А. Швейцера делается и следующий шаг в обосновании специфики переводческого анализа и сопоставления языков. Неизбежность межуровневых соответствий, отмечает автор, обуславливается и тем, что «теория перевода фактически сопоставляет не грамматические формы, как таковые, а наиболее типичные контексты, в которых грамматические и лексические значения тесно переплетаются» (с. 11). Соответственно, «переводчику не следует опасаться обвинений в смешении лексики и грамматики. Именно в том и заключается специфика перевода, что в нем лексическое и грамматическое должно рассматриваться в неразрывном единстве, т. е. так, как это дано в реальных контекстах» (с. 11). И хотя тезис о сопоставлении контекстов был тогда воспринят не всеми исследователями, изложенные в статье идеи оказали влияние на формирование специфического переводческого анализа языковых единиц, призванного уточнить предмет и метод теории перевода и способствовать развитию общего и частного переводоведения. Эти идеи определили на несколько лет вперед направление и содержание разработок в области теории перевода, отраженных на страницах «Тетрадей переводчика». Так, в статье Д. Штелинга «Наблюдения над переводом предложений с модальным глаголом *may*», опубликованной в следующем выпуске (вып. 3, 1966, с. 62–73), необходимость установления переводческих межуровневых соответствий рассматривается на материале модальных глаголов. Автор показывает, что при переводе предложений с модальным глаголом «переводчик стремится передать не лексическое значение самого модального глагола, а лишь модальность, сообщаемую им сказуемому или всему предложению в целом» (с. 73); при этом могут использоваться самые разнообразные средства выражения модальности — вводно-модальные слова, частицы, интонация и т. п. (там же).

Разнообразие средств перевода языковой единицы того или иного уровня является предметом рассмотрения и на фразе-

³ Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода. — В сб.: Теория и критика перевода. Л., 1962.

ологическом материале в статье А. В. Кунина «О переводе английских фразеологизмов в Англо-русском фразеологическом словаре» (вып. 2, 1964, с. 3—20). Правда, речь здесь идет о словарных — не текстовых — эквивалентах фразеологических единиц. Используя предложенную Я. И. Рецкером в упомянутой выше статье классификацию соответствий языковых единиц, автор описал все способы перевода устойчивых образных словосочетаний и пословиц с английского языка на русский, использованные им в «Англо-русском фразеологическом словаре». Установленные типы соответствий в сущности ничем не отличаются от тех, которые могут быть выведены из «сопоставления контекстов».

Близкая по теоретическим предпосылкам и методике сопоставления статья Г. Пазенко и В. Решетилова «Способы передачи русских односоставных предложений на английский язык» помещена в выпуске 3 (с. 77—81). От исследования А. Кунина ее отличает, во-первых, материал (наблюдения над переводом синтаксической конструкции) и, во-вторых, то, что исходные — английские — конструкции берутся не в «словарной», а в «текстовой» форме (односоставные предложения из романа Горького «Мать»). Таким образом, в данном случае соответствия устанавливаются также между типами контекстов.

К концу шестидесятых годов был накоплен исследовательский материал, потребовавший уточнения идеи сопоставления контекстов и — в связи с этим — уточнения самого метода переводческого анализа. Прежде всего стало очевидным, что установление равноуровневых соответствий существенно лимитируется тем фактом, что единицы разных ярусов языковой системы характеризуются разными нормами употребления в речи. Действительно, нетрудно, например, передать в русском переводе лексическим способом значение английского или испанского артикля. Но если пятьдесят неопределенных артиклей на одной странице печатного текста не задерживают нашего внимания, то пятьдесят лексических повторов на страницу можно представить себе лишь как проявление особой, даже чрезмерной экспрессии. Соображения такого рода специально рассматривались в статье М. Виньярски «К вопросу о переводе русских приставочных глаголов на испанский язык» (вып. 5, 1968, с. 8—29). Отметив, что русскому глаголу в значительно большей степени, чем испанскому, присуща способность употребляться с приставками, имеющими лексическое «совершаемое» или грамматическое (видовое) значение, автор указывает, что в испанском языке «теоретически всегда возможна передача отсутствующего понятия при помощи различных средств компенсации, но практически эта возможность зависит от ограничений контекста и стиля языка перевода» (с. 11). За лежащими на поверхности расхождениями в формоизменении и формообразовании, за расхождениями в речевых нормах словоупотребления кроются более глубокие расхождения языков в способах категоризации

и презентации действительности. В содержание переводческого исследования, соответственно, должны быть включены сопоставления типичных для языков способов категоризации действительности и представления ее в языковых единицах и речевых структурах.

Близкий подход, но на другом языковом материале, содержится в статье А. Райхштейна «О переводе устойчивых фраз», помещенной в том же выпуске «Тетрадей» (с. 29—43). Адекватная передача устойчивых фраз предполагает, по мнению автора, сохранение всей смысловой и стилистической нагрузки фразы, а именно: ее основного смысла, дополнительного смысла («идеологического подтекста»), актуализированного смысла, возникающего в данном контексте, эмоционально-экспрессивного содержания, жанрово-стилевой характеристики и степени речевой стандартности (употребительности). Таким образом, и в этой статье акцентируется семантическая сложность и неоднородность языковой единицы, в которой взаимодействуют значения, соотносимые с разными аспектами и уровнями языковой системы и с разными планами организации высказывания. Описав возможные типы эквивалентов, которые могут использоваться для перевода устойчивых фраз, автор приходит к выводу, что не все компоненты содержания той или иной устойчивой фразы могут быть переданы во всех случаях в переводе (ср. вывод М. Виньярски о «частичной непереводемости» единиц языка в реальных речевых контекстах).

Положение о неполноте или частичности перевода отдельных явлений языка способствовало уточнению понятий адекватности или полноценности перевода. Напомним, что еще в 1953 г. А. В. Федоров, опираясь на предложенное А. А. Смирновым в 1934 г. определение адекватности перевода и на введенное в 1950 г. Я. И. Рецкером понятие адекватной замены, сформулировал концепцию полноценного перевода. «Полноценность перевода, — писал А. В. Федоров, — означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»⁴. Однако уже из упомянутых статей М. Виньярски и А. Райхштейна с достаточной очевидностью следовало, что исчерпывающая полнота и полноценное функционально-стилистическое соответствие практически не уживаются в рамках одного перевода и что для полноценного перевода важна не исчерпывающая полнота, но полнота передачи актуализированных в данной речевой структуре (контексте) значений. С не меньшей очевидностью авторы указанных статей приходили к выводу о необходимости конкретизации принципа функционально-стилистического соответствия.

В качестве примера такой конкретизации принципа функционально-стилистического соответствия укажем статью Я. Рец-

⁴ Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953, с. 114

кера «Следует ли передавать аллитерацию в публицистическом переводе?» (вып. 3, 1966, с. 73—77). На примере аллитерации Я. И. Рецкер проводит разграничение функционально-стилистического (узуального) и экспрессивного использования стилистических средств языка. «Из рассмотренных примеров ясно, — утверждает автор, — что только экспрессивное (а не функционально-стилистическое) использование аллитерации должно передаваться в переводе, причем в тех случаях, когда экспрессивная функция аллитерации поддерживается всем контекстом» (с. 77). Вывод сам по себе далеко не бесспорный, однако он указывает на возможность новых подходов к проблеме функционально-стилистического соответствия перевода и подлинника.

Проблема переводческого анализа отдельных уровней и аспектов языка и особенностей перевода тех или иных единиц языковой системы продолжает освещаться и в последующих выпусках «Тетрадей» (см. ниже). Однако новый подход к переводческим исследованиям, характеризующий статью М. Виньярски и А. Райхштейна, уже в том же пятом выпуске стал предметом специального обоснования в статье В. Н. Комиссарова «Специфика переводческих исследований» (с. 3—8). Специфика переводческих исследований, — пишет В. Н. Комиссаров, — не связана со «способом» их построения». Автор полемизирует здесь с Л. С. Бархударовым, высказавшим положение, согласно которому «лингвистическая теория перевода должна идти не от формы к содержанию, а от содержания к форме»⁵. Такое построение представляется В. Н. Комиссарову неспецифичным, поскольку оно используется и в чисто лингвистических работах по сопоставительному, в частности структурно-типологическому, изучению языков. «По этой причине, — заключает он, — «принцип» от содержания к форме вряд ли может служить отличительным признаком работ в области перевода» (см. с. 5). Специфику сопоставительных переводческих исследований следует искать в особенностях самого процесса перевода, которые задаются, во-первых, тем, что перевод есть двусторонний процесс, в ходе которого устанавливается определенное отношение между отрезками речи в двух языках; во-вторых, тем, что в переводимом речевом произведении (оригинале) релевантными оказываются лишь те элементы, которые действительно влияют на состав соответствующего речевого произведения в переводе; и, наконец, тем, что релевантность элементов оригинала и выбор элементов перевода обусловлены их окружением. Соответственно, материалом переводческих исследований всегда является некоторая совокупность параллельных речевых произведений, инвариантность содержания которых принимается за данное (с. 5—6).

⁵ Бархударов Л. С. Процесс перевода с лингвистической точки зрения. — В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. IV, МГПИИЯ им. М. Тополева. М., 1967, с. 28.

По поводу высказанных в статье В. Н. Комиссарова соображений можно заметить следующее. Ни способ построения исследований, ни их объект сами по себе не определяют и, следовательно, не отграничивают теории; более того, не определяет теорию и метод. Известно, что разные науки нередко имеют один и тот же объект («материал») исследования и пользуются одними и теми же исследовательскими методами. Тем не менее они остаются **разными науками**, по крайней мере до тех пор, пока имеют разные **предметы** и **разные задачи** исследования. Поэтому, думается, сама попытка определить специфику перевода в сфере материала, метода или даже структуры исследования не может привести к желаемому результату. Что же касается существа сформулированных в статье положений, то тут надо отметить, что они затрагивали кардинальные проблемы и их разработка определила на ближайшие годы основные линии развития науки о переводе. «Способ» построения теории сложился именно так, как предлагал Л. С. Бархударов: от содержания к форме. Но при этом существенно углубились и изменились наши представления о самом содержании. Специфической переводческой формой интерпретации инвариантной части содержания стало учение о типах и уровнях эквивалентности. Это учение, развернуто изложенное спустя несколько лет самим В. Н. Комиссаровым в его «Слове о переводе»⁶ (которое в этой части как раз и демонстрирует построение исследования от содержания к форме), а затем получившее и общее семиологическое обоснование в его книге «Лингвистика перевода»⁷, закладывалось в те годы, о которых идет речь: в зарубежном переводоведении — в работе Дж. Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода»⁸ и в отечественном — в статье Л. С. Бархударова «Уровни языковой иерархии и перевод», опубликованной уже в следующем выпуске «Тетрадей» (вып. 6, 1969, с. 3—12). При этом, в отличие от Дж. Кэтфорда, ограничившего уровни эквивалентности уровнями грамматической иерархии (и выделившего, соответственно, эквивалентность на уровне слов, словосочетаний и предложений), Л. С. Бархударов устанавливает также эквивалентность на уровне текста (и выделяет, соответственно, перевод на уровне текста). К тому же, отмечает Л. С. Бархударов, «на протяжении одного и того же текста уровень перевода, как правило, постоянно меняется» (с. 9).

Не менее важной и сложной является проблема «отрезков речи», или речевых произведений, соотносимых с «речевыми контекстами», о которых говорилось выше. Солидаризируясь с идеей межуровневых соответствий, излагавшейся в работе А. Д. Швейцера и Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссаров делает следующий шаг в определении лингвистического статуса и

⁶ Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973, с. 61—157.

⁷ Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980, с. 51—100.

⁸ Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. Ldn., 1965, p. 51—100.

переводческой сущности этих отрезков. «Объекты переводческого исследования, — пишет он, — вычлняются благодаря их релевантности для процесса перевода» (с. 6). И далее В. Н. Комиссаров показывает, что во многих случаях теория перевода изучает явления, не образующие каких-либо подсистем или категорий в лексике или грамматике соответствующих языков; но выделяемые по признаку обусловленности их выбора. Понятие переводческой релевантности представляется нам весьма интересным; в каком-то смысле его можно рассматривать как резерв науки о переводе.

Выделение «отрезков речи» в качестве объекта переводческих исследований также связано с решением одного из кардинальных вопросов теории перевода. Интересно, что в 1970 г., в седьмом выпуске «Тетрадей», появляются сразу две проблемные статьи, в которых вновь рассматривается вопрос о единице переводоведческих исследований и типах переводческих соответствий, — статья А. Д. Швейцера «Возможна ли общая теория перевода?» (с. 35—46) и статья В. Н. Комиссарова «К вопросу о сопоставительном изучении переводов» (с. 46—50). А. Д. Швейцер, развивая положения, высказанные им еще в первом выпуске «Тетрадей», указывает, что «отношения эквивалентности устанавливаются не непосредственно между знаком ИЯ и знаком ПЯ, а между знаком ИЯ+контекст и знаком ПЯ+контекст, т. е. между соответствующими речевыми произведениями» (с. 42). При этом специально отмечается, что «проблема речевого контекста как детерминанта процесса перевода является одной из коренных проблем теории перевода» (там же). Иное решение предложено в статье В. Н. Комиссарова. Возражая против наметившегося стремления замкнуть теорию перевода изучением явлений речи, В. Н. Комиссаров напоминает, что «если бы все содержание процесса перевода полностью сводилось к индивидуальности речевого акта, то это сделало бы невозможным какие-либо теоретические положения, претендующие на объяснение ряда однотипных явлений» (с. 49—50). Отсюда вытекает, что «задача переводческих исследований заключается в описании системы высшего порядка, т. е. системы соотношений между системами двух языков, участвующих в процессе перевода» (с. 50). Речь, таким образом, идет уже не об отрезках текста, но о единицах языка, хотя, замечает автор, сами эти единицы надо рассматривать в их функционировании (там же).

Со временем стало ясно, что ориентация теории перевода либо на сопоставительное исследование только языковых систем, либо же только речевых произведений представляет не взаимоисключающие, но частные и даже взаимодополняющие решения. Поскольку в переводе соотносятся коммуникативно равноценные разноязычные речевые произведения, состоящие из единиц соответствующих языковых систем, объединенных по специфическим для каждого языка правилам смысловой и

формальной организации, постольку в качестве объекта переводческих исследований могут быть взяты как речевые, так и языковые аспекты перевода, а в более общей ступени теории объектом исследования может стать именно соотношение различных аспектов, уровней и единиц сообщения в переводе как особом виде речевого общения. Такое заключение и было сделано В. Н. Комиссаровым, но уже в 1975 г. в статье «Теория перевода на современном этапе» (вып. 13, с. 3–12), посвященной итогам Всесоюзной научной конференции «Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков», состоявшейся в мае 1975 г. в МГПИИЯ им. М. Тореза.

Полемика, связанная с обоснованием объекта переводческих исследований как единиц языка или отрезков речи, на самом деле была одним из проявлений более глубоких расхождений в понимании существа перевода. Эти расхождения оформились еще в конце пятидесятых годов в форме антитезы «собственно перевод — перевод-интерпретация»⁹, впоследствии они трактовались в терминах моделей перевода, микро- и макролингвистических подходов к переводу и некоторых других. В шестидесятые годы, когда формулировались основы лингвистической теории перевода, в статьях, опубликованных в «Тетрадах переводчика», поддерживалась и развивалась концепция собственно перевода. Исторически это вполне понятно: ведь, помимо прочих соображений, такой подход обеспечивал возможность обосновать объект теории и намечал основные методы его исследования.

В 1969 г. Л. С. Бархударов в упоминавшейся уже статье «Уровни языковой иерархии и перевод» писал: «Мы определяем перевод как процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке речевым произведением (текстом) на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» (вып. 6, с. 3). Предметом исследования при таком подходе являлась прежде всего система соответствий языковых единиц, лежащая в основе замен, осуществляемых при переводе. Благодаря такому направлению исследований складывающаяся наука о переводе могла воспользоваться в своих целях как традиционным аппаратом филологии, так и новейшими идеями и методами современной лингвистики. Работы, выполненные в русле данного подхода, либо продолжают переводческие сопоставления языковых явлений, начатые в первых выпусках «Тетрадей», либо уточняют и совершенствуют методику языкового анализа и установления переводческих соответствий.

Среди работ первого типа следует упомянуть статьи З. Рогановой «Лингвистическая обусловленность выбора грамматичес-

⁹ По-видимому, первое эксплицитное противопоставление этих двух разных видов переводческой деятельности содержалось в книге «On Translation» (Cambr. — Mass., 1959, p. 291). В нашей литературе первый сопоставительный анализ перевода и интерпретации дан в книге И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» (М., 1964, с. 56–64).

кой формы при переводе» (вып. 6, 1969, с. 12—22), С. Кузьмина «Употребление — главное звено механизма переводческих показателей (на примере фразеологизмов)» (вып. 9, 1972, с. 14—22) и Н. Л. Самойловой «Выявление гносеологической основы обстоятельства при помощи комплексного семантико-синтаксического метода анализа текста (на материале английского языка)» (вып. 17, 1980, с. 17—25).

В статье З. Рогановой на русско-немецком и немецко-русском переводческом материале иллюстрируется межуровневый характер переводческих соответствий. Автор удачно использует понятие функциональной синонимии категорий и средств, относящихся к разным уровням языковой структуры. Статья С. Кузьмина по языковому материалу и методике близка к упоминавшимся выше статьям А. Кунина и А. Райхштейна, но содержит более глубокую разработку проблемы мотивированности употребления фразеологизмов. Сумма употреблений фразеологизмов, по мнению автора, гарантирует правильное определение его основного значения (с. 21).

Заметим, что работы, посвященные переводческому исследованию отдельных языковых явлений, строятся на анализе конкретных переводов и обычно содержат полезные практические и учебно-методические рекомендации. К ним примыкает и ряд статей, помещенных в других разделах «Тетрадей», которые по этой формальной причине здесь не рассматриваются. Но само деление на разделы, как мы уже отмечали, во многом условно, поскольку статьи из других разделов нередко представляют и теоретический интерес.

И, наконец, что касается статьи Н. Л. Самойловой, то она представляет собой не столько переводческое, сколько чисто лингвистическое исследование, в котором перевод («межъязыковое трансформирование») используется наряду с внутриязыковыми трансформациями («внутриязыковым перефразированием») и логико-компонентным анализом в качестве средства семантико-синтаксического анализа обстоятельств. Известно, что теория перевода вообще оказала обратное плодотворное воздействие на теоретические языковедческие дисциплины¹⁰, а перевод как вид межъязыковой трансформации получил широкое применение в практике сопоставительного и смыслового анализа. Однако в «Тетрадах переводчика» это ответвление собственно лингвистического исследования перевода представлено только статьей Н. Л. Самойловой; с оговорками сюда можно отнести и работу М. А. Аполловой «О системном подходе к языку» (вып. 10, с. 14—29), дающей характерологический очерк английского языка, непосредственно не соотнесенный с проблемами перевода.

Лингвопереводческие исследования второго типа — посвящен-

¹⁰ Подробнее см.: Швейцер А. Возможна ли общая теория перевода? — Тетради переводчика, вып. 7, М., 1970, с. 45.

ные обоснованию и разработке переводческого подхода к языковым явлениям и разработке сопоставительных переводческих исследований — представлены прежде всего уже упоминавшимися статьями В. Н. Комиссарова «Специфика переводческих исследований» (вып. 5, 1968) и «К вопросу о сопоставительном изучении переводов» (вып. 7, 1970), а также статьей В. Г. Гака «Сопоставительные исследования и переводческий анализ» (вып. 16, 1979, с. 11—21).

Сопоставительный анализ переводов, предполагающий прежде всего сопоставление перевода с текстом иноязычного оригинала, рассматривается В. Н. Комиссаровым как основной метод переводческих исследований («К вопросу о сопоставительном изучении переводов», с. 47—48). В центре исследования, указывает автор, находится «описание и классификация «переводческих фактов» и создание системы терминов, в которых можно адекватно описывать соотношение текстов оригинала и перевода» (там же, с. 48). Хотя под «переводческими фактами», очевидно, имеются в виду не системные единицы языка, а речевые структуры, в целом объект анализа трактуется в статическом аспекте (как система соотношений текстов оригинала и перевода и сопоставляющих их единиц).

В упомянутой статье В. Г. Гака автор также полагает, что «сопоставление опубликованных переводов с подлинниками — лучший способ разработать общую и частную теорию перевода» (указ. соч., с. 17). Вместе с тем, по мнению автора, следует соблюдать определенное соотношение между чисто переводческим анализом текстов и сопоставительным исследованием, а в методологическом плане — сочетать индуктивный подход с дедуктивным. «Компаративист, — разъясняет В. Г. Гак, прагматически определяет адекватность перевода во всех его параметрах (семантика, стиль и т. п.), сопоставляет его с подлинником и индуктивно получает межъязыковые соответствия, которые затем подвергаются проверке путем дедукции, на основе лингвистической теории. Эти выводы, в свою очередь, могут служить объективно орудием при анализе перевода» (с. 16). Однако уточненная и расширенная система «объективных соответствий между формами двух языков» (с. 16) уже не рассматривается как полное отражение существа перевода и не является достаточной для оценки его качества. Поэтому автор вводит «высший этаж» в процедуру оценки перевода — реакцию рецепиента, а сопоставление текстов рекомендует осуществлять с учетом экстралингвистической действительности (с. 21).

В начале семидесятых годов в переводоведении наметился принципиально новый путь преодоления неполноты чисто лингвистического подхода к переводу и к статичному представлению объекта переводческих исследований как систем межъязыковых соответствий. Это, в частности, нашло отражение в статье А. Швейцера «Возможна ли общая теория перевода?», помещенной в том же седьмом выпуске (1970, с. 35—46), где была

опубликована статья В. Н. Комиссарова «К вопросу о сопоставительном изучении переводов». «Теория перевода, — писал А. Д. Швейцер, — имеет свой ясно очерченный объект изучения: это процесс перевода во всем его многообразии» (с. 45). Задача, стоящая перед теорией перевода, определяется уже не как установление системы соответствий, но как выявление «закономерностей процесса перевода» (т. е. установление «тех факторов, которые влияют на выбор соответствующего варианта при переводе», с. 41). Эти факторы, получившие название «детерминантов процесса перевода», отражают не только лингвистическую, но и экстралингвистическую обусловленность перевода и, следовательно, позволяют включить в исследовательскую сферу теории, наряду с собственно переводом, также и перевод-интерпретацию.

В сущности, в статье речь шла о создании новой версии общей теории перевода, в которой исследование процесса перевода должно быть дополнено исследованием результата перевода, объективный подход к переводу дополнен нормативным, а лингвистические методы анализа — экстралингвистическими. Развивая идею О. Каде о возможности применения основных понятий теории коммуникации к описанию процесса перевода¹¹, автор предложил синтетическую модель перевода, в которой проблема соответствий единиц ИЯ и ПЯ рассматривалась как в лингвистическом, так и в коммуникативном аспектах. Объединение разных подходов к переводу, разных аспектов и методов его исследования осуществляется на основе системы детерминантов двуязычной коммуникации. Выделяются собственно языковые и речевые (функциональные) детерминанты и, наряду с ними, детерминанты социолингвистические и психолингвистические. Теория перевода, таким образом, приобретает статус «интердисциплинарного направления, лингвистического в своей основе, тесно смыкающегося с психолингвистической, социолингвистической и ареальной лингвистикой, а также с некоторыми нелингвистическими науками»¹² (с. 45).

Предложенная концепция теории перевода нашла отражение и дальнейшее развитие в ряде статей, опубликованных в последующих выпусках «Тетрадей». В статье Л. Черняховской «Некоторые закономерности речевой деятельности применительно к теории перевода» (вып. 8, 1971, с. 3—11) выделяются отрезки речи, способные выражать коммуникативное задание и обладающие, следовательно, смысловой структурой; именно в пределах таких минимальных отрезков практически возможно анализировать перестройки, имеющие место в переводе. Уста-

¹¹ Kade O. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig, 1968.

¹² Основные положения этой теории подробно изложены в монографии «Перевод и лингвистика», вышедшей в свет в 1973 г.

навливаются основные функции отрезков речи, влияющие на их перевод, — смысловая, эстетическая, директивная¹³.

В статье В. И. Шаховского «К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала» (вып. 17, 1980, с. 25—36) доказывается коммуникативная релевантность экспрессивно-эмотивно-оценочных средств языка, принадлежащих различным уровням языковой системы, а также и паралингвистических средств. Изучение процесса передачи коннотативной информации с одного языка на другой является, по мнению автора, далеко не маргинальной задачей лингвопереводоведения.

Предложенная в вышеупомянутой статье А. Швейцера общая теория, основанная на синтетической модели перевода, является, разумеется, не единственным способом объединения в рамках одной научной концепции различных видов и аспектов перевода. В 1972 г. была опубликована новая статья В. Н. Комиссарова «Лингвистические модели процесса перевода» (вып. 9, с. 3—14), в которой был предложен другой принцип построения теории перевода, позволяющий обобщить различные виды переводческой деятельности. Указав на ограниченность денотативной, ситуативной и трансформационной моделей перевода, каждая из которых отражает определенные аспекты переводческого процесса, но не способна представить все его возможные проявления, В. Н. Комиссаров предлагает более общую теоретическую модель, основанную на предположении, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями содержания текстов оригинала и перевода. В статье дается первое краткое обоснование теории уровней эквивалентностей, позднее подробно изложенной автором в его книге «Слово о переводе» (М., 1973).

Теория уровней эквивалентностей по сравнению с концепциями шестидесятых годов существенно расширила предметную сферу переводоведения и обогатила методику переводческих исследований, будучи ориентированной на раскрытие как собственно лингвистической, так и экстралингвистической мотивированности перевода. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в самом термине «уровень эквивалентности» понятие «уровня» трактуется, во всяком случае, иначе, нежели в теории языка: в последней, как известно, под «иерархией уровней» понимают систему включенных друг в друга языковых единиц, причем чем выше уровень, тем крупнее и сложнее по строению его единицы и тем большее их количество существует в системе языка (именно в таком смысле этот термин употребляется в выражении «уровень перевода» в концепциях Кэтфорда и Бархударова). Что касается «уровней эквивалентности» в концепции В. Н. Комиссарова, то обращает на себя внимание разнородность как самих уровней,

¹³ Заметим, что эта статья послужила своеобразным эскизом будущей монографии автора «Перевод и смысловая структура» (М., 1976).

так и входящих в них единиц: если «уровень языковых знаков», «уровень высказывания» и «уровень сообщения» имеют дело с языковыми и речевыми единицами, то последующие два уровня — «уровень ситуации» и «уровень цели коммуникации» носят явно экстралингвистический характер. В этой связи понятие «уровня» в такой трактовке требует уточнения. К тому же, нередки случаи, когда эквивалентность на «экстралингвистическом уровне», например, уровне ситуации, вообще не может считаться переводческой (см. об этом ниже).

Теория уровней эквивалентностей, как известно, была использована, с известными оговорками, не только теоретиками перевода, но и методистами и переводчиками-практиками. В качестве примера дальнейшей разработки и уточнения отдельных ее положений можно привести опубликованную в «Тетрадах» статью Д. И. Ермоловича «Типичность ситуации и перевод на уровне сообщения» (вып. 14, 1977, с. 11—21). Автор вводит понятие «типичности ситуации», которая определяется тем, имеются ли в языке характерные средства для ее описания. Типичность ситуации играет важную роль в переводе, поскольку «иногда именно она вызывает необходимость в переводе на уровне сообщения». (с. 21).

Обобщение основных моделей перевода и очерк теории уровней эквивалентностей стимулировали исследования в области существенных характеристик перевода. Так, в дополнение к денотативной, ситуативной и трансформационным моделям, Ю. Г. Кузьминым в статье «Перевод как мыслительно-речевая деятельность» (вып. 12, 1975, с. 3—19) была предложена и психолингвистическая модель, призванная раскрыть природу перевода как творческого процесса. Следует, правда, заметить, что данная Ю. Г. Кузьминым схема мыслительно-речевой деятельности может быть названа скорее семиотической, чем психолингвистической моделью перевода.

В. Ф. Самсонов в статье «К анализу гипотезы Куайна о неопределенности перевода» (вып. 16, 1979, с. 21—29) рассматривает поведенческую модель перевода, выдвинутую американским логиком и философом У. Куайном в книге «Слово и объект».¹⁴ Существенным моментом доктрины Куайна о неопределенности перевода является отрицание наличия лингвистически нейтрального значения и трудность установления значения вообще. Как показывает автор статьи, неопределенность перевода в гносеологическом плане восходит к трудностям соотнесения эмпирического и теоретического знаний и, шире, к проблеме определенности и неопределенности научного знания. Куайн пытается частично снять эту неопределенность за счет уточнения понятия значения и синонимии в области прагматики. Но выступая с позиций позитивистско-прагматической методологии, он попадает в зону еще большей неопределенности. Книге Куайна,

¹⁴ Quine W. Word and Object. New York — London, 1960.

1003689

ВОЛОГОДА

как справедливо отмечает В. Ф. Самсонов, в свое время не было уделено достаточно внимания в советской переводоведческой литературе. К сожалению, и статья самого В. Ф. Самсонова появилась много лет спустя после опубликования «Слова и объекта».

К проблеме определения сущности перевода вновь возвращается В. В. Биbihин («К проблеме определения сущности перевода», вып. 10, 1973, с. 3—14). Не разделяя сложившихся в современной науке представлений о переводе, автор отказывается считать перевод особым видом коммуникативной (речевой) деятельности. Перевод, полагает он, «неспецифичен» и говорить о нем очень трудно, если не невозможно. Говорить можно лишь об исторически сложившихся типах переводческой деятельности (с. 8). Сложились же в ходе истории два основных типа: в античную эпоху — *hermeneia* — свободный, вольный перевод, «толкование», и в новоевропейское время — *traductio* — собственно перевод, буквальный перевод, «простое механическое перемещение, когда самый текст оригинала некоторым образом весь, в цельном виде, переносится на родной язык» (с. 8). История перевода и его так сказать, «морфология» определяются соотношением *hermeneia* и *traductio*, их игрой. (Вспомним, что за четыре года до выхода этой статьи в упоминавшейся выше работе Л. С. Бархударова «Уровни языковой иерархии и перевод» понятия вольного, буквального и адекватного перевода выводились из его объективных функционально-лингвистических характеристик, связанных с уровнями перевода.) Объективной типологии перевода В. В. Биbihин противопоставляет аксиологическую трактовку адекватного перевода, «компромиссного» и недостаточно «интересного». Более интересным, пишет автор, является то обстоятельство, что за переводом и оригиналом лежит общечеловеческий язык. Соответственно, принципиальной основой переводческой деятельности должна служить «не та или иная методика перевода, а искусство высвобождения общечеловеческого языка из оков частного языка» (с. 14). Таким образом, лингвистическому подходу к проблеме переводимости здесь противопоставлен феноменологический подход. Важно отметить, что противопоставление *hermeneia* и *traductio* в той форме, в какой оно дано в статье, оно по существу полностью снимает, как irrelevantную, проблему эквивалентности (соответственно, неэквивалентности) перевода, т. е. его качественной оценки.

Более глубокое проникновение в механизмы перевода, вычленение новых аспектов переводческой деятельности, выявление новых факторов, влияющих на различные компоненты перевода, — все это способствовало дальнейшей активизации переводческих исследований. В середине семидесятых годов почти одновременно вышли монографии В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, каждая из которых содержала оригинальную концепцию перевода и намечала соответствующие перспективы развития науки о переводе. В этих условиях приоб-

рела особую актуальность проблема координации переводческих исследований и субординации переводческих знаний. В статье В. Н. Комиссарова «О разделах переводоведения» (вып. 11, 1974, с. 3—10) она решается в форме обоснования структуры переводоведения на основе уточнения объекта и предмета науки о переводе и противопоставления двух основных ее разделов: теоретического переводоведения и прикладного переводоведения. В 1977 г. К. Ю. Амбрасас-Саснава в статье «Еще о разделах переводоведения» (вып. 14, с. 3—11) вновь вернулся к структуре науки о переводе. Подобно В. Н. Комиссарову, автор статьи соотносит структуру переводоведения с его объектом, однако само понимание объекта, считает он, необходимо расширить. Объект переводоведения должны составлять не только те аспекты переводческой деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода и определяют характер отношений между переводом и оригиналом (о чем писал В. Н. Комиссаров), но также и те, которые устанавливаются после акта перевода и определяют характер отношений между переводом и читателем. «Расширение» переводоведения осуществляется в статье не за счет введения в него смежных отраслей теоретического знания, но за счет включения так называемого практического подхода к переводу и учета таких областей переводческой деятельности, как практика перевода, история перевода, методика преподавания перевода, критика перевода, редактирование перевода, библиография перевода и некоторые смежные науки. Возможно, приведенная классификация представляет интерес в качестве библиотечного рубрикатора литературы по вопросам перевода или перечня учебных дисциплин при обучении переводу, но если рассматривать ее как членение предметной сферы теории перевода, то она вызывает определенные возражения. Так, вряд ли стоит противопоставлять теоретическое переводоведение прикладному, отчетливо проведенное В. Н. Комиссаровым; не вполне ясно, как можно рассматривать практику перевода в качестве раздела теории перевода; библиография перевода не является специфичной и не отличается от библиографии других видов изданий. И главное: в сферу переводоведения не попали как раз те аспекты переводческой деятельности, которые определяют отношения между переводом и читателем (коммуникативные, социальные и психолингвистические аспекты перевода). Они не отражены даже в разделе «Смежные науки», куда автор включил поэтику, эстетику, лингвистику, психологию творчества и семиотику.

Вопрос о соотношении науки о переводе как особой формы речевой деятельности (т. е. собственно лингвистической теории перевода) с другими подходами к переводу, вообще говоря, может решаться не только за счет структурирования внутренней области единой отрасли научного знания, но и за счет объединения разных наук, имеющих один объект, который они изучают с разных сторон, выделяя в нем разные предметы исследования.

Подобной альтернативе было уделено значительное внимание и на Всесоюзной конференции 1975 г. В. Н. Комиссаров, подводя итоги этому обсуждению в упоминавшейся статье «Теория перевода на современном этапе» (вып. 13, 1976, с. 5—6), писал: «Такое многогранное явление, как перевод, может быть объектом изучения разных наук и составлять часть их предмета исследования... Выделение разными науками своих объектов анализа в переводческой деятельности не означает, конечно, что между ними должна быть какая-то непреодолимая грань... Таким образом, представляется неизбежным существование лингвистической, психологической, Литературоведческой и прочих теорий перевода в рамках соответствующих наук. Это, однако, не означает принципиальной невозможности или нецелесообразности постановки вопроса о единой науке — переводоведении, предметом которой был бы феномен перевода в целом».

Принципиальные трудности, возникающие при решении такой задачи, связаны с определением того, в какой мере единая теория должна быть «лингвистичной» и как понимать саму лингвистичность теории перевода. Обсуждению данной проблемы посвящена статья О. Каде «К вопросу о предмете лингвистической теории перевода» (вып. 16, 1979, с. 3—11), которой «Тетради переводчика» открыли сотрудничество с журналом «Fremdsprachen» (ГДР). «К настоящему времени, — пишет О. Каде, — сложились микролингвистические и макролингвистические концепции в теории перевода. В основе микролингвистических концепций лежит априорное допущение, что закономерности перевода определяются структурой формальных и функциональных соответствий между ИЯ и ПЯ, детерминируемой, в свою очередь, структурными свойствами ИЯ и ПЯ как знаковых систем (с. 4). Такому «слишком узкому» определению перевода как предмета научного исследования противостоит макролингвистический (коммуникативный) подход. С точки зрения коммуникативного подхода «предметом теории перевода являются все те объективно... обусловленные свойства реального объекта..., которые детерминированы закономерным воздействием на произведение и понимание коммуникативно эквивалентных текстов как языковых, так и неязыковых факторов» (с. 9). К последним, в частности, относятся общеисторические и актуальные ситуативные условия коммуникации.

На самом же деле естественно предположить, что микро- и макролингвистический подходы не исключают друг друга. Они различаются степенью абстрактности, предметом и методом исследования, задачами исследования (которые в одном случае носят дескриптивный, в другом — нормативный характер), — они, следовательно, не отрицают, но дополняют друг друга.

Что же касается упреков микролингвистическому подходу в том, что собственно переводом он считает только перевод, выполненный на основе объективно существующих межъязыковых соответствий, а единственно подлинной научной теорией пере-

вода считает только лингвистическую теорию, то тут, очевидно, имеет место недоразумение; обычно в рамках концепции, которую О. Каде называет микролингвистической, речь идет о том, что в переводе как в языковом процессе, в определенной форме речевой деятельности выделяется собственно лингвистический аспект и что лингвистическая теория перевода занимается моделированием именно этого аспекта. Заметим, кстати, что и сам О. Каде в значительной степени снимает проблему конкуренции микро- и макролингвистического подходов к переводу, когда в конце статьи пишет о предмете теории перевода следующее: «Этот комплексный и многогранный предмет не поддается ни анализу, ни описанию в один прием. Из него можно и надо выделять отдельные аспекты или стороны и подвергать их частному исследованию» (с. 10).

Надо сказать, что в советском переводоведении в целом, и в частности в публикациях «Тетрадей переводчика», чаще всего доминирует тенденция к разработке комплексного подхода к переводу при особом внимании к его лингвистическому аспекту. Интересно, что именно в предыдущем выпуске «тетрадей» помещена обзорно-проблемная статья В. Д. Уварова «О трех направлениях в переводческих исследованиях» (вып. 15, 1978, с. 9—17), в которой высказывается мысль, что книги ведущих советских теоретиков перевода — В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова — объединяет присущий им лингвистический характер (с. 10). «Эти труды, — продолжает автор статьи, — объединяет еще одна особенность, которая отражена в подзаголовке книги Л. С. Бархударова и которая отмечена автором следующим образом: «В центре внимания автора стоят вопросы, связанные с общей лингвистической теорией перевода, однако материалом для их освещения и для иллюстрации выдвинутых в работе положений служат переводческие соответствия, устанавливаемые в плане двух конкретных языков» (там же). Такие построения В. Д. Уваров рассматривает как сочетание дедуктивного и индуктивного методов в разработке теории перевода. В статье В. Д. Уварова содержится также обоснование ситуационного, или социологического, направления переводческих исследований. Идею такого направления, восходящую к упоминавшимся работам А. Д. Швейцера, В. Д. Уваров базирует на положениях теории уровней эквивалентностей В. Н. Комиссарова, соотнося ситуационные характеристики перевода с эквивалентностями высших уровней. По мнению автора статьи, социологическое направление обещает быть особенно полезным при разработке методики обучения переводу.

В восемнадцатом выпуске «Тетрадей» (1981) в статье А. В. Садикова «Перевод как вид социального поведения» (с. 3—12) и в статье В. Д. Уварова «Парадоксы ролевого поведения участников ситуации перевода» (с. 13—15) предлагается обсуждаться проблема подхода к переводу как виду социального поведения (А. В. Садиков) и предлагается программа ближайших исследований по

социологической теории перевода (В. Д. Уваров), включающая, как один из пунктов, исследование соотношения социологической теории перевода с семантической и лингвистической.

Обзор статей, посвященных исследованию сущностных характеристик перевода, завершим статьей того же В. Н. Комиссарова «Перевод и интерпретация», помещенной в 19-м, последнем из до сих пор опубликованных выпусков «Тетрадей». Как видно из заголовка, автор статьи возвращается к проблеме, поставленной в переводоведческой науке еще в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, но решает ее по-новому; с его точки зрения, термин «интерпретация» в применении к переводческой деятельности имеет, по меньшей мере, четыре значения: 1) контекстуальная интерпретация языковых единиц, 2) интерпретация при помощи словарей, справочников и пр., 3) интерпретация путем самостоятельного творческого акта переводчика с учетом описываемой реальности, обстановки акта перевода и др. и 4) интерпретация смысла, непосредственно не составляющего содержания высказывания, но выводимого из него (слушающим и переводчиком) в условиях конкретного акта устной коммуникации, когда, например, высказывание «Иванов пробежал 100 метров за 8 секунд» передается как «Иванов значительно превысил мировой рекорд». Первые три типа интерпретации, как полагает автор, составляют неотъемлемую часть переводческого процесса, в то время как четвертый противопоставляется понятию «перевод». В связи с последним утверждением можно заметить следующее: действительно, из приведенного и аналогичных примеров интерпретации такого типа вытекает, что, поскольку содержание высказывания, как такового, в данном случае не передается («значительно превысить мировой рекорд» можно и пробежав 100 метров не за 8, а за в равной мере фантастичные 7,5 сек.), ее нельзя считать переводом в собственном смысле слова; но ведь в разработанной В. Н. Комиссаровым иерархии уровней перевода такого рода передача находит свое место на высшем, пятом уровне — уровне «цели коммуникации». Можно предполагать, что выдвинутое в последней статье В. Н. Комиссарова понятие четвертого типа интерпретации побудит его сделать следующий логический шаг — признать, что так называемый «перевод на уровне цели коммуникации» (а может быть, и на уровне ситуации) есть, в сущности, не перевод, как таковой, а интерпретация, противопоставленная самому понятию перевода.

Наряду с проблематикой общей теории перевода, на страницах «Тетрадей» публиковались также статьи по частным проблемам, связанным с характеристикой различных специфических разновидностей перевода. Среди них особый интерес представляют работы в области синхронного перевода, в частности, принадлежащие Г. В. Чернову (вып. 6, 8, 12). Эти последние излагают развиваемую автором (и впоследствии изложенную им в моно-

графии¹⁵) идею о вероятностном прогнозировании как механизме, лежащем в основе процесса синхронного перевода. Подкрепленные экспериментальными исследованиями, эти работы сыграли существенную роль в разработке малоизученных до сих пор вопросов, связанных со спецификой устного перевода как особой разновидности речевой коммуникации.

Широкий круг теоретических вопросов был затронут также и в рецензиях на переводческие работы: А. Аврамов о книге Ж. Мунена «Теоретические проблемы перевода» (вып. 3), он же о книге Дж. Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода» (вып. 6), В. Н. Комиссаров о книге Ю. Найды «К науке перевода» (вып. 8), Г. В. Чернов о книге Д. Селескович «Перевод на международных конференциях» (вып. 10), А. В. Федоров о книге Л. С. Бархударова «Язык и перевод» (вып. 14), В. А. Шорохов о сборнике статей «Актуальные проблемы учебной лексикографии» (вып. 16) и некоторые другие. Вместе с тем, следует признать, что в этой области «Тетради» пока еще в долгу перед своими читателями: до сих пор не отрецензированы книги В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера, В. Н. Крупнова, Л. А. Черняховской, Р. К. Миньяр-Белоручева, Л. К. Латышева и др.

В заключение хотелось бы подвести основной итог двадцатилетней работы редколлегии, авторского актива и всех, принимавших участие в выпуске «Тетрадей переводчика»: думается, что эти скромно оформленные и не очень толстые тетради в значительной мере способствовали формированию отечественной теории перевода. Это, разумеется, ничуть не умаляет заслуги других изданий, периодических и непериодических, равно как и других авторов и направлений — в таком большом и серьезном деле, как разработка и становление целой отрасли научных знаний, нет и не может быть никакой монополии, никаких непререкаемых авторитетов, никаких «истин в последней инстанции».

¹⁵ Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Публикуемая ниже статья написана безвременно скончавшейся Марисой Виньярски (Виньярс), известной писательницей Уругвая, чей роман «Земля обетованная» был удостоен в пятидесятые годы национальной премии, переводчицей и теоретиком перевода с русского языка на испанский.

Будучи членом правления Института уругвайско-советской дружбы (ICUS), Мариса Виньярски начала изучать русский язык в Монтевидео. В шестидесятые годы с целью усовершенствовать свои знания в русском языке и литературе она приехала в Москву и закончила с отличием историко-филологический факультет в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, а затем аспирантуру при кафедре перевода в МГПИИЯ им. М. Тореза. С этой кафедрой Мариса Виньярски не порывала связь до самых последних дней своей жизни — она вела занятия по переводу с русского языка на испанский сначала со студентами переводческого факультета, а затем со слушателями Высших переводческих курсов. В течение нескольких лет Мариса Виньярски сотрудничала с испанской редакцией Московского радио, с испанской редакцией журнала «Спутник» и другими периодическими изданиями.

За время пребывания в Москве Мариса Виньярски сформировалась как ученый и педагог. Ее перу принадлежит ряд глубоких работ в области сопоставительной грамматики русского и испанского языков и в области теории перевода, в том числе книга «Перевод с русского языка на испанский» (М., 1971). В настоящее время издательством «Русский язык» готовится к печати «Испанско-русский учебный словарь», составленный при ее участии. Педагогическая деятельность Марисы Виньярски охватывала не только высшую, но и среднюю школу: по заданию Министерства просвещения СССР она принимала участие в составлении программы по испанскому языку для школ с преподаванием ряда предметов на испанском языке; в 1969 г. она совместно с Ю. В. Ванниковым написала учебник испанского языка для 2-го класса этих школ, который издавался 6 раз (последний раз — в 1983 г.).

Теоретический орган Коммунистической партии Уругвая журнал «Эстудиос» посвятил статью памяти уругвайской коммунистки Марисы Виньярски («Estudios», № 78, Marzo 1981, p. 117), где в частности, говорится: «Журналистская деятельность Марисы Виньярски была направлена на сближение советского и уругвайского народов. Для советских читателей Мариса Виньярс публиковала в журналах «Русский язык за рубежом», «Вокруг света», «Латинская Америка» статьи и материалы о деятельности Института уругвайско-советской дружбы, о Монтевидео, об Уругвае, его истории, социальном, этническом, культурном своеобразии. Для латиноамериканских читателей и слушателей она создала как автор и прочитала как диктор на Московском радио цикл очерков «Шагая по Москве» и ряд передач, посвященных культурным и историческим событиям в жизни советского народа. В журнале «Советская женщина» она опубликовала ряд поэтических портретов — Вероники Тушновой, Юлии Друниной, Риммы Казаковой, Людмилы Татьянической, Агнии Барто — и переводы их стихотворений.

Как переводчик Мариса Виньярс разрабатывала не только теорию перевода с русского языка на испанский (ее работы в этой области являются пионерскими), она профессионально занималась и практикой перевода, в первую очередь художественного, преследуя те же благородные цели сближения народов.

В книжном издательстве «Прогресс», в журналах «Советская литература», «Спутник» были опубликованы ее переводы романов, повестей, рассказов, сказок.

Мариса Виньярски

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИСПАНСКИЙ

Стихи можно переводить стихами, но стихи можно переводить и прозой. В сущности, это констатирующее высказывание есть конъюнкция известной антиномии Т. Сэйвори¹. Не вполне, правда, ясно, в какой мере прозаический перевод поэтических произведений можно считать переводом художественным — в том обычном смысле этого слова, который сложился к настоящему времени и ни у кого не вызывает существенных разногласий.

Теоретики достаточно давно и достаточно решительно высказались в пользу перевода стихов стихами. В. Брюсов, напомним, еще в 1905 г. утверждал: «Стихи, переложённые прозой, даже хорошей прозой, — умирают».² Но практика, возникшая задолго до появления теоретических трактатов и, как мы увидим, мало от них зависящая, эта практика весьма далека от столь категоричного решения антиномии поэтического перевода: стихи действительно переводятся стихами, но стихи действительно переводятся и прозой. При этом, если в русской литературе стихи традиционно переводятся стихами, то в некоторых европейских литературах перевод поэзии прозой не менее традиционен. В качестве примера такой традиции обычно приводят французскую литературу. Но, пожалуй, в еще большей степени эта традиция свойственна литературе испанской.

И на самом деле, в испанской литературе, наряду с собственно поэтическим переводом, всегда имел и продолжает иметь права гражданства прозаический перевод стихотворных произведений. Вот передо мной лежит последнее испанское издание «Евгения Онегина»³. Испанский «Евгений Онегин» — роман в прозе. И что примечательно: в объемном предваряющем очерке (*estudio preliminar*) жизни и творчества А. С. Пушкина ни слова не говорится о причинах, побудивших переложить «блестящие стихи», как характеризует их автор исследования, прозой. Почему? Да просто потому, что такое решение ни переводчику, ни издателям не представляется странным, требующим если не оправдания, то хотя бы объяснения.

¹ «A translation of verse should be in prose... A translation of verse should be in verse». (S a v o r y Th. The Art of Translation. Boston, 1968, p. 50).

² Брюсов В. Фиалки в тигеле. — Избранные соч. в 2-х томах. Т. 2, М., 1955, с. 186.

³ P u s h k i n A. Eugenio Onieguin. El desafio. La hidalga campesina. Azar en el juego. Con el estudio preliminar y bibliografía seleccionada por Da Teresa Suero Roca. Bruguera. Barcelona — Buenos-Aires — Caracas — Mexico — Rio de Janeiro, 1969.

До сих пор мы говорили о собственно испанской литературе. Если же обратиться к испаноязычным литературам латиноамериканских стран, то в них поэтические переводы вообще редкость. В рамках сложившихся или складывающихся там литературных норм и традиций требует объяснения и обоснования скорее перевод стихов стихами, чем прозаический перевод даже «регулярной» (используя термин испанской поэтики⁴) поэзии. Проблема осложняется еще и тем, что некоторые прозаические переводы сохраняют линейную структуру оригинала. Иными словами, прозаическая нагота таких переводов слегка прикрыта версификационным нарядом.

Прозаические и «прозаизированные» переводы поэзии в испаноязычных литературах не являются результатом выбора и применения определенного переводческого метода, основанного на некоторой общей концепции поэтического перевода; широкое использование прозаических переводов объясняется прежде всего сложившимся литературным узусом, а также тем обстоятельством, что поэзию, в том числе и русскую поэзию, на испанский язык по большей части переводили люди, которые сами не были поэтами или, по крайней мере, не владели активно поэтической формой. А если иногда они и предпринимали попытки собственно поэтического перевода, результаты нередко оказывались такими, что при наличии параллельных версий издатели отдавали предпочтение прозаическому переводу. Весьма показателен в этом отношении следующий пример. Существует несколько поэтических переводов «Илиады» и «Одиссеи» Гомера на испанский язык. Лучшим из них считается перевод Хосе Эрмосильи, выполненный одиннадцатисложным стихом⁵, однако в солидных изданиях используется, как правило, прозаический перевод, сделанный еще в начале века Луисом Сегала-и-Эстрелья. Этот перевод использован, в частности, в подготовленном кубинским «Институтом книги» издании Гомера, снабженном детальным аппаратом и развернутой вступительной статьей.⁶ Авторы статьи — Анхель Луис Фернандес и Ана Виктория Фон дали — что очень для нас интересно — объяснение своему выбору: среди переводчиков Гомера на испанский язык, пишут они, не нашлось такого, кто

⁴ Регулярной, или правильной, поэзией (*poesía regular*) в испанской поэтике называют стихи с равным количеством слогов в строках или с метрическими комбинациями, в которых повторяются строки равного размера.

⁵ Приведем в качестве иллюстрации начало «Илиады» в переводе Х. Эрмосильи:

De Aquiles de Peleo canta, Diosa,
la venganza fatal que a los aquivos
origen fue de numerosos duelos,
y a la oscura región las fuertes almas
lanzó de muchos héroes, y la presa
sus cadáveres hizo de los perros
y de todas las aves de rapaña...

⁶ Homero. Odisea. Instituto Cubano del Libro. La Habana, 1970; Homero. Illada. Instituto Cubano del Libro. La Habana, 1972.

мог бы повторить успех Виктора Берара, воссоздавшего «Илиаду» и «Одиссею» французским александрийским стихом и подарившего французам не просто дословный, но литературный перевод (или перевод «культурный», как его называют авторы, имея в виду высокую экспрессивность и поэтичность текста⁷).

Для сравнения укажем, что в русской литературе сложилась иная традиция. В русской школе поэтического перевода, получившей окончательное оформление в советский период, властвовал принцип собственно поэтического (стихотворного) перевода, основанного на функциональном подходе к оценке адекватности как перевода в целом, так и отдельных его аспектов⁸. Соответственно, и теория поэтического перевода, разрабатываемая советскими авторами, обосновывает именно эту концепцию и исходит из нее в решении конкретных переводоведческих проблем.

Все сказанное, однако, имеет силу только для случая, когда речь идет о практике поэтического перевода на русский язык, в том числе и о практике перевода испаноязычной поэзии. (Здесь можно лишь позавидовать русскоязычному читателю, имеющему возможность получить высокоадекватное представление о творчестве испанских и латиноамериканских поэтов.) Но стоит, так сказать, «сделать шаг в сторону», а именно обратиться к переводам русской поэзии на испанский язык, как картина сразу же меняется: даже советские издательства, для которых характерна чрезвычайно высокая культура перевода, отступают от упоминавшихся выше принципов поэтического перевода, когда дело касается не перевода поэзии на русский язык, но перевода русскоязычной поэзии на испанский язык⁹. Отступления имеют обычно два направления: в сторону «прозаизации» или в сторону «формализации». Остановимся на этих явлениях подробнее.

В большой подборке («Сто поэтов») переводов стихов, опубликованной в журнале «Literatura soviética» (1972, № 2), наряду с удачными поэтическими переводами, помещен ряд прозаических переводов (кстати, нередко снабженных простодушной подписью: traducción literal — буквальный перевод). Разумеется, мы далеки от мысли обсуждать здесь всерьез прозаические переводы, но приведем все-таки одно соображение: трудно, если не невозможно, представить, чтобы журнал «Иностранная литература» опубликовал объемную подборку переводов испано-

⁷ Н о т е г о. Odisea, p. XLIV.

⁸ С. Ф. Гончаренко убедительно показал, что основные положения современной советской школы поэтического перевода являются органическим развитием принципов, складывавшихся в ходе исторического развития русской литературно-переводческой традиции. (Г о н ч а р е н к о С. Ф. К вопросу о становлении отечественной школы стихотворного перевода. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 127. Вопросы теории перевода. М., 1978, с. 147—151).

⁹ Отдельные высокие достижения в поэтическом переводе с русского языка на испанский, например переводы Хосе Венто, отражают лишь личные достоинства и находки переводчиков и не опираются на достигнутый уровень «школы».

язычной поэзии, большая часть которых являла бы собой не что иное, как обыкновенные подстрочники. Это о прозаических переводах.

«Формалистический» подход — т. е. буквализм в области поэтической формы — имеет хождение главным образом в устных установках, редакторских заключениях, внутренних рецензиях издательских работников, связанных с публикацией русских стихов на испанском языке. Именно здесь все еще можно услышать требование точного воспроизведения в переводе всех компонентов поэтической формы оригинала — его метра, ритма, рифмы. Требования эквиметрии и даже эквиритмии являются на сегодняшний день анахронизмом и, по-видимому, нет большого смысла возвращаться к уже освещенному в литературе вопросу о функциональной эквивалентности отдельных компонентов текста, о различных аспектах адекватности перевода. Это о переводах формально-буквалистических.

Менее очевиден смысл иного предложения, внешне далекого как от прозаизации, так и от формального копирования оригинала, — предложения переводить русскую поэзию любых литературных направлений и стилей чисто силлабическим испанским стихом. Это предложение высказывается не только издательскими работниками, но и некоторыми теоретиками перевода. Так, И. Левый, абсолютизируя изосиллабический принцип организации испанского стиха (так же как и изохронический принцип организации русского стиха)¹⁰, делает следующее теоретическое заключение: «Для работы переводчиков поэзии имеют значение ... обстоятельства, вытекающие из ритмических отличий испанского и чешского стиха от английского, немецкого и русского: ...при переводе на языки, в которых ритм силлабически более организован, сохранение неправильностей в числе и расположении безударных слогов, т. е. свойств тонического стихосложения, присущих английскому, немецкому или русскому акцентному стиху, привело бы не к большей ритмической свободе, а к разрушению стиха»¹¹.

Начнем с того, что строгий силлабизм господствовал в испанской поэзии лишь на ранних этапах ее развития¹². Но уже с конца XIV в., с появлением заимствованных из португальско-галисийской поэзии размеров *arte-mayor*, в испанской литературе формируется также акцентный принцип версификации, и неравносложный (иррегулярный) стих получает большое распространение. Неравносложный стих стал господствующим не только в средневековом эпосе, но и в больших поэтических произведениях, написанных парными стихами, а также в корот-

¹⁰ Левый И. Искусство перевода. М., 1974, с. 269—270.

¹¹ Там же, с. 272—273.

¹² Народный же стих, как показывает Р. Менендес-Пидаль, всегда был неравносложным. См.: Менендес-Пидаль Р. Древнейшая испанская лирическая поэзия. — В кн.: Избранные произведения. М., 1961, с. 413—465.

ких лирических песнях¹³. Соотношение силлабизма и акцентности не оставалось неизменным в ходе исторического развития испанской поэзии и подвергалось существенным модификациям как в рамках различных литературных направлений, так и в рамках различных жанров. Но при этом акцентная система, будучи однажды введенной в испанскую литературу, закрепились в ней как законный компонент версификационной формы, дополняющий силлабическую организацию стиха. Таким образом, при переводе русской поэзии на испанский язык можно и нужно использовать не только силлабический стих, но и стих силлабо-тонический, учитывая, конечно, жанровую и стилистическую отмеченность метрических схем в национальных литературах, их расхождения в области значений¹⁴ и функций. Необходимы специальные метрико-сопоставительные и функционально-типологические исследования национальных поэтик¹⁵, которые помогут детально определить совпадения и расхождения значений одних и тех же версификационных компонентов в русском и в испанском стихах.

Прозаизация и буквализация оригинала в переводе проявляются и в области звуковой огласовки поэтического произведения, прежде всего, в области рифмы. Здесь мы не будем специально рассматривать проблему рифмы — ограничимся тем, что выскажем несколько положений, имеющих значение для выработки метода перевода русской поэзии на испанский язык.

Различия между испанской и русской рифмой имеют не только функциональный, но и субстанциональный характер. Русская рифма основывается по преимуществу на созвучии согласных, т. е. является консонантной; испанская рифма основывается по преимуществу на созвучии гласных, т. е. является ассонансной¹⁶. Полная рифма в русской поэтике экспрессивно нейтральна; полная рифма в испанской поэтике (двусложная ассонансная и консонантно-ассонансная) экспрессивно отмечена: она может использоваться как средство архаизации стиха, как средство создания возвышенного стиля и как прием формального поэтического украшения стиха.

Классическую (в частности, классицистическую и романтичес-

¹³ Ср.: Менендес-Пидаль Р. Стихотворные особенности поэм в Испании и во Франции. — Там же, с. 152—159.

¹⁴ По меткому замечанию Д. Стоффер, «ритм есть эхо смысла» (Staiffel D. A. *The Nature of Poetry*. N. Y., 1946). Ср. также глубокое освещение проблемы «смысла размера» и «области значения размера» в работе Б. В. Томашевского «Стих и язык». М.—Л., 1959, с. 26—27 и др.

¹⁵ Укажем в качестве примера интересное исследование Ивана Себальоса Кальдерона, в котором, между прочим, отмечается возможность «сосуществования разных версификационных систем в одном и том же языке». (Caldegon Ceballos I. *The Translation of Rhythme*. Equatorial House, 1970, p. 16.)

¹⁶ Консонантизм русской рифмы связан, вероятно, с ориентацией просодической системы на живое московское произношение с характерной для него редукцией безударных гласных; Б. В. Томашевский, высказавший такое предположение, датирует начало этого процесса XIX веком. (см.: Томашевский Б. В. К истории русской рифмы. — В кн.: Стих и язык, с. 69—131.)

кую) поэзию рекомендуется переводить на испанский язык с использованием (сохранением) точной рифмы; при переводе современной рифмованной поэзии вопрос об использовании рифмы в переводе может решаться по-разному в зависимости от экспрессивно-стилистических функций, свойственных разным типам рифм в оригинале. При переводе современной русскоязычной поэзии в общем случае желательно использовать неполную ассонансную рифму—если в тексте оригинала нет какой-либо специальной «установки» на рифму. (Заметим, что обратное соответствие, обусловленное указанными соотношениями, должно, очевидно, формулироваться так: при переводе испанской поэзии на русский язык не следует требовать, чтобы ассонансный стих «непременно был передан русским стихом с рифмой-ассонансом». Именно такой вывод сделал в свое время С. Ф. Гончаренко в докладе, посвященном теоретическим проблемам перевода латиноамериканской поэзии на русский язык¹⁷. И действительно, из сказанного выше ясно, что и консонантная рифма и полная рифма могут быть хорошим русским эквивалентом испанского ассонанса.)

В заключение этого короткого пассажа, посвященного рифме, приведем достаточно курьезный факт: автор данной статьи, как и большинство испаноязычных читателей, познакомившийся с Маяковским по изданным в Аргентине испанским переводам Л. Герреро, долгое время полагал, что новаторство поэта состояло в первую очередь в том, что он «раскрепостил» русский стих, освободив его от «ига» рифмы—дело в том, что Л. Герреро в своих переводах не использовала рифму...

Изложенные выше принципы далеко не исчерпывают всех возможностей поэтического перевода с русского языка на испанский. Они обеспечивают решение проблемы поэтического перевода лишь на типологически первой ступени, которая в терминах постулатов Т. Сэйвори формулируется следующим образом: *A translation should read like an original work.*—Перевод должен читаться как оригинал¹⁸. Но перевод, и особенно перевод поэтический, может быть выполнен и на более высоком типологическом уровне. Не помню точно, в какой именно работе Х. Ортега-и-Гассет написал замечательные слова: читающая публика любой страны не будет благодарить за перевод, сделанный по всем стилистическим нормам ее родного языка—для этого ей вполне хватает творчества ее собственных писателей. И на самом деле, не следует забывать, что перевод это не только способ передачи семантической информации,—перевод является и средством введения новых литературных форм, художественных принципов, эстетических норм. Достаточно вспомнить, например, роль перевода в формировании русского стиха. Перевод, следовательно, надо рассматривать и как

¹⁷ Латинская Америка, 1972, № 6, с. 156.

¹⁸ Savory Th. Указ. соч., с. 50.

источник обогащения национальных литератур, национальных поэтик¹⁹.

Если рассмотреть с этой точки зрения проблему перевода современной русской поэзии на испанский язык, то важно отметить следующее. На нынешнем этапе литературного процесса в испаноязычных странах стих классической конструкции (силлабический метр и полная рифма) воспринимается как архаическая форма. «Исчерпанность» классического регулярного стиха, а затем и стиха иррегулярного привела к интенсивному развитию верлибра. Переводчик современной русскоязычной поэзии, которая имела иное формальное наследие, по-иному его перерабатывала и пришла к иным результатам, стоит перед выбором: классический стих или верлибр? Первое решение неизменно привнесет в перевод стилевые черты, не свойственные оригиналу, и включит его в оппозицию «новое-старое» с несвойственной ему маркированностью «старое». Второе решение — верлибр — достаточно широко использовалось в издательской практике. Однако оно никак не может быть признано хорошим, поскольку вызывает у читателя ложные ассоциации с иными моделями развития поэтической формы и переносит современную советскую русскоязычную поэзию в несоответствующий ей культурно-исторический контекст²⁰.

Мы полагаем, что наиболее адекватным способом перевода современной русской поэзии на испанский язык является, в общем случае, перевод стихом с мягкой метрической структурой (нерегулярные силлабический стих, силлабо-тонический стих и — главное — тонико-силлабический стих), с гибким, коммуникативно мотивированным ритмом и с деканонизированной, главным образом ассонансной, рифмой. Такое решение, с одной стороны, лишает перевод архаичности, а с другой — позволяет читателю почувствовать присущее русской поэзии стремление конструктивно использовать версификационные компоненты стиха, дает ему возможность связать с этими компонентами более широкий диапазон смысловых и стилистических функций (чем тот, который дан ему в опыте своей поэзии), т. е. позволяет ему расширить границы эстетического восприятия действительности. Такое решение, наконец, позволяет передать индивидуальность переводимого поэта, не ограничиваясь в области формы общей метрической схемой, лишенной конкретности.

* * *

Изложенные в статье принципы поэтического перевода получили практическое подтверждение в переводческой деятельности Марисы Виньярски, о чем свидетельствует и публикуемый здесь перевод.

¹⁹ Ср. в этой связи наблюдения И. Левого относительно влияния — через переводы — русской усеченной рифмы на немецкую, чешскую и польскую поэтики (Левый И. Указ. соч., с. 318—324).

²⁰ К тому же, как было отмечено С. Ф. Гончаренко, русский верлибр существенно отличается от испанского (Латинская Америка, 1972, № 6.)

La Mosca - La Zumbosca

Mosca, mosca, la Zumbosca,
¡mosca de carita tosca!

Al andar por el caminito
se encontró un dinerito.

Fue la mosca al bazar
y compró un samovar:

«¡Venid de visita, cucarachas!
¡Yo con té os convidaré!»

Las cucarachas a tropezones
Toman el té a borbotones,

Y los bichitos -
de a tres vasitos

Con leche azucarada
y pan con marmelada:

¡Hoy la mosca - la Zumbosca
está de fiesta!

A la fiesta las pulgas vihieron,
de regalo unas botas trajeron.

Las botas eran coloradas
y tenlan hebillas doradas.

Vino de visita
La abuelita abeja,
trajo de casita
su miel en bandeja...

«Mariposa augusta,
pruebe el confite -
¿O es que no le gusta
Nuestro convite?»

De repente, un alacrán,
muy rufián,,
a la mosca de un tiron -
- ¡y al rincón!

¡Quiere a la pobre matar,
a la Zumbosca asesinar!

«Amigos queridos, ¡ayudadme!
¡El malvado quiere atraparme!
Yo os convidé
con tanta dulzura,
¡no me abandoneis
en mi desventura!»

Pero los gusanitos
se asustaron,
por rincones y rendijas
se lanzaron:

Las cucarachas
a las covachas,
y los bichitos
a los pocitos-
todos listos a escapar
pues no quieren pelear.

¡Y nadie de su sitio
ni a rebullir
aunque la buena mosca
pueda sucumbir!

Si vieran al grillito, el grillito,
se porta igual que un hombrecito,
salta, salta,
salta, salta,
detrás de una plana alta,
detrás de un puentecito,
y se queda calladito.

Si que no bromea el malvado,
pies y manos de la mosca ha ligado,
clava en su corazón el afilado diente,
ay, chupa y traga su sangre caliente.

La mosca grita que grita
desgarrándose,
el malvado calla que calla
regocijándose.

De pronto, ¿quién aparece?
Un mosquito pequeñito,
en su mano resplandece
pequeñito el farolito.

«¿Dónde está el asesino?
¡Tendrá merecido destino!»

Se acerca al rufián,
la espalda endereza
y de un ademán
le corta la cabeza.

A la mosca toma de la mano
y le dice muy galano:
«Al malvado yo maté
y a tí te liberé.
Ahora sin más tardar
¡contigo me quiero casar!»

Los gusanitos y bichitos
salieron de los rinconcitos.

«¡Gloria, gloria, al Mosquito,
al vencedor!»

Las luciérnagas muy comedidas
vinieron con luces encendidas!
Oh, ¡cuánto regocijo!
Oh, ¡cuánta alegría!

Eh, vosotros, cienpies,
hay que ir con rapidez,
a los músicos llamar,
pues vamos a bailar.

He aquí: los músicos llegaron
y ya sus tambores resonaron.
¡Ti-li-ti-to! ¡Ti-li-ti-to!
baila la mosca con el Mosquito.

¡Y la chinche detrás-trás
con las botas chás-chás!

Las avispas con bichitos,
las pulgas con gusanitos.

Los escarabajos orondos
de sombrero redondos
bailan con mariposas
de capas vaporosas.

¡Tara-ti-tas, tara-ti-tas!
¡danzan todas las mosquitas!

¡Todos se abrazan
porque hoy se casan
la señorita mosca
y el señor mosquito!

¡Una hormiga, qué hormiga!
zapoteando con su amiga,
dando brincos y brincadas
a todos les hace guiñadas.

«Mis bichitos
queriditos,
¡bichi-bichi-bichi-bichi-bichichitos!»

Las botas chasquean,
los tacos golpean,
¡ah, qué baile, qué baile habrá
sin duda hasta el alba durará!
Hoy la mosca – la Zumbosca
¡está de fiesta!

Traducción del ruso de
Marisa Viniars (Viniarski)

С. С. Прокопович
(Москва)

РЫЦАРСТВО И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОТОРЕНЕССАНСА

(К вопросу о «культурной коммуникации»)

В последнее время в связи с развитием лингводидактики большое значение приобретает изучение функции языка, связанной с накоплением информации. Конкретно мы имеем в виду так называемый «культурный компонент» слова (лексический фон), который не только дополняет, но и зачастую существенно корректирует его основное лексическое значение¹.

Но этот компонент, как и культура в целом, не подлежит однозначному определению. Тем более это необходимо учитывать, когда речь идет об эпохах, оставивших глубокий след в человеческой истории и, следовательно, в языке. Одной из таких эпох является Возрождение.

Эпоха Ренессанса вызывает по сей день оживленные споры

¹ См. об этом: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

среди ученых. Эти споры, со своей стороны, и помогают нам выделить основные уровни того, что можно было бы рассматривать в качестве культурной модели эпохи. Спор о географической распространенности Ренессанса подчеркивает национально-историческую специфику любой культурной модели², тогда как попытка определить место культуры итальянского Ренессанса как типично городского явления в общем контексте культурной жизни нации (что весьма существенно для Италии, где преобладание сельского населения над городским сохранялось долгое время уже после Ренессанса³) вскрывает такое важное измерение культурной модели, как ее социальную обусловленность. С учетом этих двух обстоятельств — национального и социального измерения культурной модели — попробуем в данной статье проанализировать «культурный компонент» слова *рыцарь* (cavaliere) на материале итальянских литературных источников.

Образом идеального рыцаря итальянская литература обязана Франции. Но при переходе в новую культурную среду этот образ существенно изменился. Прежде всего следует констатировать, что в сознании итальянца XIII—XIV вв. французские герои-рыцари все больше и больше увязываются с местными итальянскими событиями.

Джованни Виллани в своей «Хронике» подробно излагает историю основания Флоренции. Среди прочих исторических персонажей, судьба которых так или иначе связана с городом, Виллани упоминает и Карла Великого, который во время одного из своих итальянских походов заново отстроил разрушенную Флоренцию. Боккаччо так излагает эту легенду в «Фьезоланских нимфах»:

Великий Карл, с победой в поле чести,
Не медля, к нашим подошел местам,
Флоренцию воссоздал он из пыли,
Она ж потом его служила силе.

Само по себе включение Карла Великого в флорентийскую хронику не привлекло бы нашего внимания, если бы не тот факт, что Эйнгард (IX в.), один из авторитетнейших биографов Карла Великого, упоминая о походе короля в Италию, никак не увязывает его имя с Флоренцией, как это значительно позже делают флорентийцы Виллани и Боккаччо. Думается, перед нами один из многочисленных примеров «глубинной натурализации» французского рыцарского эпоса в Италии. Это тот процесс, о котором говорят в своих работах Марти, Сапеньо, Бертони, Ронкалья и др.⁴: французская рыцарская ли-

² Баткин Л. М. Заметки о границах Возрождения. — В сб.: Советское истисознание. № 78 (второй выпуск). М., 1979, с. 94—121.

³ Romano R. Tra due crisi: l'Italia del Rinascimento. Torino, 1971.

⁴ См.: Bertoni G. Il Duecento. Milano, 1973; Sapegno N. Storia letteraria del Trecento 1963; Le origini e il Duecento, 1965; Arese F. Prose di Romanzi. Il romanzo cortese in Italia nei secoli XIII e XIV. Torino, 1950; Gardner E. G. The Arthurian Legend in Italian Literature. N. Y., 1971 и т. д.

тература, распространяясь по Италии, вбирала в себя итальянские легенды, истории и местные хроники, становясь, таким образом, частью культуры уже итальянской. Рыцарский компонент сопричастствует в Италии вместе с другими в рамках некоторого культурного единства и не ощущается как инородное тело. Устанавливается «культурная коммуникация», в рамках которой отдельные компоненты вступают друг с другом в довольно сложные отношения.

Особый интерес представляет восприятие рыцарства в условиях городов Северной Италии. И здесь следует отметить прежде всего популярность среди итальянских горожан различных рыцарских сказаний. В городской литературе того времени, и в частности в «Новеллино», мы обнаружим, что дворянин-рыцарь является, как правило, положительным персонажем, подает пример мужества, мудрости, щедрости, благородства. «Новеллино» также использует в качестве источников для отдельных рыцарских новелл легенду о Тристане и Изольде, романы «бретонского цикла». Этот факт лишь дает еще одно свидетельство той огромной популярности, которой легенда о Тристане и Изольде пользовалась у итальянцев XIII—XIV вв.⁵

В итальянской литературе существуют несколько редакций этой легенды, которые во многом существенно отличаются друг от друга⁶. С учетом проникновения тристановых сюжетов в городскую новеллистику («Новеллино») мы можем высказать предположение, что на эволюцию легенды о Тристане и Изольде существенное влияние оказала городская среда Северной Италии. Причем речь может вестись, на наш взгляд, как о разовых заимствованиях, так и сознательных включениях новых мотивов в традиционные рыцарские стереотипы. Так, например, в «Tristano riccardiano» король Марк осуждает Тристана на изгнание, объявляя его декретом практически вне закона:

...Dappoi che lo re Marco ebe messa madonna Isotta nella torre, sì come detto è, e egli si fece mettere *bando* in per tutto lo suo reame, che neuna persona non debia ricordare Tristano, in pena d'essere distrutto, e ogn'uomo lo possa *affendere in avere e in persona e senza nessuno bando*. (Tristano riccardiano, XCI)

В этом отрывке обращает на себя внимание устойчивое юридическое клише, которое нередко можно встретить во флорентийской хронике XIII—XIV вв. Дино Компаньи:

1) *E chi non si difendea, era accusato, e per contumace era condannato nell' avere e nella persona*; 2) *E subito li fu dato bando, e condannato nell' avere e nella persona*. (II, XXI, 7—8; I, XVI, 59—60)

⁵ Об этом упоминают практически все исследователи при рассмотрении динамики литературного развития в Италии XIII—XIV вв. Из наиболее обстоятельных работ можно назвать: *B r a n c a D. I romanzi italiani di Tristano e la Tavola Ritonda*. Firenze, 1968.

⁶ См.: *Tristano riccardiano, Tristano Veneto, Tavola Ritonda, ecc.*

Заимствованное юридическое клише сразу обращает на себя внимание, так как если во флорентийской хронике оно облеклось своим конкретным значением в перипетиях городской жизни и было уместно, то в рыцарском романе эта юридическая формулировка выглядит по меньшей мере анахронизмом: странствующий рыцарь наподобие Тристана не имел имущества!

Влияние города на трактовку рыцарских сюжетов и персонажей можно проследить и на других текстах, имевших хождение в Италии. Появляются новые мотивы в раскрытии такого традиционно-рыцарского качества, как любовь.

Известно, что любовь в рыцарской литературе могла исключать брак, могла к нему и тяготеть, как это происходит в романах Кретьена де Труа. Но в поэме «Entrée d'Espagne», появившейся в Италии в первой половине XIV века, рыцарю Роланду предлагают выгодный брак с красавицей Саломэ при условии, что они с женой народят детей:

...une fille que Salomé a nom,
mout par est belle; s'en vie la trovon,
bier, prenêç, la, *por tiel division*
qu fil engendres... (11686–11689)

Этот мотив уводит нас в сторону от привычного куртуазного идеала любви-служения. Здесь, как нам представляется, сказало непосредственное влияние городской бюргерской среды, в которой брак между мужчиной и женщиной рассматривался как естественный (*satisfacendo alla natura*) союз для продолжения рода людского (*per conservare l'umana generazione*, — *Bono Giamboni; senza la femina lo mondo non potrebbe durare*, — *Andrea da Grosseto*). Обращаясь к куртуазной литературе, горожанин и туда переносил привычный ему стереотип брачно-любовных отношений, стремился решить любовную интригу по возможности с помощью брака, как это особенно отчетливо проявится у Боккаччо⁷.

- В условиях итальянского города традиционные рыцарские образы начинают постепенно приобретать функцию вполне определенного эталона поведения, нравственного идеала, на который, в известной степени, должны были ориентироваться все горожане, а не только дворяне-рыцари. Рыцарский стереотип вступает, тем самым, в новый этап своего развития. Поэт Фолгоре да Сан Джиминьяно (XIII в.) говорит в одном из своих сонетов об идеальном царстве, которое бы он населил лучшими из своих сограждан:

in questo regno Nicolò incorono,
perch' elli è 'l fior della città sanese;
Tingoccio e Min di Tingo ed Arcaiano,
Bartolo e Mugàvero e Fainotto,

⁷ См. Poole Gordon. *Alle origini della concezione borghese della donna*. — In: Mazzacurati Giancarlo, Poole Gordon. *Il sistema del Decameron*. Napoli, 1973.

che pariano figliuol' de re Priano,
prodi e cortesi più che Lancilotto,
se bisognasse, con le lance in mano
farian torneamenti a Camelotto.

...Lancelotto e Tristano
non valse me' di voe,
quando bisogno fue...

(B. Latini «Il Tesoretto», 40-42)

Новый «городской» этап развития рыцарского стереотипа вынуждает нас более подробно рассмотреть отношение итальянских горожан к рыцарству на рубеже XIII—XIV вв.

Прежде всего это отношение было противоречивым. Рыцарей преследовали в законодательном порядке как врагов политических. Но одновременно с этим, свидетельствует Г. Сальвемини, викарии, подеста, наместники укрепленных замков нередко выбираются пополанскими Коммунами из среды рыцарей. Горожане продолжают выбирать из среды рыцарей людей для посольств, военных миссий и т. д.⁸ Авторы городских хроник особенно подчеркивали воинские качества рыцаря, умение владеть оружием:

In quel tempo venne in Firenze il re Carlo di Sicilia, che andava a Roma; il quale fu dal Comune onoratamente presentato, e con palio e armergerie; e da' Guelfi fu richiesto d'uno capitano con le insegne sue. Il quale lasciò loro messer Amerigo di Nerbona, *suo barone e gentile uomo*, giovane e bellissimo del corpo, *ma non molto sperto in fatti d'arme*, ma rimase con lui uno antico *cavaliere* suo balio, e molti altri cavalieri atti ed esperti a guerra, e con gran soldo e provisione. (D. Compagni. «Cronica». I, VII, 14—22)

Выделяя традиционно «бойцовские» качества рыцарей, флорентийский хронист Дино Компаньи отводит им вполне определенную социальную роль. И эта роль — война по преимуществу: неудачу военной экспедиции флорентийцев против города Ареццо Дино Компаньи объясняет в своей хронике тем, что во главе ополчения стояли пополаны — приоры, которые к войне не пригодны, а не профессиональные воины-рыцари (I, X, 55—69).

В городской «художественной» литературе «социальная роль» рыцарства могла отходить на второй план.

Со словом *cavaliere* (рыцарь), у итальянского горожанина ассоциировались такие «бойцовские» качества, как отвага, мужество, а также благородство. Эти качества горожанин искал в рыцарской литературе, их же он стремился запечатлеть в живописном декоре палатцо в виде аллегорий⁹, что уже дает нам более широкое толкование рыцарской доблести. Подобное же толкование в художественной литературе получают со временем все основные рыцарские качества.

⁸ Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze. Torino, 1960.

⁹ Данилова И. Е. Итальянская монументальная живопись. М., 1970, с. 37

И прежде всего это относится к такому понятию, как «cortesia», представлявшему некогда всеобъемлющую модель поведения, которая соотносилась одновременно с вполне определенным социальным статусом. В «Декамероне» Боккаччо «cortesia» теряет свой первоначально универсальный характер и в первую очередь соотносится теперь с богатством/щедростью, оставаясь одновременно одним из центральных качеств положительного героя. С помощью «cortesia» Федерико дельи Альбериги завоевывает сердце своей возлюбленной и вновь обретает утраченные прежде богатства. Щедрость Чисти-пекаря (cortesia) помогает ему завоевать симпатии своих более знатных соотечественников. И, наконец, щедрость (cortesia) купца мессера Торелло помогает ему стать в глазах окружающих настоящим рыцарем, т. е. фактически изменить свой социальный статус. Новизна подобного раскрытия образа становится особенно заметной, если мы сопоставим мессера Торелло и других купцов, выведенных в «Декамероне» Боккаччо: жадных, недалеких, с их смешными потугами пролезть в знать. Даже такой положительный персонаж, как Чисти-пекарь (VI, 2), сознает всю значимость социальных рамок и отказывается, когда мессер Джери приглашает его в гости вместе со знатными горожанами. В этой связи осмелимся высказать предположение: Чисти-пекарь является лишь ступенью к мессеру Торелло. И тот, и другой богаты и отличаются внутренним душевным благородством (заметим попутно, что у Боккаччо, как правило, богатство сопричастно благородству, но никогда его не заменяет), но Чисти, несмотря на это, продолжает оставаться пекарем — *personalmente la sua arte eserceva*, — тогда как в новелле о Торелло-купце уже полностью отсутствуют элементы, указывающие на особый род занятий героя. Это облегчило восприятие «очищенной» феодально-рыцарской традиции в столь же «очищенной» городской среде «Декамерона» Боккаччо и синтез на основе слова-понятия *cavaliere* — принципиально нового явления.

В нашей статье мы попытались рассмотреть слово-понятие *cavaliere* в контексте итальянской культуры XIII—XIV вв. Сделанные наблюдения, думается, позволяют утверждать, что в этот период в результате контакта различных культурных традиций происходит существенное переосмысление традиционного рыцарства, модифицируется — и весьма значительно — традиционный «культурный компонент» слова *cavaliere*. На пересечении различных культурных традиций (сословно-феодальной и городской) возникают и совершенно новые образы: горожанина-рыцаря (*cavaliere-massaio*) и одновременно с этим рыцаря-купца¹⁰. Рождается новое явление культуры, появляется со временем новый социальный тип, который во многом определит

¹⁰ Прокопович С. С. Адекватный перевод или интерпретация текста? — Тетради переводчика, вып. 17. М., 1980, с. 44—45.

характер Высокого флорентийского Возрождения. Все это стало возможным благодаря «культурной коммуникации», один из примеров которой мы попытались описать в данной статье.

Михаил Яснов, Елена Баевская
(Ленинград)

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДСИМВОЛИЗМА*

18 сентября 1886 года в «Ле Фигаро» появилась статья Жана Мореаса «Манифест символизма»: новое литературное течение становилось во французской лирике ведущим и было теперь оформлено теоретически.

Русские поэты, чуткие к французской литературе, откликнулись на это течение многочисленными переводами стихов из новейших парижских сборников и журналов. Между тем, русских поэтов символистского толка привлекал прежде всего мощный талант Верлена — настолько, что большинство его сподвижников (за исключением, разве что, Рембо) оказалось в тени.

Кто были эти современники и сподвижники? Сам Верлен в 1884 г. выпустил серию очерков, посвященных нескольким близким ему по духу поэтам, которых он окрестил «проклятыми». Кроме Рембо, он отнес сюда прежде всего Стефана Малларме и Тристана Корбьера. Понятие «проклятых» вошло в литературный обиход и объединило ряд поэтов, схожих поэтическими устремлениями, а нередко и судьбами.

У большинства из них (Рембо, Корбьера, Кро, Ришпена, Лафорга) первые книги появились в одну и ту же эпоху — после поражения Парижской коммуны. Некоторые из этих первых сборников оказались единственными. В основе поэзии «проклятых» — философский «принцип двоемирия», в котором сосредоточено «несогласие поэта с существующим, его тяготение к оппозиционности, к контрастам и антитезам»¹. Под воздействием Бодлера складывался определенный стиль «проклятых» — смешение высокого и низкого, тяга к недостижимому идеалу и неприятие грязи и пошлости мира, традиционная чеканность формы и дерзкий формальный поиск, ведущий к свободному стиху. При этом весьма существенной оказывается романтическая традиция, но не та, которую позднее Аполлинер назовет «неким отзвуком декоративных красот романтизма», а скорее, по его же словам, та «пытливость», которая побуждает поэта «исследовать любую область, где можно найти для литературы

* От редакции: В настоящем выпуске «Тетрадей переводчика» публикуются в порядке обсуждения новые переводы стихотворений французских «предсимволистов» С. Малларме, Т. Корбьера, Ж. Ришпена и Ж. Лафорга. Публикации предшествует даваемая переводчиками характеристика творчества указанных авторов.

¹ Обломиевский Д. Д. Французский символизм. М., 1973. с. 230

материал, способствующий прославлению жизни, в каких бы формах она ни являлась»².

В творчестве Стефана Малларме мы выделяем период, когда будущий глава французского символизма тяготеет к поэтике «проклятых»; он представлен в нашей подборке двумя стихотворениями «Окна» (1863) и «Лазурь» (1864); здесь с наибольшей силой выражена мучительность духовного поиска, тоска по творческому созидательному началу и отталкивание от всего житейского, низкого.

Стихотворением Тристана Корбьера «Конец», опубликованным в единственном его прижизненном сборнике «Желтая любовь» (1873), завершается один из главных циклов этого сборника «Люди моря». В противовес чистому романтизму Виктора Гюго (чье стихотворение «Осеано пох» — отправная точка и повод для полемики) у Корбьера подчеркнута изнанка романтической традиции и судьба гибнущих матросов характерно противопоставляется оставшимся на берегу «хозяевам земли».

Жана Ришпена, который многими «проклятыми» воспринимался как учитель, мы представляем стихотворением «Перелетные птицы», вошедшим в его первый, наиболее значительный сборник «Песнь босяков» (1876). Это прославление одинокого романтического подвига во имя свободы и независимости личности от «скотского» быта буржуа.

Наконец, стихотворение Жюля Лафорга «Приход зимы» (1886), опубликованное за год до его ранней смерти, — это поэзия, выросшая из неброского быта и поднявшаяся до высокого трагизма раздумий о любви и смерти. Оно дает представление о формальных поисках, которые вели «проклятые» в борьбе с узаконенными поэтическими формами, переосмысливая их и расширяя поэтический арсенал за счет расшатывания канонических размеров.

Стефан Малларме

Окна

Больницу скорбную и ладанный зловонный
Дымок, струящийся к распятью на стене,³
Не в силах вынести большой приговоренный —
И вот заковылял, осилив боль в спине,

Стал у окна — зачем? Взглянуть на двор мощеный?
Согреть гнилую кровь и утишить озноб? —
Нет, к раме, солнечным касаньем позлащенной,
Он клонит восковой и воспаленный лоб,

² Аполлинер Гийом. Новое сознание и поэты. — В кн.: Писатели Франции о литературе. М., 1978, с. 53.

³ Французские комментаторы усматривают здесь открытую цитату из стихотворения Шарля Бодлера «Маяки». Ср. перевод Вяч. Иванова из Бодлера: «Больница скорбная, исполненная стоном, | Распятье на стене страдальческой тюрьмы...»

Покуда всем нутром, в былые годы жадным
До плоти, до любви, не отрываясь пьет
Небесную лазурь, — и в поцелуе смрадном
К нагретому стеклу прижал горящий рот.

Он ожил, позабыв постылый двор больничный,
Микстуры, кашель, боль, и даже сам недуг,
И ладан; а когда над крышей черепичной
Кровавится закат, — он замечает вдруг

Златые паруса над гранью небосклона
Легко и царственно вдоль пурпурной реки
Скользят, — и вот на разум утомленный
Нисходит забытье, врачюя от тоски!

Так я в иные дни, когда мне опостыли
Тупые поиски житейских жирных благ,
Заботы о жратве — куске зловонной гнили,
Которой требует прожорливый очаг, —

Спешу, охваченный неодолимой тягой,
И вот перед окном, забыв земное зло,
Гляжусь в омытое чистейшей горной влагой,
Дыханьем Вечности согретое стекло,

И вижу ангелом себя, и чую крылья,
Увенчанный венком, сплетенным из мечты,
И счастлив, умерев, ожить на миг всеилья
В небесном царствии цветущей Красоты.

Увы! Не скрыться мне, и все тесней осада,
И все пронзительней смердит людская дурь,
И, обессилевший от жизненного смрада,
Я затыкаю нос, любуюсь на лазурь.

Не лучше ли — насквозь? Немногим я рискую:
Разбитое стекло увидев за собой,
Ободранным крылом пространство рассеку я,
Взлечу — а там пускай хоть в бездну головой!

Лазурь

Есть горняя лазурь, которая небрежной
Бесчувственной красой является на свет —
Под бременем ее насмешки безмятежной
Влачась в пустыне выжженной, свой дар клянет поэт.

Зажмурюсь — но ее презрительное око
Мне душу бередит, укором колет грудь.
Какою ветошью от этого попрека
Завеситься? В какой комешный мрак нырнуть?

Ты, пепельный туман, клубись! Ползи все выше,
Затягивай тряпьем безжалостную синь,
Раскинься по небу глухой белесой крышей
И над осенними болотами застынь!

А ты, моя тоска, из омутов летейских
Восстань, и собери седые камыши,
И в туче, продранной крылами птиц злодейских,
Прорехи синие заштопать поспеши.

И трубы! Пусть они дымят на всю округу!
Плюются копотью! Пускай их зыбкий чад
Набросит бурю тюремную дерюгу
На умирающий над городом закат!

— Твердь умерла. — Теперь лишь об одной награде
Молю земную персть: за то, как я страдал,
Дай затеряться мне в людском дремотном стаде,
Забыть и — что есть Грех, и — что есть Идеал,

Затем, что мозг мой пуст, как склянка из-под грима,
И страшно, и невмочь бессильному уму,
Томимому одной алчбой неутолимой,
Впиваться в смертную зияющую тьму...

Увы мне! Торжество Лазури очевидно,
А мы, душа моя, повержены во прах.
Ты слышишь — вот она бахвалится бесстыдно
И, стоязыкая, гудит в колоколах!

Звон настигает нас расплатой непреложной.
Могущественней тьмы, губительнее бурь:
Хулить — кощунственно. Скрываться — безнадежно.
Со мною призрак мой. Лазурь! Лазурь! Лазурь!

Перевела Елена Баевская

Тристан Корбьер

Конец

О, сколько моряков, исполненных отваги,
Ушли в далекий путь, под ветер, полный влаги,
За мрачный горизонт, чтоб кануть навсегда!..

.....
Как много кораблей и мертвых экипажей!
Страницы их судьбы и жизни их бродяжей,
Листая, проглотил, рассеял Океан.
Неведом их конец, пучиной яглощенный!..

.....
Никто не будет знать их имена — ни эхо
На тесном кладбище, ни камень у куста,
Ни шумная листва осыпавшейся ивы,
Ни жалкие, как стон, печальные мотивы
Слепца, стоящего у старого моста.

(Виктор Гюго. *Océano Nox*)

Итак, любой моряк — от кэпа до салаги —
Ушел в свой Океан, чтоб кануть без следа.
Туда, в далекий путь, под ветер, полный влаги,
Навечно умереть — как вечно жить... Туда!

Что ж, это их судьба: на палубах дощатых,
В размокших башмаках, живьем в своих бушлатах,
С Курносой рядом лечь, успев хлебнуть вина.
Вразвалку ходит смерть... Вот славная бабенка!
И что упрямцам шквал, валами бьющий звонко,
Разверзший хлябь до дна!

Шквал... Это ли конец? Уже бушприт расколот,
Залиты паруса, все круче крен — и вот
Удар свинцовых волн — и выхлестнут рангоут,
И, опрокинувшись, корабль на дно идет!

— На дно! — Бездонный крик... Уж где там сухопутной
Смертишке до морской погибели под мутной
Волной, крушащей борт, — когда с улыбкой смерть
Встречают моряки!.. — Все по местам! — Как блики,
Мелькают призраки — карга меняет лики:
Не Смерть — а Смерчь!

Утопленники?.. Блажь! Ведь это в речке — тонут
Пошедшие ко дну!.. Морская глубь — не омут.
И, вплоть до юнги, все, кого настигнет рок,
Бочонки осушив, идут себе враскачку,
С божбою на губах и схаркивая жвачку,
И океан им — на один глоток!

.....
Ни крыс кладбищенских, ни глубины в шесть футов —
Одна акуля пасть!.. Матросская душа
Живет не в духоте подвалов и закутов,
А волнами дыша.

Вот мрачный горизонт, где поднялось волнение, —
Как чрево шлюхи площадной,
Алкающее всех, не зная утоленья...
Все души — там! Все до одной!

Прислушайтесь: ревут валы, над бездной сгрудясь, —
Вот праздник этих душ! Вот песня без конца!
И ветер штормовой трубит им De profundis.
Оставьте же, поэт, свой жалкий стон слепца!

...Качаются они над пропастью морскою,
Как волны, зелены, в нетронутой дали,
Нагие, без гробов... Оставьте ж их в покое,
Хозяева земли!

Жан Ришпен

Перелетные птицы

Квадратный черный двор. Все мирно, сонно, тихо.
Конюшни, хлев, сарай, господский двор вблизи
Да рига в глубине, как сельская франтиха:
В соломе до бровей, до пояса в грязи.

Вот деревянный чан, откуда пьют кобылы, —
Распарившись в тепле, он безмятежно спит.
И жижа мутная блестящая покрыла
Вчерашние следы телеги и копыт.

Поодаль, где навоз уже плотней и суше,
Насквозь разворошив слежалый черный наст,
Скопившийся овес выискивает клуша:
То клювом подсобит, то лапками поддаст.

Оставленный своей кудахтающей свитой,
Усевшись на возу в сухой помет и грязь,
Раскормленный петух, зерном по горло сытый,
Лощеным гребешком прикрыл дремотный глаз.

В углу зловонный пруд выходит на задворки,
Две утки сонные вдоль берега плывут
И тину жирную в мечтательном восторге
Глодают медленно, ныряя там и тут

Под солнцем разомлев, на серой черепице
Воркуют голуби, до одури, взახлеб,
И в знойном мареве у каждого лоснится
То фиолетовый, то бирюзовый зоб.

Оттенки быстрые эмали и збена
Перебегают, как морской кипящий вал,
Под бархатным брюшком скрывает перьев пена
Лиловых нежных лап ветвящийся коралл.

В загоне индюки, как черные чинуши,
И гуси белые пасутся у ворот.
Покойны их тела и безмятежны души —
Как прочен этот мир! Как счастлив этот скот!

О, сало! О, мяса! Начало ли апреля,
Конец ли декабря — все сытость, все уют.
Голубка с голубком от нежности взопрели:
Трехдневную любовь на все лады поют.

У этих индюков нет горя и в помине,
И к небесам летит их вечная хвала,
И скажет в смертный час растроганно гусыня:
«Я исполняла долг!.. Я здесь, как все, жила!..»

Вот это долг так долг! Хулить напропалую
Все то, что не понять пустым своим умом,
Обламывать цветы и бабочку ночную
Проглатывать с травой в неведеньи тупом.

Ну что ж, прекрасный долг! Весь век сидеть в навозе,
Не думать ни о чем, не мыслить отродясь.
Мечтать?.. Зачем? О чем?.. И в немудреной грезе
Вселенной почитать всю эту вонь и грязь.

И никогда вовек под перьями и жиром
Не ощутить порыв проснуться и взлететь,
Чтоб ночью, как звезда, царить над целым миром
И к солнцу воспарить, и в нем дотла сгореть.

Все таковы! Никто не бьется над вопросом,
Откуда эта жизнь — что так тупа, слепа,
И не узнать гусям и уткам плосконосым
О том, что с носом их оставила судьба!

Вот почему их дни размеренно-тягучи,
Вот почему их жизнь покойна и сладка!
О, счастье, — спать в грязи и в норах по-барсучьи
Вдали от всех тревог отлеживать бока!

Какая благодать: живая мертвечина!
Кому там дело — тьма снаружи или свет?
И только сердце, как холодная машина,
Стучит с гарантией на десять скудных лет!

Счастливицы!.. В этот миг над крышею сарая
Неспешно проплыла, притягивая взгляд,
Широким клином, вдаль, птиц перелетных стая...
Откуда? Кто они? Куда они летят?

Оставил в страхе двор корыта и кормушки,
Вскричали голуби и, головы задрав,
Скатились кубарем на землю, где индюшки
Дрожа попрятались в укрытье чахлах трав.

Кудахча, курицы забились у забора,
Петух взъерошился и выпучил глаза,

И гребешком затряс, и, изготовив шпоры,
Зашелся, завопил, уставясь в небеса.

Что с вами, господа? Не виден им ваш дворик.
Что, дурень, ты кричишь? Не слышен им твой крик.
Неужто тем, чей путь далек, высок и горек,
Покажется навоз желанным хоть на миг?

Смотрите, как они над цепью гор и пашен,
Над морем, где порой встает ревущий вал,
Свободою дыша, летят, — гортани ваши
Один такой глоток мгновенно б разорвал!

Взгляните! Кто из них достичь сумеет цели?
Кто, крылья обломав и разбиваясь в кровь,
Погибнет на пути? Все те же, кто имели
И жен, и матерей, и — вам ли знать? — любовь.

Все те же, кто, как вы, могли бы для проорма
И жен, и матерей сойти на задний двор.
Но их, безумцев, ждет смертельный запах шторма,
Но их, поэтов, ждет немислимый простор.

Худы, изнурены, устали до бессилья —
И все же никогда не повернут назад,
И всем семи ветрам распахивают крылья:
Влечет их тайна вдаль. И вот — они летят.

Летят сквозь ураган, от холода сизея,
И ливень их сечет, и душит их гроза.
И все-таки летят — покуда ротозеи
На них испуганно глядят во все глаза.

Летят в далекий край — о, короли пространства,
Что им навозный быт и скука без конца? —
Там солнце их введет в сияющее царство,
Согреет их тела, возвысит их сердца.

Там, на чужой земле, в стране обетованной,
Где горный горизонт прозрачен и высок,
Там тот лазурный рай, там берег тот желанный,
Который никогда присниться вам не мог.

Смотрите же на них, гусыни и наседки, —
Вовек вам не рискнуть отправиться в полет!
И все, что долетит с небес до вашей клетки
От этой голытьбы, — один ее помет!

Перевел Михаил Яснов

Жюль Лафорг

Приход зимы

Ненастями щедры восточные дары:
В завесе дождевой, в замесе неживой
Поры...
Сочельник, Рождество, а там и Новый год,
Фабричный сизый дым перед окном плывет
Моим!..

Как сыро! Не присесть. Дождем прибиты травы.
Поверь, все кончено теперь до вешних дней.
И так скамьи мокры, и так деревья ржавы!
Та-ри-ра-ра! — трубит рожок среди полей.

Я воскресенья ждал, но облака с Ла-Манша
Нам омрачили день, что был так светел раньше.

Пустынно;

То льет, то моросит, лес вымокший стоит,
И рвется под дождем на ветках паутина.

Вы, празднеств полевых достоинство и сила,
Всевластные светила,

Вы где погребены?

Закат... Истасканное солнце сиротливо

Валяется в траве, у самого обрыва,

Белеет, точно в кабаке плевок,

Ему подстилкой — желтый, жесткий дрок.

Рожки над полем зазвучали:

Вернись! Вернись!

И обновись, и позабудь печали!

Рожки зывают на ветру:

Та-ри-ра-ра! Та-ру-ру-ру!

О как безумствует рожок!

А солнце, словно вырванной миндалины комок,

В жестокой дрожи

На жестком ложе!..

Вперед! Вперед! Та-ри-ра-ра!

Знакомая Зима является опять,

Больших дорог петляют повороты —

Но Красной Шапочки за ними не видать!..

Остались колеи там, где возы скрипели,

И донкихотствуют, как рельсы дыбясь ввысь,

Туда, где облаков рассеянные роты

Летят, и ветер их теснит навстречу океанской колыбели,

Пришла знакомая пора,

Поторопись, поторопись!

А ветер в эту ночь бесчинствовал на славу!

О гнезда, клумбы, сад, о жалкий птичий кров!

Моя душа, мой сон: о эхо топоров!

Еще вчера в лесу трава была жива,

А нынче тлением в лицо дохнула мертвая листва нам;

Ах, листья, лепестки, неситесь караваном —

В костре сожгут вас лесники,

Пойдете вы на тюфяки

Для полевых госпиталей

Далёко от родных полей.

Пора, осенняя пора, все ржавеет, всему приходит срок.

Ржа гложет проводов километровую хандру

Над поворотами пустых дорог.

Трубит рожок печально поутру!..

Трубит рожок!..

Все выше тон, все тише стон,

Все дальше он — уже не разберу —

Сквозь сон: ту-ру-ру-ру!

Рожков не слышно... звук затих...

Как будто ветром сдуло их.

Настала тишина, и отзвучало эхо.

Пора, все кончено, и собран виноград!

Тишайшие дожди бесплотно моросят.

И собран виноград, и ни к чему корзины,

Корзины ни к чему, те, что с холстов Ватто.

И снова кашель, теплые пальто,

Сырые вечера, дымящие каминь,
Чахоткой обостренные черты —
Столичной нищеты убогие картины.

Итак, предместье — океан
Намокших серых крыш, дремота и туман,
Эстампы, лампы, чай, промозглый дождь в окне,
Калоши, теплое белье, испарина во сне —
Неужто вы одни теперь остались мне?!..
(А помнишь ты — рояль играет где-то?
А строгая статистика смертей
Раздела новостей
В вечернем выпуске газеты?)

Бесцветная пора, бесцветная планета!
Пускай ветра
Распустят тот чулок, что Время вяжет до рассвета.
Пришла пора тоски, отчаянья пора.
И с давних пор, и с давних пор
Вступает голос мой на равных в этот хор.

Перевела Елена Баевская

III. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Радмила Мароевич
(Белград, СФРЮ)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РОДСТВЕННЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Проблема перевода фразеологизмов на родственный славянский язык теоретически недостаточно разработана. Такой перевод вызывает, как известно, наибольшие трудности, так как каждый фразеологизм, наряду со своим общим лексическим значением, обладает национальной спецификой и образностью, которую ему придают составляющие его слова. Трудности перевода фразеологизмов обнаруживаются как при семантизации — выявлении их значения, символического поля и функции в данном контексте — так и в плане выражения — поиска адекватных по образности, значению и стилистической окраске оборотов на языке перевода. Особые трудности представляет адекватная передача фразеологизмов при переводе стихотворных произведений, поскольку их устойчивость и аналитическая форма с трудом поддаются передаче в ритмической структуре языка перевода.

Проблему перевода фразеологизмов на родственный славянский язык мы рассмотрим на материале художественных переводов с сербскохорватского языка на русский и с русского на сербскохорватский.

I. Если фразеологический оборот употребляется в оригинале в традиционной форме, без авторских преобразований, а переводится фразеологизмом с тем же самым или близким значением, то в переводе достигается эквивалентность как в плане семантики, так и образности (разумеется, при том условии, что фразеологизм, употребленный в переводе, стилистически соответствует контексту). Лексическая структура фразеологизма оригинала и перевода может быть:

а) **идентичной**, состоящей из взаимно эквивалентных лексических единиц (что встречается чрезвычайно редко даже при переводе на родственный славянский язык): «он себе держи на узди» — «он держит себя в узде» (Сел., 268, 321); «Шаг держи революционный!» — «Корак држи революциони!» (Блок, перевод Г. Витеза);

б) **содержать лишь один идентичный компонент** фразеологизма: «двие мухе једним ударцем» — «одним ударом двух зайцев убьет» (Сел., 162, 187); «три овце не би умио сачувати» — «в трех

соснах заблудится» (там же, 135, 154); «кад им сичу срце у пете» — «когда у них душа уйдет в пятки» (Лал., 144, 145); «(четнике ће Њемац) у козји рог да набије» — «(немцы) согнут их (четников) в бараний рог» (там же, 209, 207); «не ваља ми живот ни пет пара» — «жизнь моя ломаного гроша не стоит» (там же, 322, 313); «они бога за ортака имају» — «с богом-то они на короткой ноге» (Андр., 72, 240); «мальчишку дерет как сидорову козу» — «малишана бије као вола у купусу» (Бун., 132, перевод Н. Н., 112); «загонят тебя, куда ворон костей не таskal» — «отераће те тамо где ни гавран кости неће наћи» (там же, 114, 92); «тут-то (...) и зарыта собака» — «у том грму лежи зец» (там же, 319, перевод Н. Н.-Б., 319);

в) **различной в оригинале и в переводе:** «(Махмута се) ни мачка не боји» — «(Махмуд) и мухи не обидит» (Сел., 211, 249); «накриво си насађ ен данас» — «ты сегодня не с той ноги встал» (там же, 105, 116); «умију да се послужи шестим прстом» — «иной раз нечисты на руку» (Лал., 53, 59); «а там и поминай как звали» — «а тамо — ко те пита за здравље» (Бун., 236, перевод М. Йов., 226).

II. Если фразеологический оборот оригинала переводится также фразеологизмом, но имеющим другое значение, тем самым достигается лишь образная эквивалентность, но не семантическая. При этом образность оригинала и перевода обладают различными символическими полями. Рассмотрим примеры.

(1) «Удри да им се сјеме утре данас!» (Лал., 231). — «Бей их, чтоб ни семени, ни племени не осталось!» (228).

(2) ...Држао сам те као мало воде на длану, а ти си хтјела да ме издаш... (там же, 33). — ...Берег тебя как зеницу ока, а ты меня предала... (39).

Сербскохорватский фразеологизм «држати некога као мало воде на длану» означает «относиться к кому-л. настолько хорошо, насколько это возможно, оказывать гостеприимство и проявлять уважение, выполнять все желания». Русский оборот «беречь кого-л. как зеницу ока» имеет то же значение, что и сербскохорватский «чувати некога као око у глави». Семантический сдвиг не изменил существенно авторскую мысль, но обеднил ее образность.

(3) Любит она его без памяти (Бун., 170). — Воли га ко очи у глави (перевод Н. Н., 154).

Выражение «любить без памяти» соответствует сербскохорватскому «лудо волети», в то время как сравнение «као очи у глави» употребляется с глаголом «чувати» (беречь), как в следующем примере из того же перевода: «он дорожил им (наследством) как зеницей ока» — «он га је (наследство) чувао као очи у глави» (там же, 160, 143).

(4) Лежит себе как ни в чем не бывало (Бун., 332). — Лежи као да га никакве бриге не море (перевод М. Йов., 332).

У фразеологизма «как ни в чем не бывало» есть в сербско-хорватском языке эквиваленты «као да ништа није било», «као да се ништа није десило». В данном же переводе дается сравнение «как будто у него вообще нет никаких забот», что меняет конкретный смысл выражения и нарушает связь с непосредственно предшествующим событиям повествования.

III. Буквальный перевод фразеологизмов является результатом непонимания их семантического плана и образности. Встретив в тексте оригинала необычное словосочетание, переводчик не может его семантизировать на уровне фразеологизма и прибегает к передаче значений отдельных слов.

Њима се чини да — кад они заузму она мјеста с којих се ведри и облачи — одмах има да сине сунце и процвјета цвијеће за све (Лал., 219). — Им кажется, что, когда они займут те места, откуда повелевают стихиями, тотчас засияет солнце и расцветут для всех цветы (216).

«Ведрити и облачити» является фразеологизмом, означающим «быть всемогущим, повелевать и принимать все решения». В переводе дается метафора, которую усиливает здесь и слово «солнце».

В других случаях переводчику удается передать внешнюю сторону явления, а не его подлинное значение: «ту су му се ноге подсјекле» — «тут ему отказали ноги» (там же, 54, 60). Сербско-хорватский фразеологизм «ноге су му се подсјекле» означает, что им овладел сильный страх, так что он не мог сдвинуться с места (в русском — «у него подкопились ноги от страха»). Фразеологизм, употребленный переводчиком, имеет значение «не мог идти дальше от усталости».

Интересный материал для сопоставительного анализа дают народные выражения, ставшие фразеологизмами:

Свршену послу мане нема (там же, 278). — Сказанного не воротишь, сделанного не поправишь (273).

На первый взгляд могло бы показаться, что в переводе найдено полностью эквивалентное выражение. Однако из контекста видно, что герой романа Пашко Попович, произнося эти слова, хочет сказать, что хорошо, что дело сделано, и теперь не надо в том, что уже сделано («свршено») отыскивать недостатки. В переводе не выражена положительная оценка сделанного говорящим, а вместо этого привнесена обобщенная мысль о необратимости человеческих поступков.

Аналогичен и следующий пример из другого перевода:

Која туга разговора нема? (Сел., 77). — О каком горе словами не скажешь? (82).

Сербскохорватское выражение значит «у какого горя нет утехи?», другими словами, «любому горю можно помочь утешением» («разговорити некога» означает «утешить кого-л.»).

Ошибки встречаются и в тех случаях, когда в обоих языках

существуют равноценные фразеологические обороты или поговорки, состоящие из соответственно эквивалентных лексических единиц.

— Не може бити боље — рекла је Махмутова жена поносно као да је то њена заслуга, и куцнула прстом у дрво (там же 200). — Лучше не бывает, — гордо изрекла жена Махмуда, словно это была ее заслуга, и постучала по столу (235).

Слова «да куцнем у дрво» (надо постучать по дереву) говорят после того как о ком-то или о чем-то сказано, что все очень хорошо и при этом обычно стучат по какому-л. предмету, чтобы по сохранившемуся предрассудку, «не сглазить». Аналогичные выражения существуют и в русском языке («плюнуть через левое плечо», «постучать по дереву»). В нашем примере жена Махмуда выразила свое отношение к беременности Тияны словами «лучше не бывает» и, чтобы не повредить ей своим высказыванием, «не сглазить», постучала пальцем по дереву. Вместе этого у русского читателя возникает впечатление, что жена Махмуда несколько раз «постучала по столу».

Буквальный перевод фразеологических выражений встречается, разумеется, и в переводах с русского на сербскохорватский язык: «Мы, дворовые, страшные нежные были... жидки на расправу...» — «Ми, послуга, били смо страшно осетљиви... слаби на казну...» (Бун., 227, перевод М. Йов., 216); «мертвых с погости не носят» — «мртваци се с гробља не враћају» (там же, 212, перевод Н. Н., 200).

IV. Переводчик прибегает иногда к дословному переводу и в тех случаях, когда понимает значение фразеологизма, употребленного в оригинале. Тогда в переводе вместо устойчивого выражения, обладающего специфической эмоциональной и стилистической окраской, возникает необычное словосочетание, которое воспринимается читателем как авторская метафора.

...Не може Филип Бекић да прогута то што ни пас с маслом не би могао да прогута (Лал., 164). — ...Не может Филипп Бекит проглотить то, чего и последняя собака, даже помажь ей маслом, не проглотит (163).

(Фразеологизм «прогутати оно што ни пас с маслом не би могао да прогута» означает «пренебречь любыми оскорблениями, которые никто на свете не мог бы стерпеть».)

Особые трудности представляет семантизация фразеологизмов, облеченных в стихотворную форму, при переводе поэтических произведений. Необычное сочетание слов в оригинале может вызвать у переводчика мысль о том, что оно представляет собой образное поэтическое средство, авторскую метафору, в то время как речь идет о фразеологическом обороте. Так, переводчики поэмы Блока «Двенадцать» в седьмом стихотворении фразеологизм «вывернуть душу наизнанку» переводили на сербско-

хорватский язык дословно: «Мислиш срце усред буна / Да ишчупаш?» (перевод М. М. Пешича); «Зар ћеш душу наопако / Ту извртнут?» (перевод А. Шоляна и И. Сламнига); «Зар сву душу изнебуха / Да истресеш?» перевод М. Сибиновича). Переводчики не поняли фразеологизма («рассказать о себе все, всю подноготную») и даже не восприняли его как фразеологическое сочетание слов, обладающее собственным значением, отличающимся от значений входящих в него отдельных слов.

V. Описательный перевод фразеологизма и наоборот, передача свободных сочетаний слов фразеологическими оборотами свидетельствует о творческой зрелости переводчика.

Описательный перевод фразеологизма не наносит ущерба художественной адекватности перевода в случае, если свободное сочетание слов передает семантику, эмоциональную и стилистическую окраску мысли оригинала: «не ћути него псује као с коца» — «он все время громко ругается» (Лал., 285, 279); «хвала му зато гдје чуло и гдје не чуло» — «спасибо ей (нечистой силе) превеликое» (там же, 155, 155); «все, что было, быльем поросло» — «все што је било коначно је прошло» (Бун., 472, перевод Н. Н., 485); «на вас лица нет» — «јако сте бледи» (там же, 473, 486). Несомненно при описательном переводе теряется образность подлинника, что должно компенсироваться в других случаях — передачей с помощью фразеологизмов свободных сочетаний слов, при стремлении к достижению семантической, стилистической и эмоциональной адекватности фразеологизма в переводе словосочетанию в оригинале и оригиналу в целом: «Готов је!» — «Скоро ему крышка!» (Андр., 110, 264); «Ви сте човек учен, али ни ми нисмо потпуне незналице» — «Вы человек образованный, но и мы не лыком шить» (там же, 98, 257); «ниси баш паметан» — «тебя бог обидел» (Сел., 40, 36); «чудно је да ми је повјеровало» — «неужели он это принял за чистую монету?» (там же, 159, 183); «зубате (жене)» — «за словом в карман не лезут» (там же, 201, 236). Использование такого приема при переводе произведения, написанного живым разговорным языком, свидетельствует о профессионализме переводчика и о том, что он прекрасно владеет своим родным языком.

Переводчику не стоит, однако, злоупотреблять фразеологизмами как переводными эквивалентами свободных сочетаний слов в оригинале. Слишком частое употребление фразеологизмов, характерных для обиходной народной речи, нарушило в переводе на русский язык стилистическую целостность романа «Хайка» («Облава») М. Лалича: «гдје је најпотребније да се помогне» — «где их помощь необходима в первую голову» (220, 217); «да буде скроман, смјеран» — «чтобы сидеть тише воды, ниже травы» (145, 146); «кад већ не може од стида и од јада да нестане» — «раз уж не может от стыда и досады провалиться сквозь землю» (270, 265); «што да ми они фурсате, кад има и других таквих мјеста не зна се ни колико» — «и чего они кочевряжатся, как будто

на них свет клином сошелся!» (74, 78); «ти претјера» — «перегибает палку» (69, 74).

Иллюстрацией могут служить и другие многочисленные примеры. Роман действительно написан народным языком, но это язык, которым ведет повествование интеллигент. Переводчик не только гораздо чаще, нежели автор, использует фразеологизмы, но и не замечает изменений, которые вносит писатель в устойчивую структуру фразеологизма, обогащая его метафоричность. Нарушая фразеологическую структуру произведения, переводчик в известной степени искажает интеллектуальную характеристику героев Лалича и недостаточно полно передает творческую индивидуальность автора.

VI. В художественной литературе фразеологизмы часто подвергаются авторским преобразованиям. Такое авторское преобразование фразеологизмов всегда мотивировано творческой задачей (обогащение метафоричности, индивидуализации речи героя, требования ритма). Рассмотрим примеры.

Од тога јој се пробуди и коса на глави (там же, 39). — Волосы встали дыбом (45).

Устойчивый фразеологический оборот в сербскохорватском языке имеет форму «диге (јој) се коса на глави» и значит «чувствует безумный страх, ужас». Заменяя глагол в фразеологизме — вместо «диге се» (встает) — «пробуди се» (пробуждается) — автор выражает не только ощущение страха, но и то, что героиня почувствовала сильный страх в момент пробуждения. И хотя русский фразеологизм «волосы встают дыбом» имеет то же значение, что и приводившийся сербскохорватский (ощущение сильного страха), он не обладает той художественной силой, которой его наделил автор.

В строках «Лишь у бедного убийцы / Не видать совсем лица...» (Блок) словосочетание «не видать лица» поэт употребил в значении «на нем лица нет» (страшно побледнеть от боли, ужаса, волнения). Большинство переводчиков поэмы «Двенадцать» на сербскохорватский язык «не распознав» здесь фразеологизма, переводили буквально: «Само убојица јадни / Крије лице у капут...» (перевод И. Куниной-Александр); «Црте сасвим се не виде / У злочинца што би строг...» (перевод М. М. Пешича); «Тек у јадног убојице / Не види се сасвим лице...» (перевод А. Шоляна и И. Сламнига); «Само јадни убица је / Изгубио лице чак...» (перевод М. Сибиновича). В то же время этот фразеологизм правильно был передан уже в первом переводе поэмы на сербскохорватский язык: «Само несретни убица / Изгубио боју лица» (перевод С. Винавера).

Как видно из приведенных примеров, творческая авторская трансформация фразеологизма может вызвать затруднения и в процессе семантизации (установления точного значения фразеологизма) и при поисках адекватного выражения в переводе.

VII. Для теории и практики перевода особый интерес представляют случаи преобразования фразеологизмов и игры слов, когда наиболее ярко проявляется их двойственная природа: несмотря на то, что фразеологизм обладает семантикой как целое, в сознании говорящего он легко расчленяется на семантические ядра составляющих его элементов.

— Не би ти срма опала ни да смо се нашалили. — А тебя что, убудет, если б мы даже и пошутили?

«Не би срма, помисли Ладо, Ја и немам никакву срму, него само незгодан карактер» (Лал., 49). — «Убыть-то не убудет, — подумал Ладо. — Убывать нечему, все мое достояние — скверный характер» (55).

Нефразеологическое (буквальное) значение словосочетания «не би ти срма опала» — «не спали бы с тебя твои серебряные украшения», и игра слов в оригинале строится на глаголах «имати» (иметь) и «немати» (не иметь): «у меня нет никаких серебряных украшений» — «у меня только скверный характер». Переводчик нашел фразеологический оборот с тем же значением и, хотя и с помощью других лексических средств, удачно передал игру слов, основанную на расчленении фразеологизма оригинала.

Игра слов успешно передается и в следующем примере:

«Немам ја срца за то, не бијем жене, не могу.» — «Не могу взять греха на душу, не бью я слабых, не могу.»

«Ако немаш срца имаш леђа. Узми је на леђа, па носи» (там же, 143). — Не можеш взять на душу, взвали на спину и носи (143).

Игра слов в подлиннике и в этом случае строится на глаголах possessивной семантики (букв.: «у меня нет сердца для этого» — «если у тебя нет сердца, есть спина»), а в переводе — на глаголе «взять». Перевод фразеологизма семантически не совсем адекватен, так как «немати срца за што» в приведенном примере значит «быть слишком чувствительным для того, чтобы поднять руку на женщину».

Обыгрывание фразеологизма возможно и без его расчленения:

Свет не лыком шит, не клином на Кате сошелся. ... В самом деле было похоже на то, что свет клином сошелся... Ну, что ж, сошелся так сошелся, думал он... (Бун., 344). — Свет је велик, није Каћа у њему једина. ... У ствари, било је налик на то да је свет постао мален... Па шта, ако је мален, нека је мален, размишљао је... (перевод М. Йов., 345).

Писатель употребил обе формы фразеологизма: и отрицательную — «свет не клином сошелся», и утвердительную — «свет клином сошелся» — для передачи эмоционального кризиса главного героя своей повести. Переводчик полностью отказывается от фразеологизма «свет не лыком шит», а дает две формы другого выражения: «свет је велик» (мир большой) и «није Каћа у њему једина» (Катя в нем не единственная). Затем развивает первую

форму, используя, однако, антонимическое прилагательное «мален» (небольшой). Как нам кажется, перевод лучше передавал бы смысл оригинала, если бы получила развитие другая форма — «Каћа (ни)је једина на свету» (Катя (не) единственная на свете) и в начале, в отрицательной форме, нашло бы отражение значение фразеологизма «не лыком шит».

VIII. В состав фразеологизмов иногда входят географические названия и имена собственные, обладающие ярко выраженной национальной окраской. Возникает вопрос, могут ли такие фразеологизмы служить эквивалентами при переводе фразеологических оборотов с другого языка, обладающих тем же значением. Рассмотрим пример:

Шо Илья, то и я, шо Евсей, то и все (Бун., 403). — Куда Янко, туд и Марко, како оно кажу (перевод Н. Н. 409).

Русская народная поговорка «что Илья, то и я, что Евсей, то и все» употребляется в тех случаях (соответствующих по значению, эмоциональной окраске и содержанию), что и сербско-хорватские «куд Янко, ту и Марко», «куд сви Турци ту и мали Мујо» («Куда Янко, туда и Марко», «куда все турки, за ними и маленький Муйо»). Но данные выражения не могут быть взаимно эквивалентными, так как с какой стати русский — автор или герой произведения — употреблял бы, скажем, сербские или хорватские имена собственные и, наоборот, нелепым выглядело бы упоминание югославов в переводе художественного произведения на русский язык типично русских имен. Выход можно найти, заменяя в переводе имена собственные именами несобственными с учетом фразеологической структуры языка перевода (в нашем примере: «куд сви други, ту ћу и ја» — «куда все, туда и я»).

Фразеологизм, образность которого строится на специфических именах собственных или местных географических названиях, может быть переведен на другой язык с помощью его фразеологического эквивалента, однако сам этот фразеологизм не может быть переводным эквивалентом. Такие фразеологизмы эквивалентны лишь в одном направлении. Как в примере:

...Бенито не крије свој циљ, а Бенедето заобилази као киша око Крагујевца... (Лал., 92). — ...Бенито не скрывает своих целей, а Бенедетто ходит вокруг да около... (96).

Переводя с русского языка на сербскохорватский фразеологизм «ходить вокруг да около», мы не могли бы, однако, перевести его фразеологизмом «(за)обилазити као киша око Крагујевца» («обходить стороной, как дождь вокруг Крагуеваца»), несмотря на идентичность их значений.

IX. Межъязыковые омонимы (так называемые «ложные друзья переводчика») имеют место и при переводе фразеологизмов. Так, выражения одинаковой структуры «сказать пару теплых слов»

и «рећи пар топлих речи» имеют противоположное значение, что видно из следующего примера:

(Остала му је) нада да ћу на крају рећи грубу ријеч. Сачуваће је срцу као хамајлију, у сјећању као лијек, у савјести као оправдање (Сел., 73). — (У него осталась) надежда, что при расставании я скажу ему пару теплых слов. Он будет хранить их в сердце — как амулет, в памяти — как оправдание (77).

При переводе с русского языка на сербскохорватский выражение «сказать пару теплых слов» может вызвать затруднение.

Анализ фразеологизмов в русских переводах с сербскохорватского языка и в сербскохорватских переводах с русского обнаруживает, что проблема семантизации фразеологического оборота оригинала и проблема поиска адекватного выражения в переводе взаимосвязаны и взаимообусловлены. Легче всего поддаются переводу фразеологизмы, образная природа которых та же, что и в языке перевода, и выражена эквивалентными лексическими средствами. В тех же случаях, когда лексическая структура фразеологизмов совершенно различна в двух языках, переводчиков вводит в заблуждение значение отдельных слов, из которых состоит фразеологическое целое. Необычное сочетание слов переводчик может принять за образное выражение автора и соответственно его перевести. Теория и практика перевода должны уделять большее внимание проблеме авторских преобразований фразеологизмов и их расчленению.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Андр. — И. Андрић. Проклета авлија, Београд, 1977; И. Андрич. Избранное. М., 1976. (Перевод Т. Поповой).

Блок — А. Блок. Двенадцать. Переводы: С. Винавера («Критика», Загреб, 1921, № 11—12); И. Куниной-Александр («Књижевник», Загреб, 1935, № 7—8); М. М. Пешича («Младост», Белград, 1950, № 2—3); А. Шоляна и И. Сламнига («Република», Загреб, 1955, № 11—12); Г. Витеза (А. Блок. Дванаесторица, Загреб, 1967); М. Сибиновича (А. Блок. Прстен живота, Београд, 1975).

Бун. — И. Бунин. Стихотворения. Рассказы. Повести. М., 1973; И. Буњин. Песме и приповетке. Белград — М., 1976. Переводы: М. Йовановича, Н. Николича и Н. Николич-Бобич.

Лал. — М. Лалић. Хајка, Београд, 1974; М. Лалич, Облава. Перевод И. Дорбы. М., 1976.

Сел. — М. Селимовић. Тврђава, Сарајево, 1974; М. Селимович. Крепость. Перевод О. Кутасовой, М., 1974.

ПЕРЕВОД АМЕРИКАНСКОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЛЕКSIКИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Слово *business* вошло во многие языки мира как символ практицизма, делаческого «американского» подхода к делу. Такой популярности слова немало способствовали те, кто выкачивал прибыли и создавал легенду об американском обществе благоденствия — американские управляющие.

Сегодня на языке управления разговаривает около восьми миллионов управляющих, которые осуществляют планирование, координацию, руководство деятельностью сотен тысяч корпораций, частных фирм, магазинов, отелей. Они заключают крупные сделки, занимаются наймом и увольнением рабочих, повышают эффективность производства, в общем делают все то, что необходимо для приумножения барышей.

Их целям служат и наука управления, оперирующая терминологией различных дисциплин: математики, экономики, социологии, кибернетики, философии.

Управление — междисциплинарная наука, берущая свое начало еще с исследований Ф. Тейлора об организации производства. Именно он дал первые определения таким словам, как *time and motion study хронометраж*, *equipment loading загрузка оборудования*, *routing маршрутизация*, превратив их тем самым в термины. Предмет исследования — деловые операции — потребовал использования терминологии из области финансов, статистики, экономики. Необходимость изучать поведение людей в компаниях заставила управляющих обратиться к языку психологии. Революция в области вычислительной техники «математизировала» науку управления.

Междисциплинарный характер управления, разнообразие подходов и школ, слабая работа в области упорядочения английской терминологии привели к серьезным трудностям лингвистического порядка. «Семантические джунгли», «вавилонское смешение языков» — определения, введенные американскими управляющими, верно характеризуют состояние терминологии в этой области.

Следует, однако, признать, что синонимия, омонимия, несистемность терминологии — недостатки, характерные не только для английской управленческой терминологии. Они свойственны, хоть и в меньшей степени, и русской терминологической системе.

Терминологическая путаница в языке американского управления начинается уже с самого названия науки управления. Одни ученые именуют ее *management science*, понимая при этом управление как научную дисциплину, другие же (и это более распространенное мнение) под *management science* имеют в виду применение количественных, математических методов к решению

управленческих проблем, лишь один из разделов науки. В результате *management science* в этом значении становится дублетом *operations research* *исследование операций*. Встречается еще такое терминологическое словосочетание, как *scientific management*, введенное в оборот Ф. Тейлором, и здесь переводчику следует быть осторожным: для большинства американских управляющих это лишь название наследия Тейлора, его методов и теории, которые признаются далеко не бесспорными и достаточно устаревшими даже в США. Следовательно, в данном значении *scientific management* целесообразнее переводить как *научное управление Тейлора*. Для представителей же «эмпирической школы»¹ *scientific management* — прежде всего практика управления, осуществляемая на научной основе, которую разрабатывает *science of management*, т. е. *наука управления* — теоретическая дисциплина, изучающая методы и принципы управления. Таким образом, названию *наука управления* в английском языке могут соответствовать целых три наименования.

Термин *management* также имеет свои синонимы — *governance* и *administration*. При этом последний термин употребляется по крайней мере в двух значениях: во-первых, как *управление организацией*, т. е. в качестве синонима *management*; во-вторых, как *ведение хозяйственных дел*. Наличие двух разных значений часто приводит к путанице, которая особенно заметна, например, в таком американском названии должности, как *deputy administrator for administration* *зам. администратора по администрации*.

В этом же смысле употребляется иногда авторами термин *governance*.

Многие американские авторы употребляют одни и те же термины в разных значениях, при этом возникает синонимия наиболее опасная для языка науки и техники: путаница в смысловых различиях.

Весьма показателен в этом смысле набор синонимов: *end*, *purpose*, *goal*, *objective*, *object*. Следует отметить, что для управления понятие «цели» стоит в ряду первостепенных. Дело в том, что организация предполагает наличие какой-то цели. Более того, организационная структура является удачной только тогда, когда она ориентирована на цель. Отнюдь не случайно считаются важными понятиями такие, как *многоцелевые структуры*, *дерево целей* и т. д. Однако для одних авторов, например Р. Акоффа², *objective* (пер. *цель*) — это желаемое состояние или результат поведения, а под *goal* (пер. *задача*) он имеет в виду цели, достижение которых желательно к определенному моменту времени.

¹ Одна из многочисленных школ управления, популярная в Америке. Видит свою задачу в изучении практики американского управления. Считая управление прежде всего искусством, а не наукой, приверженцы этой школы решающее значение придают анализу непосредственного опыта управляющих и обоснованию рекомендаций, часто имеющих прикладное значение.

² А ко ф ф Р. Планирование в больших экономических системах. М., 1972. (Бранч М. — автор одной из статей, помещенных в сборнике.)

Совершенно очевидно в данном случае, что различие это носит принципиальный характер. У других же авторов, например Е. Джонсена³, objective и goal трактуются как абсолютные синонимы. Путаница в этих терминах доходит до курьеза. Так, в примечании редактора к книге Р. Акоффа на русском языке «Планирование в больших экономических системах» написано: «Для единообразия русской терминологии слово objective переводится как *цель*, а слово goal — как *задача*, а в статье М. Бранча — наоборот. Кроме того, objective зачастую определяется через end и purpose или, наоборот, совсем никак не определяется, в определении присутствует так называемый «порочный круг».

К числу широко распространенных и нежелательных терминологических явлений относится омонимия. Например, под термином matrix management скрываются два ничем не связанных между собой понятия. Первое означает *матричное управление*⁴. Второе является акронимом management trial exercise to provide a realistic simulated exercise in plant management *учебное упражнение в области управления, обеспечивающее приближенную к реальности модель управления заводом*.

При чтении литературы необходимо удостовериться, кто автор книги — англичанин или американец, поскольку в английской и американской терминосистемах существуют различия, например:

Американский вариант

direct costs *прямые расходы*
 methods and procedures⁵ *методы и процедуры*

Английский вариант

period costs *прямые расходы*
 organization and methods *организация и методы*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗНОГОЛОСИЦА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

В наши дни интерес к американской практике управления значителен. Выходят книги с анализом опыта американского управления, переводные труды американских авторов. Формирующаяся русская терминология постоянно пополняется новой лексикой, при этом весьма распространенным явлением оказываются заимствования из английского языка в этой области. Именно поэтому книги и статьи по управлению необходимо подвергать не только научному, но и языковому критическому анализу. Он в немалой степени способствовал бы упорядочению русской терминологии.

Между тем, примеров нежелательного, неудачного «терминовтворчества» среди специалистов по управлению и переводчиков

³ Studies in Multiobjective Decision Models. E. Johnsen Lund, Student litteratur, 1968.

⁴ Матричная форма организации работы в компаниях соединяет в себе две формы: функциональную, являющуюся основной, и проектную, которая как бы накладывается на основную, создавая при этом матрицу. Применяется для решения проблем, требующих знаний различных специалистов.

⁵ службы, занимающиеся рационализацией делопроизводства

немало. Так, в книге «Организационные вопросы автоматизации управления»⁶ analog computer переводится как *аналоговый компьютер*⁷. Но разве нет термина «аналоговая электронно-вычислительная машина»? Hardware транслитерируется как *хардвера*. Правда, отсутствует устоявшийся русский эквивалент, но в словарях зафиксирован уже более удачный перевод — *электронно-механическое оборудование, техническое обеспечение*. File переводится как *дело*. Однако первое, более широкое терминологическое значение — это *массив, массив данных*⁸. Master files *основной массив данных* в том же словаре переводится как *мастер-дело*. Этот вариант перевода следует признать также неудовлетворительным, ибо связь термина с признаками данных понятий явно нарушена, а перевод второго термина просто наталкивает на совершенно иные ассоциации (уж не сокращение ли это послловицы «Дело мастера боится?»). On-line переводится в *линии*, хотя уже существует приемлемый вариант — *в пределах комплекса*, или еще лучше — *неавтономный режим*. Integrated data processing переводится как *интегрированная или совокупная обработка данных*.

В результате разнобоя в переводах в отечественной терминологии уже возникло большое количество дублетов: binary system переводится то как *бинарная система*, то как *двоичная*; central processor — то как *центральный процессор*, то как *центральный вычислитель*.

В управленческой литературе часто встречаются термины *схема потоков, блок схема, программа действий, схема операционных потоков, графическая схема программ*. Как трудно догадаться советскому читателю, что это одно и то же! Таковы многочисленные варианты перевода одного термина — *flow chart*.

Большие трудности вызывает перевод термина *management information system*, под которым понимают систему информации для обоснования решений в помощь лицам, принимающим решения. Его переводят как *автоматизированная система управления, управленческая информационная система, информационная система для управляющих* и даже как *система планирования, принятия руководителем решений и проверки исполнения*. Такая разноголосоица, безусловно, не способствует правильному пониманию текста. Не целесообразнее ли остановиться на переводе *информационная система для управляющих*?

Task force переводится в одной книге как *целевая бригада* (бригада, состоящая из специалистов различного профиля), а в

⁶ Организационные вопросы автоматизации управления. М., 1972.

⁷ Примеры взяты из краткого словаря — приложения в конце книги, который, по всей видимости, должен пояснить значение терминов, встречающихся в книге, познакомить читателя с английскими эквивалентными терминами.

⁸ Судя по приведенной в словаре дефиниции, также не очень удачной, речь идет именно о массиве данных, т. е. о собрании связанных между собой данных, рассматриваемых как отдельная единица.

другой — описательно и весьма расплывчато как *специальная группа по отдельным вопросам*.

Большая биография в русской литературе и у термина *break-even analysis*⁹. *Анализ безубыточности, анализ предела рентабельности, анализ нулевой прибыли* — таковы различные варианты перевода этого терминологического сочетания.

Не меньшее количество вариантов перевода у широко распространенного термина *value added by manufacture*¹⁰ *добавленная стоимость; стоимость, добавленная производством; стоимость, добавленная обработкой, условно чистая продукция*.

Часто встречаются словосочетания *стоимость фирмы и цена фирмы*. Однако на самом деле они могут быть вариантами одного английского термина *good will*. *Good will* является отдельной статьей в балансе предприятия. О ней заботится любая американская фирма. Под этим термином понимают репутацию фирмы, деловые связи, марку предприятия, патенты, т. е. предполагаемые источники дополнительной прибыли. Этого понятия, как и многих других, в советской действительности нет, но договориться о том, как их называть, необходимо.

В переводах американских управленческих терминов следует избегать двух крайностей: с одной стороны, «русифицировать» американскую терминологию, с другой — просто транслитерировать или транскрибировать американские термины. В первом случае желание во что бы то ни стало употреблять русские термины может привести к искажению текста (возможно, в русском языке вообще отсутствуют эквивалентные им понятия или же имеются лишь внешне близкие). Во втором случае транслитерация или транскрипция американских терминов, когда уже есть русские, только засоряет родной язык.

В этом смысле трудность вызывает перевод основополагающих терминов *management* и *manager*. Например, название книги «*The Theory and Management of Systems*»¹¹ переведено как «Теория систем и руководство системами»¹². На протяжении всей книги *management* переводится как *руководство*, за исключением, например, *management science* и других устойчивых сочетаний. Но «управление» и «руководство» в американском управлении суть два разных понятия. Они соотносятся как часть и целое¹³.

⁹ определение уровня прибыли, при котором компенсируются все издержки, связанные с продолжением производства

¹⁰ Об этом понятии см. Ревенко А. Ф. Промышленная статистика США. М., 1971.

¹¹ Johnson R., Kast F., Rosenzweig D. *The Theory and Management of Systems*. N.Y., 1967.

¹² Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство. (Теория систем и руководство системами). М., 1971.

¹³ Управление часто определяется через функции, осуществляемые управляющими. О количестве и содержании этих функций нет единого мнения. Однако обычно называют пять функций: управление — это 1) планирование, 2) организация, 3) набор кадров, 4) руководство, 5) контроль. (Ср. выделенное жирным шрифтом.)

Руководство представляет лишь одну из функций управления (процессов управления), поэтому management правильно было бы перевести как *управление*, а leadership как *руководство*.

Нельзя согласиться с переводом manager как *директор*, или, например, operating manager как *производственник*. У директора советского завода и управляющего американской корпорацией различные полномочия, функции и задачи. Да и слово *директор* весьма редко можно перевести на английский язык как *директор*. Director может быть членом Совета директоров корпорации, который совсем не обязательно является управляющим. Он может быть и outside director, т. е. владельцем акций, не принимающим участия в управлении делами корпорации.

Управляющий средней руки, который нередко в компании носит титул director, совсем не имеет власти директора. Это объясняется либо демагогической практикой компании — присваивать титулы и таким образом повышать «самосознание» у управляющих, либо тем, что называется mushrooming или pugging раздутием штатов. В последнем случае особо отличившемуся управляющему низшего звена дают звание какого-нибудь «зама». Он же становится их «директором».

Вообще многие ошибки в переводе управленческих терминов связаны с несовпадением самих понятий в английском и русском языках. Более чем к какой-либо области науки и техники, к управлению относится предупреждение Щербы о том, что слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях. Не совпадают в своем значении не только такие основополагающие термины, как *управление* и *руководство*.

В английской управленческой терминологии есть много случаев, когда общему понятию в английском языке противопоставлено несколько конкретных понятий русского языка. Примером может служить американский термин marketing. Если перевести его словом *сбыт*, то это будет явное сужение понятия, поскольку marketing не сводится только к сбыту, а включает в себя и исследование рынка и спроса; marketing — это и ориентация всей политики компании, в том числе и производственной, на потребителя. Более точен перевод *рыночно-сбытовая деятельность*, однако и он не полностью раскрывает значение данного понятия. Поэтому, возможно, правы авторы, которые транслитерируют термин, а затем дают описательный перевод. Ю. К. Якимович¹⁴ справедливо указывает, что, когда общему понятию в ИЯ противопоставляется несколько конкретных понятий в ПЯ, читатель получает неверное представление о значении иноязычного термина.

Интересным примером, когда двум американским терминам,

¹⁴ Якимович Ю. К. О соотношениях и способах передачи значений терминов в переводных словарях специального типа. Материалы симпозиума. Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. II. М., 1971.

выражающим самостоятельные понятия, частично соответствует один русский термин, могут служить *capital asset, fixed asset* и русский термин *основной капитал*. Этот традиционный перевод терминов никак нельзя назвать адекватным, так как он не передает смысловое различие этой пары американских терминов. Первое понятие в отличие от второго охватывает только реальные активы, необходимые для производства товаров и обслуживания клиентов (землю, здания и оборудование) и не включает неосязаемые активы («цену фирмы», монопольные права). Разница в понятиях, как нам представляется, правильно отражена в переводе терминов как *реальный основной капитал* и *основной капитал*.

В советских работах по вопросам американского управления и в переводах встречается также и чрезмерная «американизация» русского языка. Многие из них пестрят такими непонятными словами и словосочетаниями, как *симуляция, тотальные цели, инициация, самоактуализация*. Между тем, это — просто *моделирование, общие цели, начало, самовыражение*. Нередко *technology* переводится на американский манер как *технология*, когда по смыслу это явно *техника*. В русских текстах у машины появляется своя «философия», хотя *philosophy* часто в технике имеет значение «идея», «основной принцип». Слово *политика* иногда употребляется во множественном числе (*политики*). Но ведь в русском языке форма множественного числа у слова *политика*, как известно, отсутствует. А слово *имэдж*? Оно уже примелькалось советскому читателю, но от этого не стало понятнее. Между тем *image* можно было бы во многих случаях перевести как *репутация*.

Особую трудность представляет перевод названий должностей, профессий и организационных подразделений корпораций. Это объясняется прежде всего полным несовпадением этих понятий в английском и русском языках. Более того, не совпадают наименования должностей и организационных подразделений и в самих компаниях. *Plant engineer* — это *главный инженер* на одном заводе и *управляющий ремонтно-энергетическим хозяйством* на другом. Человек, занимающийся рекламой в различных компаниях, именуется *advertizing executive, promotion manager, manager sales advertizing*. В большинстве корпораций *divisions отделения* — это производственно-хозяйственные единицы, функциональные же отделы (т. е. отделы финансов, бухгалтерский, плановый) называются *Departments*. В компании же «Дюпон» дело обстоит наоборот. По названию отдела чрезвычайно трудно догадаться о том, чем же он занимается. В одной фирме отдел под названием *organization planning организационное планирование* ведает вопросами заработной платы, в другой — отвечает за дело-производство, в третьей — просто хранит организационные схемы.

Управление — молодая и стремительно развивающаяся область. Язык этой науки только формируется; в нем ежедневно регистрируются и закрепляются все новые понятия — результаты научного поиска и разнообразной практики управляющих. Однако терминология не только пассивно регистрирует понятия, но и активно воздействует на них, тем самым развивая или, наоборот, тормозя развитие самой науки.

От правильности и ясности употребляемой терминологии во многом зависит и взаимопонимание между учеными, специалистами разных стран. Между тем терминологическая и лексикографическая работа в этой чрезвычайно важной области ведется крайне слабо. До сих пор нет ни одного хотя бы краткого англо-русского словаря по вопросам управления, что никак не способствует выработке точной терминологии.

Давно назрела необходимость серьезного исследования американской управленческой терминологической системы, ее функционирования и составления на основе этого исследования словарей и справочников по управлению. В этом заинтересованы переводчики, специалисты в области управления, сама наука управления, ибо, по удачному выражению немецкого лингвиста Г. Шухардта, терминологическая неясность для науки — то же самое, что туман для корабля: она опасна.

Т. В. Воеводина
(Москва)

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ВИДАМИ ПЕРЕВОДА

В статье В. Д. Уварова «О трех направлениях в переводческих исследованиях», наряду с лингвистическим и семантическим направлениями в переводческих исследованиях, выделялось новое направление — автор назвал его социологическим. Как там справедливо отмечалось, существование этого направления «более желательно, чем реально»: пока нет сколько-нибудь значительного числа работ, исследующих перевод именно с социологической точки зрения, т. е. с точки зрения не взаимоотношения разноязычных текстов или контактирующих языковых систем, а с позиции взаимоотношения людей в процессе перевода. В статье в качестве исходных идей для построения социологической теории перевода было выдвинуто семь «правил» устного перевода, сложившихся «чисто эмпирически, на основе переводческого опыта автора и других переводчиков, прежде всего устных и синхронных»¹.

Процесс осмысления деятельности переводчика с социологической точки зрения был продолжен, в частности А. В. Садиковым, например, в статьях «К вопросу о структуре переводческого акта»² и «Перевод как вид социального поведения»³. Непосредственным откликом на эту последнюю явились заметки В. Д. Уварова «Парадоксы ролевого поведения участников ситуации перевода»⁴.

За несколько лет, прошедших со времени публикации «Трех направлений», в этой области накопились некоторые новые идеи и наблюдения, «правил» стало более чем в два раза больше, и уже можно говорить о каких-либо обобщениях. Этому и посвящена данная статья; где речь пойдет и о новых «правилах», и о специфике устного перевода, его общих чертах с письменным переводом и вообще о некоторых закономерностях перевода как рода деятельности и социального явления.

Прежде всего надо отметить, что «правила устного перевода»,

¹ Тетради переводчика, вып. 15. М., 1978, с. 16.

² Вопросы теории перевода и методика его преподавания в языковом вузе. М., 1980, с. 57—74.

³ Тетради переводчика, вып. 18. М., 1981.

⁴ Там же.

как и вся переводческая теория, сложилась в ответ на потребности практики: профессия переводчика стала массовой и ей потребовалось обучать. Разумеется, переводу, в том числе устному, обучали давно, однако нередко занятия по переводу сводились к занятиям языком на материале переводов, а не к обучению ремеслу переводчика.

Каково же оказывалось недоумение студентов, когда выяснялось, что на практике хорошими переводчиками оказывались лица, заурядно владеющие иностранным языком, и наоборот, люди, отлично знающие язык, зачастую оказывались неспособными к этому роду деятельности. Выходит, тут недостаточно умения более или менее полно и точно переложить смыслы с языка на язык, а нужно что-то еще.

Именно для того, чтобы научить студентов **быть переводчиками**, и был создан в 1975 г. кружок устного перевода на итальянском отделении переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Горького. В основу работы кружка были положены семь «правил», о которых шла речь выше. Теоретически никто эти правила не анализировал и не обсуждал: кружок имел сугубо практическое направление.

При первой попытке вслух говорить об этих правилах (в 1977 г. один студент написал курсовую работу об устном переводе), на кафедре возникла целая дискуссия, причем речь шла не столько о самих правилах, сколько о принципиальной возможности выдвигать какие-то иные принципы переводческой работы, кроме одного: верность и еще раз верность оригиналу и максимальное воспроизведение его смысла на ПЯ. Говорилось, что такие, например, утверждения, как: «При порче оригинала (не расслышал, не понял) переводчик должен в иных выражениях повторить информацию из предыдущей части или воспроизвести достоверные и общеизвестные сведения по рассматриваемому вопросу», — являются оправданием переводческой некомпетентности и вообще халтуры, в то время как необходимо ориентировать учащихся на глубокое овладение, всестороннее освоение и т. п.

В сущности, сами правила, вернее, их декларация при отсутствии сколько-нибудь основательного теоретического обеспечения, открывали возможность для такого рода критики, для всяких крайних толкований и в конечном счете *reductio ad absurdum*. Кроме того, несколько неблагоприятное впечатление могла произвести явная неоднородность этих правил: тут и про «громкий, уверенный голос», и про то, с какого члена предложения начинать свою речь.

Постараемся разъяснить, в чем суть дела, т. е. определить, к чему же относятся наши правила? Очевидно, к переводу, и именно к **профессиональному переводу**, под которым мы понимаем перевод, ориентированный на поддержание коммуникации между участниками ситуации перевода. (Перевод, ориентированный исключительно на создание текста, максимально передающего

семантику текста, значения всех составляющих его слов, мы называем **учебным.**)

Таким образом, «правила» устного перевода относятся к профессиональному переводу и говорят о том, что должен делать переводчик для поддержания коммуникации. Способы достижения инвариантности смысла входят в компетенцию лингвистической и, главным образом, семантической теории перевода.

В свете сказанного мы можем обсудить и дополнить сформулированные в статье В. Д. Уварова положения, а также решить вопрос о том, какие правила являются общепереводческими, а какие относятся исключительно к устному переводу. Но прежде чем говорить об этом, еще раз повторим наши правила в том виде, какой они имеют в настоящий момент.

1. Самый плохой перевод лучше отсутствия перевода.
2. Переводчик должен всегда иметь громкий уверенный голос, четкую дикцию, самоисправления в явном виде не допускаются.
3. Начатое высказывание необходимо непременно закончить.
4. «Эканье», «мэканье» и т. п. недопустимы.
5. Переводчик **переводит** только то, в чем он полностью уверен (т. е. что он уверенно понял и может, соответственно, хорошо выразить на другом языке). Все остальное он либо опускает, либо заменяет.
6. Заменой может быть повторение сведений из другой части текста или воспроизведение достоверно известных и общепринятых в культуре ПЯ (энциклопедических) сведений по рассматриваемой проблеме.
7. Что бы ни говорил Источник, в переводе непременно должна ощущаться логическая связь предыдущего с последующим.
8. По длине перевод и оригинал (почти) совпадают.
9. Как бы ни говорил Источник, переводчик говорит грамматически и лексически правильно (нормативно).
10. В переводе надо употреблять только устойчивые словосочетания.
11. Метафоры (и образные выражения вообще) в переводе снимаются и/или заменяются на устойчивые выражения.
12. В романских языках — чем сложнее синтаксический рисунок фразы (чем больше придаточных и оборотов), тем лучше. По-русски идеал — одни простые предложения. (Один русский газетный абзац — одно сложноподчиненное предложение французского, итальянского языка.)
13. Русское предложение следует начинать с обстоятельства, а английское, французское, итальянское — с подлежащего.
14. При переводе на итальянский, французский следует стремиться к словам высокого стиля. При затруднении при переводе на русский могут помочь слова разговорного стиля.
15. При переводе на итальянский язык снимаются русские усилители («очень», «решительно», «полный»).
16. При переводе с русского на итальянский, французский следует

избегать повторения одних и тех же слов и для вторичной номинации использовать синонимы, родовые названия и т. п. При переводе на русский не следует стараться воспроизвести разнообразие вторичных номинаций и можно повторять единожды принятое название.

17. В устном переводе сокращения, имена, цифры при первом предъявлении опускаются или заменяются.

Первые восемь правил имеют ярко выраженную социально-психологическую подоплеку. Они по сути дела говорят о том, что главное для переводчика не только и не столько владение двумя языками, главное — владение ситуацией перевода. Переводчик должен уметь играть свою роль, роль переводчика, в социологическом смысле⁵. Если он правильно играет свою роль, то между ним и потребителями его перевода возникает **доверие** в социологическом смысле. Причем доверие именно к переводчику и переводу, а не к самому переводимому оригиналу. Т. е. доверие надо понимать не в том смысле, что потребитель полагает, будто все сказанное в переводе — истина, но он должен верить, что переводчик переводит правильно и вообще делает все, что полагается по законам его ремесла.

Какой устный переводчик вызывает доверие аудитории? Разумеется, тот, который демонстрирует легкость и непринужденность исполнения своего дела. Недаром ведь бытует такая мысль, что в исполнительском искусстве видимость легкости, с которой исполнитель делает на сцене объективно трудные вещи, едва ли не составляет самую суть искусства, художественности. По-видимому, точно так, как балерина, танцуя с видимой легкостью, вызывает доверие как балерина, и переводчик, делающий свое дело с легкостью, т. е. четко и уверенно, вызывает доверие как переводчик. Первые четыре правила строго направлены к этой цели: обеспечить ощущение **легкости**.

Правило № 5 выражает весьма важный принцип перевода: текст перевода должен быть понятен самому переводчику, так как человек, говорящий непонятное для себя, довольно быстро выдает себя⁶. А это, очевидно, подрывает доверие к переводчику. Правило № 6 указывает, как технически достичь полной понятности переводимого для потребителя, даже в том (довольно вероятном случае, когда переводчик понимает (или успевает услышать, воспринять) далеко не все.

Правило № 7 (о логичности) вытекает из стереотипной оценки самой ситуации устного перевода, существующей в обществен-

⁵ О ролевом поведении см.: Социальная психология. Краткий очерк под общ. ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М., 1975, с. 232–233; а применительно к переводу — вышеупомянутую статью Садикова А. В. «Перевод как вид социального поведения».

⁶ Исключение составляет, пожалуй, такой случай, когда переводчик помогает специалисту понять смысл какого-то специального текста, не понимая, что к чему. Но тут уже речь идет о создании текста вдвоем со специалистом, даже, скорее, о создании текста специалистом при посредстве переводчика.

ном сознании. Принято считать, что переводятся важные тексты, произносимые компетентными и авторитетными людьми. От этих людей и, соответственно, их текстов потребитель ждет квалифицированной организации речи, т. е. прежде всего логичности, ибо логичность речи (а не, скажем, эмоциональность, красочность, выразительность) считается показателем качественного мышления. Если же авторитетный участник ситуации перевода говорит нелогично, сбивчиво, то слушатели на основании описанного выше стереотипа все равно будут склонны считать, что нелогичен перевод, а не оригинал.

Правило относительно устойчивых словосочетаний в устном переводе (№ 10) — это, по-видимому, частная, более простая форма «**правила функционального подобия**», верного вообще для всех видов перевода. Смысл его в том, что при переводе сообщению необходимо придавать языковую форму аналогичную той, к которой потребитель привык в текстах аналогичного жанра, содержания или функционального назначения на ПЯ. Разумеется, в полной мере осуществить это правило в устном (а тем более в синхронном) переводе невозможно, так как в процессе устного перевода переводчик имеет дело не с целостным текстом (как при письменном переводе), а с весьма ограниченным его отрезком. Поэтому, видимо, единственный способ придать тексту на ПЯ более или менее привычную форму — это соблюдать правила сочетания слов, принятые в ПЯ.

Правило о снятии образных выражений в переводе относится исключительно к устному переводу. В письменном переводе образность тоже нередко пропадает, но это не может быть принципиальной установкой — это, так сказать, издержки производства. В устном переводе попытки передать образность оригинала обыкновенно получают смешными. Дело в том, что образность имеет двоякую природу: с одной стороны, это функция языка, его структуры и нормы и, с другой стороны, это характерная особенность индивидуального стиля данного автора. Так что простой механический перенос образности с одного языка на другой невозможен. Это хорошо знают все переводчики художественной литературы. Вполне понятно, что при ограниченности времени, которое имеется у устного переводчика «на размышление», и при малости того отрезка текста, который в каждый данный момент имеется в его распоряжении, нечего и думать, что он сумеет передать образность. Поэтому в устном переводе не следует и отвлекаться на поиск образных эквивалентов.

Правило о языковой нормативности перевода (№ 9), по нашему мнению, относится прежде всего к устному переводу, хотя нынешняя переводческая практика во всех видах перевода (за весьма редкими и гораздо менее значительными, чем принято думать, исключениями) склоняется ко всеобщей нормативности переводов.

В устном переводе независимо от качества исходного текста следует держаться нормативного языка по двум причинам. Пер-

вая та же, по которой следует говорить логично (см. выше). В общественном сознании, без сомнения, существует стереотип, что авторитетные участники ситуации перевода говорят нормативно. Ненормативность перевода будет воспринята потребителем как ошибки самого переводчика.

Вторая причина, можно сказать, техническая. Она та же, по которой приходится снимать в устном переводе образность, т. е. имеется техническая трудность воспроизведения на другом языке ненормативной речи на ПЯ. Так что устному переводчику не следует и ставить перед собой эту практически неисполнимую в его условиях задачу, тем более, что удачи на этом пути (если они и будут) никто не оценит по изложенным выше причинам.

Вторая часть правил имеет более узколингвистический характер (правило о длинном/коротком предложении, о наличии предложения, о высоком/низком стиле, об усилителях). Они лингвистические и по существу, и по происхождению и являются достижениями сопоставительной лингвистики. Эти соотносительные закономерности обосновываются в контрастивной лингвистике статистическими и иными способами.

Возникает только вопрос: а почему, собственно, в правила включены только эти закономерности — ведь существует и известна также масса других двусторонних закономерностей языков, контактирующих в процессе перевода. Или указанные закономерности самые важные? Но тогда каков вообще критерий важности некой закономерности?

По нашему мнению, дело в следующем. Любой текст перевода (независимо от вида и жанра перевода), наряду с тем, что должен обладать какими-то чертами, вытекающими из особенностей оригинала, непременно обязан отвечать одному фундаментальному требованию: это должен быть хороший текст на ПЯ.

Социально-психологическое обоснование этого, по-видимому, общепереводческого требования то же самое, что обоснование требования логичности и нормативности устного перевода. Считается, что уж если некоего автора переводят, то это, скорее всего, хороший автор, следовательно, потребитель ждет в качестве перевода **хорошего текста**.

Сама идея хорошего текста тесно связана с представлением о двойной соотнесенности текста перевода: с текстом оригинала, с одной стороны, и принятой манерой строить на ПЯ тексты сходного содержания и функции — с другой, и с вытекающим отсюда понятием «текста-эталона»⁷. Вообще в последнее время внимание исследователей перевода, как нам представляется, несколько сместилось с изучения связи «оригинал — перевод» на исследование другой, не менее важной связи: «оригинал — текст — эталон» (т. е. связи текста перевода с литературной традици-

⁷ См. об этом: Батрак А. В. Инвариантность и коммуникативная эквивалентность в переводе. — В кн.: Вопросы теории перевода и методики его преподавания в языковом вузе. М., 1980, с. 47.

ей ПЯ). Так вот, указанные в правилах сопоставительные закономерности являются, по нашему мнению, необходимыми и достаточными факторами для достижения **хорошего** русского (и соответственно хорошего итальянского) текста. То, что этих факторов на самом деле достаточно, определяется эмпирически, на основании лингвистического эксперимента.

Однако остается не вполне проясненным само понятие «хорошего текста». Мы понимаем под хорошим текстом текст, считаемый за таковой в данной языковой и культурной общности на некотором историческом этапе, т. е. критерием у нас является восприятие языкового коллектива. Такой подход к делу возможен, так как суждение о тексте «плохой/хороший» в весьма незначительной степени оказывается делом личного вкуса, но в основном является присущим всему языковому коллективу. В обществе живет некий идеал правильного и красивого говорения и писания, к которому более или менее осознанно стремятся говорящие и пишущие. Тексты весьма близкие к этому идеальному эталону считаются в данном обществе образцовыми, классическими, достойными подражания. Таковы тексты хороших писателей, некоторых философов, публицистов, иногда ученых. Тексты, признаваемые за хорошие, со своей стороны, активно поддерживают и формируют этот идеал.

Вполне понятно, что если существуют тексты, признаваемые в данном обществе за хорошие, то, значит, существуют и какие-то общие языковые черты этих текстов, позволяющие причислять — пусть интуитивно — к этому множеству вновь создаваемые тексты.

На практике, однако, оказывается, что лингвистическая интерпретация явления хорошего стиля — чрезвычайно трудное дело. Мы неплохо представляем себе, каковы лингвистические особенности официально-делового или газетно-публицистического стиля, но почти ничего не знаем о стиле просто хорошего.

Р. Харвег⁸ считает (и с ним надо согласиться), что хороший стиль — это текстовая категория, т. е. его критерии лежат вне пределов отдельно взятых предложений; хороший текст характеризуется не просто употреблением тех или иных слов или конструкций, но удачным со многих точек зрения способом воплощения в словесной форме каких-то мыслей и чувств автора. Поэтому истинная стилистика, стилистика, которую еще предстоит создать, заключает Р. Харвег, это грамматика текста.

Однако для некоторых практических целей (например, перевода) пока что подойдет и значительно упрощенная интерпретация этого сложного явления — хорошего стиля.

Почему мы можем удовлетвориться неполной интерпретацией?

Так как мы взяли в качестве критерия хорошего текста

⁸ Харвег Р. Стилистика и грамматика текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980, с. 212—226.

восприятие его языковым коллективом, то представляется весьма резонным воспользоваться заимствованным из психолингвистики понятием **порога восприятия**. Дело в том, что когда перевод осуществляется в соответствии с тем, что мы прежде называли функционально-жанровым прототипом, а А. В. Батрак называет текстом-эталоном, то разные параметры этого прототипа, объективно присутствующие в нем, оказываются далеко не равнозначимыми при восприятии. Говоря попросту, какие-то параметры (и соответственно их нарушения) более на виду, а другие — менее. Переводя в соответствии с функционально-жанровым прототипом, переводчик непременно должен соблюсти первые, а нарушение вторых в общем не воспринимается, даже если оно объективно существует и может быть зафиксировано с помощью того или другого исследовательского приема, положим, статистической методики. Мысль эта совсем не нова: она по сути дела лежит в основе широкоизвестных стилистических этюдов Л. В. Щербы, где он всегда стремится четко различить значимое и «упаковочный материал».

По-видимому, сформулированные правила (№№ 12—17) и являются выведенными из практики минимально необходимыми и воспринимаемыми языковым коллективом параметрами хорошего текста. Практика устных переводчиков показывает: текст, построенный с выполнением этих параметров, при устном переводе представляется аудитории хорошим.

Для письменного, тем более художественного, перевода к этим параметрам должны добавиться другие, более подробно и расчлененно описывающие текст. Это и понятно: устный перевод воспринимается на слух, однократно, поэтому долго и тщательно размышлять над текстом не имеет возможности ни переводчик, ни потребитель его перевода. Поэтому и можно ограничиться немногими параметрами сходства с прототипом на ПЯ. На основании сказанного, совершенно очевидно, что для выяснения вопроса, действительно ли достаточно этих параметров, мы обращаемся к самим участникам ситуации перевода — их мнение о тексте для нас имеет решающее значение. Изменяя то один, то другой параметр, по-разному их комбинируя и предъявляя полученные тексты информантам (стилистический эксперимент в чистом виде), мы убеждаемся, что перечисленных параметров действительно достаточно, чтобы текст производил впечатление хорошего.

Остается вопрос: в какой мере применимы сформулированные правила для письменного перевода?

Как нам представляется, дело обстоит следующим образом. Правила, имеющие обоснование исключительно в социально-психологических особенностях ролевого взаимодействия участников ситуации устного перевода, являются специфическими для устного перевода. Таковы правила о логичности, ясности, нормативности, а также правила, вытекающие из условий, в которых работает устный переводчик: однократное звучание

исходного текста, предъявление текста по кускам, минимум времени на размышления. Сюда относятся правила об исключении образности, метафоричности, а также о переводе-замене (№№ 6—7) в случае недостаточного понимания или усвоения оригинала. (В письменном переводе переводчик может почти всегда так или иначе доискаться до смысла какого-то неясного куска текста).

Сюда же примыкает правило № 17 о том, что цифровые данные и общеизвестные собственные имена при первом упоминании не переводятся, а заменяются. Это правило вытекает, во-первых, из условий работы устного переводчика: при однократном прослушивании весьма значительна вероятность ошибки в воспроизведении незнакомого собственного имени или числа. Гораздо надежнее будет, если переводчик назовет имя или число при втором-третьем упоминании. При первом упоминании уместнее генерализация типа: «в одном городе», «отдельные представители оппозиции», «некоторые прогрессивные журналисты», «сотни жертв», «значительный рост производительности труда» (вместо на 28,7%) и т. п. Если повторных употреблений не последовало, то такая генерализация вовсе не повредит общению, тем более, что она имеет подкрепление в функционально-семантической роли соответствующих слов в целостном тексте. Действительно, если некто говорит, что, предположим, за пятилетку производительность труда на каком-то предприятии повысилась на 28,7% и более к этой цифре не возвращается (не сравнивает ее с соответствующими показателями других предприятий, не говорит, что при каких-то иных обстоятельствах она могла бы повыситься на 30—31% и т. п.), то эта цифра значит в данном конкретном контексте просто «много». Вот что важно для коммуникации.

Почему же наш оратор говорит 28,7%? Дело тут в том, что тексты определенного жанра, произносимые в определенных условиях общения людей, должны иметь некую регламентированную форму (функциональный стиль). Считается, что цифровой материал придает речи точность, объективность и доказательность (хотя на самом деле может быть и совсем наоборот). Аналогично обстоит дело с собственными именами. Так что в общем, переводчик может опускать цифры и имена при однократном упоминании. Для осуществления коммуникации это в высокой степени безразлично и, как мы старались показать, не особенно искажает смысл текста. Может несколько пострадать сходство с функционально-жанровым прототипом (в соответствующих текстах требуется такое-то количество цифр и названий), но это вполне можно восполнить в других частях текста.

Теперь нам остается рассмотреть вопрос, почему хорошие устные переводчики нередко оказываются весьма посредственными письменными. Мы уже писали, что текст перевода включен в две системы связей: 1) перевод — оригинал и 2) перевод-литературная традиция ПЯ (через «текст-эталон»). Сильное

преобладание первого рода связей характерно для переводов-реконструкций («формальная эквивалентность» Ю. А. Найды), а преобладание второго рода связей характерно для перевода-переделки («творческая транспозиция» Р. Якобсона, «динамическая эквивалентность» Ю. Найды)⁹.

Обычно переводчик в процессе своей работы стремится нащупать некий компромисс между той или другой связью. Так вот практика показывает, что один и тот же человек, выступая в роли устного переводчика (в большей степени это, видимо, относится к последовательному переводу) и принимая то или иное переводческое решение, скорее отдаст предпочтение второго рода связи. Он же, переводя письменно тот же самый текст, обычно склоняется в пользу первого рода связей (перевод-оригинал). Это обстоятельство нашло отражение даже во многих языках: устный и письменный переводы там называются разными словами.

Психологическая основа этого явления, видимо, довольно проста: написанный текст пользуется гораздо большим престижем, чем произнесенный, хотя «из науки» и известно, что настоящий язык — это как раз его устная форма. «Привычный взгляд такой: писаная речь — это дело серьезное, уважаемое. Произносимая речь — пустяковая вещь», — пишет М. В. Панов¹⁰. Такой взгляд отражен в известной латинской поговорке *Verba volant, scripta manent*.

Отсюда устный переводчик чувствует себя гораздо более «свободным» в отношении переводимого текста, чем письменный. Как он обычно поступает? Еще не начав переводить, переводчик старается уловить в целом прагматическую направленность ситуации: цель беседы и встречи, взаимоотношения ее участников и т. п. Сообразуясь с указанными обстоятельствами¹¹, переводчик создает новый текст на ПЯ, отражающий в необходимой степени смысл исходного текста и отображающий вышеуказанные обстоятельства. При устном переводе, особенно при переводе со смысловой, идеографической записью, переводчик широко практикует то, что В. Н. Комиссаров называет денотативной моделью перевода¹², т. е. переводчик, не заботясь о форме, в которой Источник выразил некую информацию, передает ее в манере, присущей языковому коллективу ПЯ. Особенно это относится к синтаксису в широком смысле слова, т. е. к организации высказывания, к способу развития определенной логической информации в речи. Хороший устный

⁹ Мы намеренно не говорим о так называемом «вольном и буквальном» или даже «буквалистском» переводе, так как за этими терминами прочно установилась негативная репутация. То и другое находится за пределами того, что в настоящее время считается переводом.

¹⁰ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 4.

¹¹ См. об этом статью А. В. Садикова «К вопросу о структуре переводческого акта».

¹² Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973, с. 32–36.

переводчик никогда не копирует иноязычную организацию высказывания, даже когда это вполне возможно.

Вообще устный переводчик более, чем письменный, психологически настроен на сравнительно вольное обращение с переводимым текстом. В нем ему представляется ценным только смысл, но и тот нередко полностью подчиняется коммуникативному заданию. В подавляющем большинстве случаев переводчик даже не задумывается о возможности передачи при устном переводе индивидуального стиля Источника.

Иным образом обстоит дело при письменном переводе. Здесь форма выражения некоторой мысли, описания некоторого отрезка действительности для переводчика приобретает гораздо большее значение. Переводчику уже кажутся непозволительными те трансформации, которые он без колебаний делал при устном переводе, они представляются «искажением», «отступлением» и т. п. Такое положение дел имеет вполне объективную основу: еще недостаточно известны сравнительные правила функционирования в речи, в реальном коммуникативном процессе некоторой пары языков, контактирующих в процессе перевода.

Если подходить с точки зрения чистой семантики, то неверно будет перевести: «Non mi toccare» gli dicevo. «Se no ti do una pedata». (Pratolini) как «Ты меня не трогай, а то как дам ногой» — пригрозил я.

Слово «пригрозил» содержит семантическое приращение: сравнительно со «сказал», «говорил», однако, как показывают исследования¹³, русская литературная традиция предпочитает более семантически нагруженные ремарки, чем итальянская, где ремарки имеют по большей части структурную, связующую роль.

Когда переводчик будет знать много таких закономерностей, он будет чувствовать себя несравненно более уверенно. Вообще, по-видимому, было бы полезно провести серию несложных экспериментов, состоящих в том, чтобы одним и тем же переводчикам-профессионалам предлагать один и тот же текст сначала для устного, а потом для письменного перевода.

Таким образом получается, что хороший устный перевод не имплицитно хорошего письменного в основном по двум причинам:

1. Отсутствие при письменном переводе связи с аудиторией ПЯ и соответственно контроля с ее стороны над действиями переводчика.

2. Стремление при письменном переводе во что бы то ни стало передать индивидуальный стиль автора.

¹³ См., например: Воеводина Т. В. Некоторые закономерности тождественного построения диалогической речи в русской и итальянской художественной прозе (проблема авторской ремарки). — В кн.: Вопросы теории перевода и методики его преподавания в языковом вузе. М., 1980, с. 168—183.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящей статье мы попытались:

1. Дать новый, более полный, список правил устного перевода;
2. Показать их, по крайней мере, практическую необходимость и достаточность;
3. Выяснить, какие правила являются общепереводческими, а какие относятся только к устному переводу;
4. С другой стороны, мы разделили правила на относящиеся к определенным парам языков;
5. Постарались показать, почему умение хорошо переводить устно не подразумевает умения хорошо переводить письменно.

V. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

В. Н. Крупнов
(Москва)

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Вопросам развития методики обучения переводу в высшей школе в последнее время стало уделяться все большее внимание. Свидетельством этого являются все более настойчивые попытки как отдельных авторов¹, так и целых коллективов² осмыслить проблему обучения переводу с учетом тенденции развития ряда наук, исследующих переводческий процесс.

Этому вопросу и посвящена настоящая статья. Следует сразу же подчеркнуть, что мы полагаем, что методика обучения профессиональному переводу не может возникнуть внезапно или стихийно, что в своей основе она должна базироваться на уже накопленном опыте в этой области.

Задача методики обучения переводу, в нашем понимании, состоит в том, чтобы показать направление в дальнейшем освоении богатейшей практики перевода, в частности, практики, накопленной советской переводческой школой, в нахождении оптимальных путей обобщения и систематизации этого опыта.

В последнее время все более широкий отклик в целом ряде наук, особенно в психологии и лингвистике, находит структурно-уровневый подход к исследованию профессиональных деятельностей. Так, М. С. Роговин³ научно обосновывает концепцию структурно-уровневых теорий в психологии в ряде своих статей и книг, И. А. Зимняя и Л. И. Апатова⁴ ставят вопрос о смысловой структуре как ориентировочной основе в обучении пониманию иноязычной речи на слух,

¹ См.: Крупнов В. Н. Проблема подготовки переводчика-профессионала. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 150. М., 1979, с. 116—130; Чигринская Н. А. Об обучении переводу как специальности, (там же), с. 178—194; Комиссаров В. Н. О методике преподавания перевода в высшем учебном заведении. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 166. М., 1980, с. 184—195; Рязанова Г. Л. Из опыта преподавания письменного перевода немецкого языка на русский (там же), с. 196—211.

² Проблемы обучения переводу. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 203 (в печати).

³ См.: Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (Методические основы). Ярославль, 1977.

⁴ См.: Зимняя И. А., Апатова Л. И. Смысловая структура текста как ориентировочная основа в обучении пониманию иноязычной речи на слух. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 69, М., 1972.

И. Л. Бим⁵ использует преимущества структурно-уровневого описания для обоснования методики обучения иностранным языкам на современном этапе. Подобных примеров структурно-уровневого подхода, составляющего часть системного подхода к деятельности, можно привести множество. Вот почему в структурно-уровневом и системном подходах следует усматривать новые горизонты для изучения феномена перевода. Причем аспекты такого исследования могут быть самые разные.

Так, лингвист В. Н. Комиссаров⁶ ярко продемонстрировал научную плодотворность уровневой концепции в отношении определения адекватности (эквивалентности) перевода. В. Н. Комиссаров показал, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями содержания текстов оригинала и перевода. Эти уровни плана содержания исследователь обозначил следующим образом: 1) уровень языковых знаков (слов); 2) уровень высказывания; 3) уровень структуры сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации.

В настоящее время уровневая теория эквивалентности продолжает развиваться и уже практически используется, в частности, при обучении студентов переводу.

По нашему мнению, возможности уровневой концепции, однако, выходят далеко за пределы трактовки лишь частных, хотя и очень важных проблем перевода. Мы полагаем, что в настоящее время во всей полноте встал вопрос о **структурно-уровневой интерпретации переводческой деятельности в целом**. Теперь, если учесть, что «**деятельностный подход**» к переводу как письменному, так и устному уже обоснован в целом ряде исследований⁷ и сейчас уже широко известен, то становится ясно, что структурно-уровневое толкование процесса перевода может быть весьма эффективно и для целей обучения переводу. Приложение уровневой концепции к деятельности переводчика в целом, анализ обучения переводу как специальной учебной дисциплине — все это вполне позволяет предложить следующую уровневую структуру переводческой деятельности.

Уровни и подуровни переводческой деятельности

1. Первый уровень действий переводчика: опознание и первичное осмысление слов и общей структуры текста.
2. Второй уровень действий переводчика: достижение углубленного понимания текста.

Подуровни:

⁵ Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., 1977.

⁶ См.: Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973, с. 66.

⁷ См., например: Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М., 1976; Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М., 1979; Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.

- а) понимание слов, словосочетаний или групп слов, связанных по смыслу;
- б) понимание предложения как единицы текста;
- в) понимание сверхфразовых единств;
- г) понимание текста в целом;
- 3. Третий уровень действий переводчика: адекватная передача воспринятой смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств другого языка (языка перевода) и соответствующих приемов перевода;
- 4. Четвертый уровень действий переводчика: заключительная (обобщающая) оценка выполненного перевода с точки зрения цели коммуникации и других профессиональных требований к переводу.

Данная структура деятельности переводчика⁸ весьма контрастно показывает, на каких именно уровнях и подуровнях происходит **формирование переводческих решений**. Нетрудно заметить, что те или иные решения переводчика, принятые на одном уровне, будут оказывать непосредственное воздействие и на выбор решений (и, следовательно, языковых средств) на последующих уровнях. Отсюда — идея взаимодействия и взаимосвязанности данных уровней и подуровней, их определенная иерархичность и взаимозависимость.

Ценность структурно-уровневой репрезентации переводческой деятельности состоит в том, что в центре внимания оказываются **реальные переводческие действия и операции**, как компоненты целостной структуры переводческой деятельности. Подобное расчленение переводческой деятельности на уровни и подуровни действий, на которых формируются переводческие решения, иногда вызывает возражения того порядка, что нет ли здесь искажения переводческого процесса, и как же быть с теми случаями в практике, когда человек (допустим, очень опытный переводчик) в состоянии сразу принимать свои решения? М. Я. Цвиллинг в связи с этим констатирует, что хотя «многоступенчатое осуществление перевода действительно нередко имеет место в практике, однако едва ли оправданно считать это существенным специфическим признаком переводческого процесса»⁹. И далее: «...можно утверждать, что практически эффективность работы переводчика (или шире — эффективность переводческой деятельности) находится в прямой зависимости от возможности сведения перевода к одноступенчатому, одноразовому процессу, обеспечивающему оптимальную передачу иноязычного текста при минимальной затрате общественно-необходимого труда» (там же).

⁸ Именно исходя из этой структуры, мы и осуществляем обучение переводу общественно-политических и экономических текстов. См.: Программа по английскому языку, изучаемому на Вечернем факультете МГИМО в качестве основного. М., 1982, с. 18. (Прим. автора)

⁹ См. об этом: Цвиллинг М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков. — В сб.: Чтение, перевод, устная речь. М., 1977, с. 176.

Рассмотрим данное высказывание с точки зрения методики обучения переводу. Действительно, предлагаемое М. Я. Цвиллингем сведение переводческих действий и операций к одноразовому переводческому акту — крайне заманчивая перспектива, и нет сомнения в том, что теоретически, как отмечает М. Я. Цвиллинг, эту перспективу нельзя игнорировать при построении теории обучения профессиональному переводу. Тогда бы, действительно, сэкономилось много переводческой энергии. Но от чего это зависит? Зависит ли такая экономия от желания самого переводчика или от сформированности его профессионально-переводческих умений и навыков? От его конкретного мастерства? Скажем, если переводчик еще недостаточно владеет иностранным языком, слабо постиг смысловые связи в таком-то тексте, не чувствует единиц перевода, не видит тех смысловых отрезков текста, над которыми ему следует работать, не видит подтекста, не понимает некоторую фразеологию и т. д., то спрашивается, можно ли в таком случае добиться **одноразового процесса перевода**? Ясно, что нет, поскольку в действиях такого переводчика (т. е. на таком уровне переводческой подготовленности) будут допускаться всякого рода сбои, смысловые и функционально-стилистические ошибки и прочие искажения. Вот почему вопрос об одноразовом, целостном переводческом акте следует рассматривать через призму условий его реального достижения, а не абстрактно.

Стало быть, объяснением тому, возможен или невозможен одноразовый переводческий акт, служит **опыт** переводящих.

В этом смысле, структурно-уровневая интерпретация переводческой деятельности позволяет не только раскрыть динамику и взаимозависимость переводческих действий, связанных с принятием переводчиком решений на определенных уровнях, но и научно объяснить суть такого феномена как разовый переводческий акт. Разовый переводческий акт, по нашему мнению, отнюдь не исчерпывается соображениями переводческого таланта. Вопросы переводческого таланта, кстати сказать, равно как и таланта в любой творческой деятельности человека, также могут служить предметом научных исследований.

Однако в плане развиваемых нами мыслей, разовый переводческий акт — это не что иное, как «свернутый опыт» переводчика, имеющий по мере осуществления практической работы тенденцию ко все большей **интериоризации**. Интериоризация опыта характерна и для других профессиональных деятельностей, не только для перевода.

Таким образом, мы видим, что развиваемая нами система понятий структурно-уровневого подхода к переводу позволяет осуществлять постановку и решение таких проблем перевода, которые были бы недоступны, если подходить к переводу только с традиционных точек зрения (напр., только с позиций денотативной теории перевода, или только с позиций трансформационной теории перевода или семантической теории перевода).

Структурно-уровневая интерпретация переводческой деятельности (и в этом состоит еще одно ее преимущество), позволяет «схватывать» явления перевода в движении, в динамике, в реальных параметрах, используя вместе с тем и все то ценное, что было выработано другими научными концепциями. Это находит выражение прежде всего в оценке переводческих решений, принимаемых переводчиком на соответствующих уровнях. Скажем, в тех случаях, когда переводчик для окончательного принятия решения (на четвертом уровне действий) обращается к действительной ситуации (т. е. выходит за пределы текста оригинала), то он, по сути дела, конкретно опирается на положения, разработанные авторами денотативной теории перевода, или, другими словами, он привлекает наиболее ценные теоретические положения этой теории. Вместе с тем, следуя уровневой концепции, переводчик использует и те преимущества, которые ему дает структурно-уровневое понимание переводческого процесса.

Структурно-уровневый подход к переводу позволяет сделать целый ряд новых выводов в отношении построения и дальнейшего развития методики обучения переводу. Из этого подхода, в частности, следует, что обучать переводу можно не только «линейно» (практика, сложившаяся в настоящее время), но и на базе уровневой отработки типичных переводческих действий и операций (предлагаемый нами принцип обучения).

По нашему мнению, недостатком практикуемого в настоящее время линейного обучения переводу в высшей школе является то, что трудности перевода при этом выделяются главным образом интуитивно или на основе наблюдений авторов, но без опоры на соответствующую теорию обучения. Как следствие этого в разных пособиях по переводу выделяются самые разные трудности перевода (набор трудностей), т. е. как существенные, так и несущественные. В результате у обучаемого не возникает (да и не может возникнуть) целостной картины переводческого процесса. Добиться же сразу адекватного перевода, допустим, трудных текстов, студент-переводчик тоже не в состоянии, и в результате происходит лишь очень постепенное накопление переводческого опыта. Или, другими словами, при традиционном подходе к обучению переводу все обучение строится, по верному замечанию В. Н. Комиссарова «по принципу: учить переводить, переводя»¹⁰.

Концепция уровневой отработки переводческих действий эффективнее указанного выше принципа, поскольку весь процесс обучения переводу предлагается осуществлять более целенаправленно, а умения и навыки перевода в таком случае формируются в условиях решения конкретных переводческих задач и заданий воспроизводящих особенности реального переводческого процесса.

¹⁰ Комиссаров В. Н. О методике преподавания перевода в высшем учебном заведении. — Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького, вып. 166. М., 1980, с. 185.

Выполнение таких целенаправленных заданий представляет не только несомненный интерес для студентов-переводчиков, не только стимулирует их учебную деятельность, но и способствует выработке у студентов целостного, всеобъемлющего представления о переводческой деятельности как таковой. Так обучаемый постепенно постигает суть мысли о том, что отдельные уровни переводческой деятельности — это лишь инструментарий, тот путь, который ведет его к достижению конечной цели — адекватному воссозданию оригинала.

Следовательно, уровни переводческих действий для нас не самоцель, а лишь учебно-методический прием организации деятельности переводчика, прием, раскрывающий «таинственность» переводческих решений. На базе упражнений, построенных на уровневой основе, начинающий переводчик постепенно сам вырабатывает для себя внутренние руководящие принципы и критерии, которые в дальнейшем и будут составлять основу его подлинно творческого мастерства.

Естественно, что отнюдь не всегда деятельность переводчика будет протекать в строго заданном «уровневом режиме»: по мере накопления переводчиком опыта отдельные уровни или подуровни будут свертываться, другие укрупняться, решения будут становиться все более обоснованными и профессиональными. Раскрытие особенностей перевода таким образом убеждает переводчика в том, что его умения и навыки, скажем, в области владения видами речевой деятельности, взаимодействуя с навыками перевода, в то же время не подменяют собственно переводческих умений и навыков. Отсюда важное для методики обучения переводу осознание того, что перевод текста — это профессиональная билингвистическая деятельность, имеющая свою специфику.

Практика показывает, что переводческие упражнения уровневого типа позволяют уяснять и отрабатывать характерные компоненты переводческой деятельности, а также вырабатывать определенную стратегию этой деятельности.

Обучаясь по принципу «учись переводя», студент-переводчик крайне медленно вырабатывает стратегию действий, обучаясь же принципу отработки важнейших переводческих действий по уровням, студент-переводчик имеет возможность приобрести **обобщенный систематизированный опыт** в области перевода, опыт, который формирует одновременно и интуицию переводчика, и стратегию его деятельности.

Получив такую подготовку, переводчик, далее, — методом переноса знаний и навыков — может практически переводить в том числе и те жанры литературы, которые не отрабатывались специально в учебном процессе. Т. е. структурно-уровневый подход универсализирует навыки переводчика, предполагая лишь некоторую ограниченную корректировку на специфику языка того или иного жанра.

В настоящее время достаточно систематизированное описание

различных приемов перевода можно найти в целом ряде исследований по переводу, как монографиях, так и учебных пособиях¹¹, однако начинающему переводчику далеко не всегда ясно, когда эти приемы использовать. Скажем, многие переводчики знают, что представляет собой прием конкретизации. Когда спрашиваешь студента-переводчика, почему он в таком-то случае не «конкретизирует» то или иное значение лексической единицы, оказывается, что он не знает, когда это следует делать.

Уровневая репрезентация действий переводчика в этом смысле создает гораздо более четкую ориентировочную основу. Эта большая ориентированность идет за счет значительной объяснительной силы самого уровневого подхода. Как следствие этого данный подход оказывает все более стимулирующее воздействие на деятельность переводчика. Из вышесказанного следуют такие выводы.

1. Уровневое истолкование переводческой деятельности в целом, равно как и решение частных вопросов перевода на уровневой основе (напр., проблем эквивалентности) позволяет ясно представить специфику всего переводческого процесса, что играет немаловажную роль для дальнейшего развития методики обучения переводу.

2. В отличие от линейного овладения трудностями перевода, уровневая отработка действий переводчика (преодоление переводческих трудностей и использование соответствующих приемов перевода по уровням действий) позволяет обучать переводу более эффективно, поскольку создает более ясную ориентировочную основу для действий (решений) обучаемого.

3. Задача достижения переводческого мастерства при структурно-уровневом подходе к обучению переводу достигается постепенно, но достаточно эффективно, поскольку позволяет сосредотачивать внимание и творческие способности переводчика на самых центральных звеньях его деятельности. В результате у переводчика весьма эффективно формируется свернутый опыт, который имеет тенденцию ко все большей интериоризации.

4. Дальнейшее развитие современной методики обучения переводу невозможно без определенной теоретической концепции обучения, которая, однако, должна быть не изолированной от других научных концепций, а как раз наоборот — должна включать в себя все наиболее ценные «рациональные зерна» других концепций в области обучения переводу и истолкования сущности перевода. На данном этапе развития психологии и лингвистики, а также методики обучения переводу и самого переводоведения такой концепцией является, по нашему мнению, структурно-уровневый подход к переводу и уровневая отработка действий переводчика в учебном процессе.

¹¹ См., например: Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975; Крупнов В. Н. Курс перевода. М., 1979; Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

М. Я. Цвиллинг
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЕЙ

Важнейшим элементом словарной статьи в двуязычных словарях является перевод заглавного слова. В этой связи понятно стремление составителей отыскать такой перевод, который был бы «реальным переводом, который в соответственной грамматической форме непосредственно годился бы в правильную» фразу ПЯ. На первый взгляд этот принцип не вызывает возражений, однако, несмотря на недостаточность для полноценной переводческой практики требования получать в результате перевода правильные фразы ПЯ (о чем мы будем говорить чуть ниже), даже его последовательное проведение на деле наталкивается на ряд существенных трудностей, на которые, в частности, указывает в своих работах В. П. Берков¹. Основная трудность заключается в том, что ни в одной паре языков не существует абсолютного изоморфизма лексического состава — это положение стало общепризнанным как в теории перевода, так и в работах по контрастивной лингвистике и, в частности, по сопоставительной лексикологии².

Теперь присмотримся внимательнее к самому требованию получить в результате «реального перевода» — правильные фразы ПЯ, «являющиеся переводом конкретных» фраз ИЯ. Требование это было сформулировано нашим выдающимся филологом, языковедом и лексикологом Л. В. Щербой применительно к переводу с русского языка (ИЯ) на французский (ПЯ) в его Предисловии к Русско-французскому словарю, первые два издания которого вышли во второй половине 30-х годов³. В том же Предисловии ученый ясно и недвусмысленно определил как предназначение своего детища (из которого и вытекает вышеуказанное «слабое» требование правильных фраз на ПЯ), так и причины, по которым он вынужден был поставить именно эти, а не другие цели —

¹ Берков В. П. Слово о двуязычном словаре. Таллин, 1977, с. 110 и след.

² Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975, с. 74 и след.; Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973, с. 19 и след.; Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973, с. 89 и след.; Гак В. Г. Сопоставительная лексикология французского и русского языков. М., 1977, с. 9—10, 253.

³ Мы цитируем его по 2-му изданию (1939, 1-е 1936), перепечатанному в сб. избранных работ: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 304—312 (цитата в начале статьи находится на с. 309).

языковую ситуацию тех лет: «Большинство людей или очень плохо знает язык, или знает его крайне неравномерно и во всяком случае обучалось ему нерационально; перевести же **несколько фраз** на иностранный язык очень часто бывает нужно всякому... и **единственным способом** остается для них русско-иностраный переводный словарь.. Поэтому.. переводные русско-иностраные словари должны быть переделаны совершенно заново с **ясно осознанной целью** дать **возможность русскому человеку делать правильные переводы его русских фраз**»⁴. Другими словами, отдавая себе отчет в крайне низком языковом уровне большинства своих современников (и уж, конечно, не имея в виду профессиональных переводчиков), Л. В. Щерба хотел дать им в руки способ — нет, не делать переводы, а перевести несколько фраз. При этом не случайно применительно к ИЯ говорится о **конкретных** его фразах, применительно к самому переводу — о **реальных** переводах, а применительно к ПЯ — всего лишь о **правильных** французских фразах. Так, фраза «Он имеет книгу» является с некоторой точки зрения вполне правильной в русском языке, но вряд ли реальной или конкретной. А это значит, что требование правильности гораздо слабее требования реальности или конкретности какой-либо фразы.

К сожалению, это исторически обусловленное требование Л. В. Щербы, всегда бывшего чрезвычайно чутким к истории, почти постоянно толкуется внеисторически, вне породивших его конкретных условий. В свою очередь такое неправоммерно расширенное толкование приводит составителей словарей к односторонней ориентации на перевод, к стремлению дать его во что бы то ни стало, дать там, где словарного перевода, перевода внеконтекстного, просто нет. Необходимо помнить, что, наряду с процитированным выше первым принципом, в том же Предисловии Л. В. Щербы есть и четвертый: «Когда нам казалось, что нет ничего подходящего, мы обозначали это значение как непере-водимое и в скобках давали или объяснение, или какие-либо частичные переводы; наконец, в тех случаях, когда для получения удовлетворительного перевода приходилось переделывать всю фразу, мы давали переводы целых контекстов; но это, конечно, не могло быть чересчур часто ввиду скромных размеров словаря»⁵, с грустью заканчивает ученый. Несомненно, что в изменившейся языковой ситуации — с распространением и углублением знания иностранных знаков, а также — и прежде всего — вследствие образования целой армии переводчиков, если не профессиональных, то тех, кому ежедневно приходится переводить гораздо больше, чем несколько фраз, и — в принципе — на гораздо более высоком уровне, чем удовлетворительность или даже правильность, — это ограничение должно было отпасть.

⁴ Там же, с. 307—308 (выделено нами — М. Ц.).

⁵ Там же, с. 309. Обратим опять-таки внимание на минимальность требований ученого к переводу: он должен быть всего лишь **удовлетворительным**. Но и для этого иногда приходится «переделывать всю фразу»!.

Свидетельством этого является выход в 70-е годы Большого англо-русского и Большого немецко-русского словарей, за которыми последовали дополнения к ним. Нельзя не посетовать, однако, на то, что в повседневной издательской практике сплошь да рядом наталкиваешься на стремление «ограничить» словарь. Еще раз предоставим слово Л. В. Щербе, который пишет, на этот раз в своем «Опыте общей теории лексикографии»: «В самом деле, нет никаких причин, чтобы ходоной иностранный словарь обязательно имел 100 авторских листов, а не 150, если это последнее требуется существом дела»⁶. И это сказано в 1940 году! Тем более, это должно быть верно теперь, когда вследствие вышеуказанного изменения языковой ситуации отпала необходимость в предлагаемом Л. В. Щербой практическом выходе — иметь для каждой пары языков «четыре словаря — безусловно два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и, в зависимости от реальных потребностей, два переводных словаря с родного языка на иностранный специального (в вышеуказанном смысле) типа»⁷. В идеале современный переводный словарь должен раскрывать значение с той же полнотой, что и толковый словарь ИЯ, т. е. он должен быть опять-таки, в осуществление идеи Л. В. Щербы, толковым словарем одного языка с пояснительным текстом на другом.

От идеалов перейдем к реально существующим словарям и посмотрим, как осуществляется в них перевод слова ИЯ. Вся часть на ПЯ можно разбить на единицы, принятые в советском переводоведении. При этом наряду с вполне законными переводами эквивалентом, антонимическими и описательными переводами, калькированием и транслитерацией в изданных у нас словарях нередко встречаются и случаи семантического смещения (под этим термином мы объединяем конкретизацию, или сужение, а также генерализацию, или расширение, значения), на которое мы и хотим обратить особое внимание. Так, примером неоправданного сужения значения является перевод немецкого *Blutverwandte* как *близкий родственник* (с пояснением «по крови») — на самом же деле степень родства не играет роли, важен факт наличия кровного родства хотя бы и отдаленного). Напротив, перевод *Heugreiter* как *всадник, наездник* является неоправданным расширением значения немецкого слова, поскольку игнорируется его специфическая социальная окраска (человек из высших слоев общества, занимающийся конным спортом). Интересно рассмотреть перевод нем. *Autodafé* как *сожжение на костре*. с одной стороны, это перевод слишком широкий, поскольку не всякое сожжение на костре можно назвать *Autodafé*; с другой — в переносном смысле это слово означает не только *сожжение*, т. е. для переносного значения словарный перевод оказывается слишком узким.

⁶ См. Щерба Л. В. Указ. соч., с. 301.

⁷ Там же, с. 303.

Необходимо обратить также внимание на корректность использования таких переводческих приемов, как калькирование и транслитерация. Прежде всего оба они относятся почти исключительно к области реалий. Калькирование (напр., *Bundesregierung Федеральное правительство*) не следует применять там, где в нем нет прямой необходимости — давая вместо перевода слова в целом поэлементный перевод его внутренней формы, которая, однако, вовсе не обязательно совпадает с актуальным значением слова. Что касается транслитераций, то их можно разделить на две группы. К первой относятся транслитерированные слова, успевшие стать фактом ПЯ (*канцлер, шницель*), ко второй — обозначающие понятия, мало известные вне области распространения ИЯ. Транслитерация таких слов в словаре должна сопровождаться объяснением, например, *Jodler йодлер* (манера пения у горцев), *Ministerialdirektor министериаль-директор* (ранг высшего чиновника) — отметим, что предложенный в словаре перевод *начальник отдела министерства* является дезориентирующим, так как данное слово не обозначает никакой должности. Решить же, что более уместно в данном тексте — транслитерация или ее объяснение, или сочетание того и другого, должен переводчик. Словарь же должен предоставить в его распоряжение всю необходимую информацию.

Отметим, что единичный перевод, даже перевод эквивалентом, почти никогда не раскрывает смысл иноязычного слова полностью. Именно поэтому чрезвычайную важность для переводческой практики приобретает проблема группировки значений (переводов). Группировка значений (переводов) является важным средством раскрытия значения и семантического функционирования слова в целом, известной схематической иллюстрацией всего его семантического поля.

При «линейном» расположении значений, принятом в нынешних словарях, каждый перевод представляется как нечто самостоятельное, и поэтому зачастую тесно связанные между собой значения получают автономию. В этом случае потребитель словаря должен выбрать один из данных переводов, но почти лишен возможности на основе сопоставления их подобрать подходящий к контексту перевод, не представленный в словаре. Если же дать более сложную, в несколько ступеней, «пространственную» группировку переводов, то переводы каждой группы в своей совокупности представят одно из широких значений слова с его подзначениями («микросистему»); опираясь на эту систему переводов, можно без особого труда подобрать добавочные переводы, подсказываемые контекстом.

Особую важность подобное наведение семантического порядка приобретает для фразеологических единиц, подача которых в нынешних словарях крайне непоследовательна — часть единиц разнесена по значениям, а наиболее идиоматичные из них (фразеологические единства и сращения, часть пословиц и поговорок) — оказывается за бортом, т. е. за «ромбом».

Отнесение фразеологизмов «за ромб» ничего не дает ни для раскрытия их значения, ни для объяснения их перевода.

При более строгом лексикологическом анализе ФЕ должно оказаться возможным их подчинение тому или иному значению слова, что позволит полнее раскрыть как внутреннюю форму этого сочетания, так и макросистему значений самого заглавного слова. Так, бессмысленно давать выражение *den Hof maschen* *ухаживать* за ромбом, после всех значений многозначного Hof: совершенно ясно, что это выражение не имеет никакого отношения к таким значениям, как «крестьянский двор» или «гало, ореол (вокруг солнца, луны)» и непосредственно примыкает к значению «двор (царский, княжеский)» или «свита».

Одним из средств преодоления смысловых и функциональных расхождений между словами двух языков в двуязычном словаре являются пометы. Они, с одной стороны, сообщают потребителю дополнительную информацию о слове, не покрываемую словарным эквивалентом, и, с другой стороны, предостерегают его от необдуманно расширительного применения предлагаемых словарем эквивалентов. Они являются своего рода пограничными знаками, демаркирующими социолингвистические ареалы бытования слов.

Пометы играют очень важную роль именно для перевода, потому что зачастую только по ним можно судить о словоупотреблении, которое не менее важно, чем значение. Среди помет для перевода особенно важны стилистические пометы. Они характеризуют как переводимое слово, так и сами переводы. Необходимо поэтому иметь строго разработанную систему помет. Это — одна из наиболее актуальных задач практической стилистики. В предисловии к словарю или в инструкции «О пользовании словарем» необходимо дать инвентарь помет (на обоих языках) с достаточно недвусмысленным раскрытием каждого из них (в частности, на примерах из обоих языков). Необходимо учитывать и отражать соответствующими пометами различия как в стилистическом расслоении обоих языков, так и в стилистическом функционировании переводимого слова и его эквивалента.

Дело в том, что во многих случаях не удается подобрать к переводимому слову эквивалент, адекватный ему не только семантически, но и стилистически. Отсюда возникает необходимость сопровождения слова-перевода соответствующей пометой, которая предостерегла бы потребителя словаря от стилистических смещений, вызванных ложной идентификацией исходного слова и его перевода. Речь идет здесь не о стиле в узком смысле слова, а вообще о присущем слову свойстве употребляться в определенной сфере, определенных типах контекстов.

Возьмем немецкое слово *Schienbein* — буквально «большая берцовая кость». Перевод этот материально верен, но может ли он быть дан без помет? В немецком языке *Schienbein* такое же употребительное слово, как и в русском бытовые «анатомические» обозначения «локоть», «плечо», «ладонь» и т. д. Ясно, что

«большая берцовая кость» не стоит в русском языке в одном ряду с перечисленными словами. По-русски в обиходной речи можно встретить выражения «схватить за локоть», «ударить по плечу», «завязнуть по щиколотку» и т. д., по-немецки же этот ряд можно дополнить и сочетаниями j-n gegen das Schienbein treten. Перевести это сочетание с помощью вышеуказанного «материального» словарного эквивалента невозможно — едва ли в рассказе о драке естественно звучит фраза «Он ударил своего противника носком сапога по большой берцовой кости». Следовательно, при слове-переводе должна быть дана помета, указывающая на допустимость его употребления лишь в терминологической сфере (спец. или анатом.). Для пояснения же фактической сочетаемости необходим иллюстративный пример с соответствующим ситуативным переводом («носком сапога он ударил своего противника по ноге»).

Как видно из приведенного примера, стилистические и терминологические пометы должны быть приведены в единую систему, так как принадлежность слова к определенному специальному слою лексики и его употребительность взаимообусловлены.

Грамматические пометы носят, естественно, вспомогательный характер. Однако и их нельзя недооценивать по крайней мере по двум соображениям. Во-первых, они должны помочь идентификации обнаруженной в тексте словоформы с заглавным словом словарной статьи. Давая указание на изменение слова (напр., образование множественного числа), грамматическая помета помогает нам соотнести форму множественного числа с иногда весьма далекой от нее формой единственного числа, под которой слово приводится в словаре.

Во-вторых, грамматические пометы способствуют различению омонимов, поскольку омонимичные слова зачастую отличаются друг от друга именно системой своих грамматических значений и форм.

Данная статья, естественно, не дает каких-либо окончательных рецептов по составлению и оформлению словарей, в ней предпринята попытка рассмотреть некоторые проблемы построения словарной статьи с точки зрения потребностей практики перевода. Нам представляется, что учет высказанных здесь соображений позволит несколько приблизить ведущуюся у нас большую лексикографическую работу к вырабатывающимся в настоящее время установкам в области теории и методики перевода.

В. Ю. Розенцвейг
(Москва)

ЖУРНАЛ КАНАДСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ «МЕТА»

Вниманию читателей предлагается обзор журнала МЕТА за последние пять лет. Строится обзор следующим образом: сообщаются библиографические сведения о рецензируемом журнале (§ 1), дается социологическая характеристика канадских переводов (§ 2), обсуждаются три круга вопросов, составляющих основную тематику журнала: лингвистические проблемы перевода (§ 3), научно-технический перевод, автоматические словари и банки данных в помощь переводчику (§ 4), подготовка профессиональных переводчиков (§ 5). Ссылки на журнал приводятся в тексте, в круглых скобках.

§ 1. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Журнал МЕТА выходит под этим названием с 1966 г., но основан был значительно раньше — в 1955 г. по инициативе Ж. П. Винэ — автора известной книги по сравнительной стилистике английского и французского языков¹. Главный редактор (директор) журнала — заведующий кафедрой лингвистики и филологии Монреальского университета, профессор Андре Кла. В состав редколлегии входят и европейские специалисты. Журнал выходит четырьмя выпусками в год, объемом примерно в 100 страниц каждый. Рубрикация его следующая: передовые статьи, посвященные теоретическим вопросам перевода (примерно одна треть объема), заметки, объединенные под названием «вопросы и решения» (треть объема), рецензии на «орудия переводчика» — словари, грамматики, пособия и т. п. и хроникальные заметки. Достаточно регулярно выпускаются специальные номера, посвященные отдельным проблемам. Назовем важнейшие из них (в хронологическом порядке): перевод медицинских текстов (1974, № 1); двадцать лет перевода; итоги и перспективы (1975, № 1), перевод на предприятии (1976, № 1), история перевода в Канаде (1977, № 1), поэтический перевод (1978, № 1), юридический перевод (1979, № 1), документалистика (1980, № 1), информатика на службе перевода² (1981, № 1). Укажем еще на специ-

¹ Vinay J.-P. et Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris—Londres—Montréal, 1958.

² Имеются в виду машинные словари в помощь переводчику. См. об этом § 4.

альные номера по теории перевода: «Труды международного симпозиума по лингвистике и переводу» (Монреаль, 30.IX. — 3.X.1970 г.) (1971, № 1—2), «Труды второго международного симпозиума по лингвистике и переводу» (Монреаль, 4—7 окт. 1972 г.) (1973, № 1—2), «Теория на службе практики» (Симпозиум в Глендоне, 21—24 мая 1980 г.) (1980, № 4).

МЕТА — журнал двуязычный: материалы печатаются на французском (преимущественно) и английском языках. Программа журнала объявляется на заглавной обложке: «Орган информации и исследования в области перевода, терминологии и устного перевода».

МЕТА адресуется переводчикам, терминологам, редакторам, преподавателям, студентам. Его тираж — около 2 000 экземпляров. Стоимость журнала не обеспечивает его самоокупаемости, издание субсидируется министерством образования Квебека — франкоязычной провинции Канады.

§ 2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАНАДСКИХ ПЕРЕВОДОВ

То, что МЕТА издается преимущественно на французском языке, в столице Квебека, редактируется, готовится и печатается в основном сотрудниками франкоязычного Монреальского университета, указывает на важнейшую особенность перевода в Канаде: из десяти канадских переводов девять — французские. В этом проявляется не столько численное соотношение двух основных этнических коллективов Канады — 60% населения страны англоязычны, 30% — франкоязычны, — сколько различное их социально-экономическое и политическое положение. Вот что говорится об этом в одной из статей журнала: «...в Канаде имеются два общества, две официальные языковые общности, из которых одна, англоязычная, — преимущественно общество переводимое, а другая, франкоязычная — общество переводящее. Переводимое общество, будучи политически господствующим, могло остаться одноязычным; переводящее общество находится в подчиненном положении и вынуждено было в силу этого стать двуязычным» (1978, № 2, р. 145). Охарактеризованная здесь ситуация восходит к завоеванию Канады Англией во второй половине XVIII века. Многие, естественно, с тех пор изменилось, в особенности после второй мировой войны. В 1960 г. французский язык был признан наравне с английским официальным языком Канады. Но и в настоящее время, по данным, приведенным в той же статье, больше 70% чиновников федерального правительства — англофоны, а из 27% работающих здесь франкофонов 60% пользуются в качестве рабочего языка английским. К тому же лишь 20% франкоязычных чиновников занимают руководящие посты. Не лучше обстоит дело на частных предприятиях. Даже во франкоязычном Квебеке, говорится в той же статье, на крупных и средних предприятиях в качестве рабо-

чего языка используется английский. Тому причина — господство не столько англо-канадского, сколько американского капитала, американской экономики, техники, бытовой культуры. «Соседство Соединенных Штатов, — пишет канадский лингвист В. Барбо, — нам страшнее, чем легионы Цезаря — разьединенной Галлии, и мы против этого бессильны»³.

Итак, первая характерная черта канадских переводов: они служат языковой коммуникации между двумя этническими общностями, англоязычной и франкоязычной, одна из которых — первая — занимает господствующее положение. Во франкоязычной Канаде переводами задается узус письменной и, в значительной мере, устной речи. Большая часть того, что здесь читают и слышат — газеты, книги, рекламы, объявления, речи, спектакли, телевизионные передачи, тексты самых разных жанров, начиная от текста закона до указания о способе употребления лекарства, — переведено с английского или составлено по англоязычному образцу. С этим связана нормативная деятельность франко-канадских лингвистов и теоретиков перевода. Нет, пожалуй, страницы МЭТА, на которой не звучала бы эта тема, причем напряженно, остро. В той мере, в какой это доступно и дозволено постороннему наблюдателю, можно отметить разумную позицию редакции, избегающую как консервативного провинциализма, так и либерального импорта моды.

Вторая особенность перевода в Канаде — преобладание общего и научно-технического перевода над переводом литературно-художественным: выгоднее ввозить роман, переведенный на французский в Париже или на английский в Лондоне (Нью-Йорке), чем изготовить и издать его в Канаде, это относится и к художественной прозе и поэзии, созданной канадскими писателями. Правда, положение в последние годы несколько улучшилось: благодаря государственным субсидиям число литературно-художественных переводов произведений канадской литературы увеличивается (1973, № 1).

Под общим переводом здесь имеются в виду главным образом переводы государственных актов, федеральных документов, выступлений государственных деятелей и т. д. В соответствии с законом о двух официальных языках Канады любой текст, имеющий отношение к деятельности федерального правительства, подлежит переводу. Государственным делом общий перевод является еще и в том отношении, что осуществляют его переводчики, состоящие на государственной службе, точнее — в Федеральном бюро переводов. Созданное в 1934 году, это ведомство значительно расширило свои функции и свой штат после того, как был принят закон о двух государственных языках. Его штат насчитывает около 2000 человек, из которых две трети — переводчики, выполняющие переводы для сотен федеральных министерств и ведомств, включая и военные ведомства. Сверх

³ Barbeau V. Le français du Canada. Quebec, 1970, p. 79.

того, Бюро привлекает к работе по договоренности около 350 внештатных переводчиков для выполнения долгосрочной и объемной работы. Если учесть, что, по данным 1978 года, девять переводчиков Бюро из десяти — носители французского языка, то получается, что из 2500 франкоязычных канадцев один — профессиональный переводчик на федеральной государственной службе! Общий объем текстов, переведенных Бюро переводов в 1977 г. — 232 миллиона слов (1975, № 1, р. 42—70; 1977, № 1, р. 37—44, р. 57—65; 1978, № 2, р. 141—147, 1980, № 4, р. 393—400). Что касается профессионального уровня федеральных переводчиков, то, по оценке Ж. П. Винэ, они являются «одними из лучших в мире»⁴ в области общего перевода. Отметим еще, что с 1975 г. на федеральное Бюро переводов возложена ответственность за нормативную деятельность в области терминологии. (Об этом см. § 4.)

Переводом экономических, юридических, медицинских, всякого рода технических текстов занимаются также бюро переводов, принадлежащие частным лицам или же входящие в состав крупных промышленных предприятий. Частных бюро много — в одном Монреале их около 70, в Торонто — около 50, работают здесь около тысячи переводчиков. Некоторые из них специализированы в переводе текстов той или иной области. О характере этой работы дают представление следующие строки из статьи, опубликованной в МЕТА: «...если работа в бюро перевода интересна, главным образом, потому, что разнообразна, она в то же время изнуряющая из-за трудового темпа, навязанного, во-первых, требованиями прибыльного предприятия, во-вторых, нереальными сроками исполнения, устанавливаемыми заказчиками» (1976, № 1, р. 5—11) (Живое описание трудового дня в бюро переводов, см. 1976, № 1, р. 22—26). Многие бюро привлекают на договорных началах профессиональных или полупрофессиональных переводчиков. В составе крупных предприятий служба переводов обеспечивает все функции языковой коммуникации (1976, № 1).

Из обсуждаемых на страницах МЕТА вопросов и решений многие касаются работы бюро переводов, не только потому, что трудности, с которыми здесь сталкиваются переводчики, представляют общий интерес, но и ввиду значения их деятельности для культуры речи, прежде всего — французской. «В Канаде, — говорил на восьмом съезде Международного союза переводчиков Ж.-П. Винэ, — они (переводчики технических и экономических текстов. — В. Р.) несут ответственность за каждодневную эволюцию языка. Их долг — предложить приемлемые эквиваленты бесчисленных неологизмов, на них лежит тяжелая ответственность избежать одновременно и франглийский, и бесплодный академизм»⁵.

⁴ Vinay J.-P. La traduction, une profession. — In: P. A. Horguening (ed.). La traduction, une profession. (Actes du VIIIe congrès mondial de la Fédération internationale des traducteurs). Ottawa, 1978, p. 14—24.

⁵ См. Vinay. La traduction, une profession, p. 22.

Итак, слабо развитый литературно-художественный перевод и всеобъемлющий, вездесущий перевод государственных, экономических и научно-технических текстов, преимущественно с английского на французский — такова основная социолингвистическая характеристика перевода в Канаде. Этим определяется содержание и направление деятельности журнала МЕТА.

§ 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Как уже сказано было выше, каждый номер МЕТА открывается статьями, посвященными лингвистическому осмыслению явлений перевода. Напомню также о трех специальных выпусках журнала, содержащих труды международных симпозиумов по проблемам перевода (1971, № 1–2; 1973, № 1–2; 1980, № 4).

Главное направление канадской переводческой мысли характеризуют следующие слова ведущего его представителя Ж.-П. Винэ: «...самобытность канадских теоретиков состоит в том, что они никогда не теряли из виду приложение теории к каждодневной практике перевода⁶. Стремление обобщить практический опыт общего и научно-технического перевода, а именно этим, как сказано было в § 3, богата «каждодневная практика перевода» в Канаде, и забота об усовершенствовании практики — сильная сторона канадской школы перевода, созданной Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне. Ошибочно было бы усматривать здесь эмпиризм, сведение теории к своду рецептов. Уже в «Сравнительной стилистике французского и английского языков» Винэ и Дарбельне в основу описания перехода от одного языка к другому в процессе перевода были положены идеи и методы женевской лингвистической школы, в особенности Ш. Балли. Перевод здесь рассматривается как частный случай сопоставления языков и включается в сравнительную, «внешнюю» (по Балли) стилистику, призванную изучать способы обозначения действительности двумя данными разными языками. При такой концепции нет места для общелингвистической теории перевода. Вопросы моделирования процесса перевода, реализации этого процесса в зависимости от типа и жанра текстов, связь семантики и прагматики в переводе интересуют канадских теоретиков перевода не в обобщенном виде, а лишь в той мере, в какой они проявляются при сопоставлении в процессе перевода двух языков — английского и французского, причем не имеет в виду художественный перевод. Показательна в этом отношении итоговая статья об эволюции теории перевода, написанная Ж.-П. Винэ к двадцатилетию МЕТА. Отметив, что в Канаде теория литературно-художественного перевода не нашла развития, автор статьи противопоставляет лингвистическую теорию перевода и «стилистическую или подлинную теорию перевода». К первой относятся работы Дж. Кэтфорда, Ж. Мунена, Ю. Найды, А. В. Федорова, Р. Якоб-

⁶ Ibid., p. 17.

сона, О. Каде. Общее свойство этих работ, по мнению Ж.-П. Винэ, состоит в том, что перевод здесь рассматривается преимущественно как явление коммуникативной функции языка, как материал для решения таких лингвистических вопросов, как язык и мышление, язык и культура. В противоположность этому «подлинная теория перевода» — сравнительная стилистика двух языков — изучает и предлагает метод перевода: она составляет инвентари свойственных двум сопоставляемым языкам способов описания некоторой ситуации. Такая теория легко применима к практике, полагает Ж.-П. Винэ, и полезна при подготовке переводчиков. Это последнее соображение весьма характерно для канадских специалистов: их мысль постоянно направлена в сторону обучения переводу, точнее — переводу деловых и технических текстов. Вполне сознавая необходимость стимулировать мысль переводчика, сознательное обращение с текстом, свойственное профессиональному переводчику, они вместе с тем с недоверием относятся к абстрактным, дедуктивным теориям, опасаясь забвения фундаментальных требований, предъявляемых к переводчику — хорошее знание исходного языка и гибкое владение переводящим языком, знание культуры, предмета. «Я упрекаю теорию в том, — говорит Ж. Дарбельне, — что она размножается субъективно, причем каждый строит свою по своему усмотрению. Она, по существу, — проявление индивидуализма, проявление творческого вымысла» (1980, № 4, р. 393—400).

Поскольку центральной проблемой «сопоставительной стилистики» объявляется поиск эквивалентов, в последнее время активно разрабатываются в рамках этой теории сопоставительная лексикология (соответственно — сопоставительная лексикография) и сопоставительная терминология. Важные результаты, на материале английского и французского, здесь получены Ж. Дарбельне⁷. Главной задачей «дифференциальной лексикологии» Дарбельне считает определение расхождения в семантическом членении времени, пространства, причины и т. п., причем сопоставляются энстенциональное и интенциональное значение лексических единиц двух языков — объем понятий (сюда относятся так называемые «ложные друзья»), родовое и специфичное, собственное и переносное значения, аспектные значения. Двухязычный словарь, в особенности если он предназначен переводчикам, должен независимо от объема, указывать различие в семантическом членении, учитывая при этом направленность словаря в сторону анализа или синтеза, т. е. предназначена ли правая часть «словарного вхождения для толкования полагаемой неизвестной левой части» или левая часть полагается известной, а в правой сообщаются сведения в объеме, достаточном для использования при оформлении высказывания.

⁷ Darbelnet J. Pensée et structure. N.Y., 1977; Darbelnet J. Dictionnaires bilingues et lexicologie différentielle. LANGAGES, 19 (1970), p. 92—102; Darbelnet J. Lexicologie différentielle: champ et méthode. — META, 18 (1973), 1—2, p. 171—178.

Вторая проблема, регулярно обсуждаемая на страницах МЕТА, — проблема технической терминологии. Связь ее лингвистических аспектов с научно-техническим переводом хорошо освещена в статьях Ж. Дарбельне (1979, № 1, р. 26—34; 1980, № 4, 393—400), в которых раскрывается взаимодействие термина и общеупотребительной функциональной лексики в структуре технического «дискурса». О соотношении лингвистической и информационной сущности терминологии говорится также, и весьма содержательно, в № 1—2 журнала за 1973 г. (р. 237—253). Другая сторона этой проблематики, относящейся к номинации и, в этой связи, к нормализации, всесторонне представлена в статьях⁸ и заметках Р. Дюбюка (1973, № 1—2, р. 270—276; 1976, № 1, р. 16—21; 1979, № 3, р. 349—354; 1980, № 1, р. 11—20) и Г. Рондо (1979, № 2, р. 253—263). Два принципа выделяются в канадских работах по терминологии: во-первых, рассмотрение вопросов терминологии в связи с практикой перевода и, во-вторых, рассмотрение их в связи с культурой речи, разумеется — французской, причем наблюдается стремление к использованию, при решении вопросов номинации, внутренних ресурсов французского словообразования, но без предвзятого отказа от заимствования и кальки. Терминологическая деятельность, при таком подходе, это — «искусство выявить, анализировать и, при надобности, создать словарь для данной техники, в конкретной ситуации его функционирования с тем, чтобы таким образом ответить на речевые потребности пользователя»⁹.

Говоря о теоретических вопросах перевода, опубликованных в рецензируемом журнале, мы коснулись лишь работ канадских авторов. Но МЕТА знакомит своих читателей и с европейской переводческой мыслью. Из относящихся сюда работ укажем на статью известной специалистки по устному переводу, профессора Высшей парижской школы письменного и устного перевода Д. Селескович (1980, № 4, р. 401—408). Теория перевода мыслится ею не как лингвистическое описание соответствий между двумя языками и, тем более, не как лингвистическая модель процесса перевода, а как интерпретативное семантическое описание акта коммуникации посредством перевода, описание, в котором лингвистическая характеристика смысла сочеталась бы с характеристикой ситуации речевого общения, его участников и т. п. Стремление к расширению объекта теории перевода заметно и в двух других статьях, опубликованных в том же номере МЕТА, что и статья Д. Селескович. Первая из них принадлежит Ч. Р. Таберу и касается социолингвистического изучения преград коммуникации посредством перевода (1980, № 4, р. 421—429). Представленная здесь модель весьма близка к идеям известной работы Ю. Найды и автора рассматриваемой

⁸ Dubuc R. La recherche terminologique orientée vers la traduction. — In: Horguelin P. A. (ed). La traduction, une profession (Actes du VIIIe congrès mondial de la Fédération internationale des traducteurs. Ottawa, 1978, p. 379—385.

⁹ Dubuc R. Manuel pratique de terminologie. Montréal, 1978.

статьи и развивает прагматические аспекты перевода. На изучение прагматики перевода ориентирована и содержательная по объему охваченного материала и оригинальная по концепции статья профессора женеvской школы перевода Л. Трюффо (1980, № 4, р. 430—446). Автора интересует место перевода в семиотике культуры, противоречивая функция перевода во взаимодействии культур.

§ 4. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД, АВТОМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И БАНКИ ДАННЫХ В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКУ

Если принять в соображение, что добрая половина текстов, день за днем переводимых в Канаде, — специальные, то понятно будет, почему обсуждению относящихся сюда вопросов на страницах МЕТА уделяется значительное место. Можно выделить два круга вопросов, занимающих канадских переводчиков. К первому относятся вопросы терминологической эквивалентности, преимущественно — англо-французской. Они и составляют содержание постоянной рубрики «Вопросы и решения», о которой упоминалось выше. Термины здесь, как правило, рассматриваются группами, причем приводятся определения, рисунки, стандарты, возможные синонимические средства, локальные и стилистические варианты. Это зачастую образцовые двуязычные терминологические этюды, сопровождаемые богатой библиографией по данному вопросу (1980, № 4, р. 469—480). Споры вызываются, естественно, новыми терминами, — их особенно много в области электроники и информатики. Остроту таким спорам придает конфликт между требованием нормативности, в особенности когда речь идет об общеупотребительной номенклатуре бытовой техники, и, с другой стороны, стихийным узусом, навязанным торговой практикой. Напомним о нормативной деятельности федерального Бюро переводов, регулярно публикующем ежемесячный бюллетень «Actualité terminologique», а также сотни отраслевых терминологических бюллетеней. В Квебеке такого же рода деятельность осуществляется созданным в 1974 году «Ведомством французского языка» (Régie de la langue française), постановления которого имеют здесь обязательную силу (1977, № 1, р. 45—53). Лингвистам, в особенности специалистам по французскому словообразованию, а также терминологам, публикуемые в МЕТА терминологические заметки предлагают обширный, отлично документированный материал.

Второй круг вопросов, обсуждаемых на страницах МЕТА, — терминологическая справочная работа, в особенности же — организация и эксплуатация автоматических терминологических словарей в помощь переводчику. При массовом, централизованном в государственном масштабе изготовлении переводов, к тому же в быстром темпе, традиционная постановка переводческого

дела становится тормозом. Никакие двуязычные терминологические словари, несмотря на то, что, судя по рецензиям в МЕТА, их издается большое множество и разных типов, не поспевают за техническими инновациями. Хуже того, чем больше терминологических справочников, тем больше усложняется и удлиняется во времени поиск недостающего термина, тем труднее избегать дублирования при поиске одного и того же термина разными переводчиками и обеспечить терминологическое единообразие переводов, выпускаемых одним и тем же бюро, но сделанных разными переводчиками. Возникает, следовательно, необходимость специализировать работу терминологов, поручив им выявлять, хранить, обновлять и быстро выдавать переводчикам все требующиеся им термины. После провозглашения в 1960 г. французского языка официальным, рабочим языком и резкого увеличения объема делового и научно-технического перевода эта потребность была четко осознана. К этому времени развитие вычислительной техники и информатики навели специалистов на мысль об использовании ЭВМ для создания автоматических терминологических словарей — «терминологических банков». Надо отдать должное канадским лингвистам-теоретикам в области перевода: первый такой банк был создан в 1970 году по их инициативе в Монреальском университете (1971, № 1—2, р. 95—104). Замечательной была и научная постановка задачи: создать двуязычный автоматический словарь, в котором исходной терминологической единице (английской) ставится в соответствие не просто терминологическое слово на переводящем языке (французском), а термин в контексте, преимущественно таком, в котором реализуется его толкование. С этой целью создатели банка и его первый руководитель — Роберт Дюбюк отказались использовать в качестве корпуса французские переводы английской научно-технической литературы, предпочитая французские оригинальные тексты, по возможности — учебники по соответствующей дисциплине. С тем чтобы обеспечить регулярное непрерывное пополнение банка, были использованы также разные глоссарии, картотеки канадского радио и других ведомств. Была намечена следующая структура информации при каждой единице вхождения: название вхождения на каждом из сопоставляемых языков, источник информации, область употребления (регион, социальный регистр, коннотации и т. п.), грамматические особенности, вес (с точки зрения языковой нормы), данные о составителе — всего 17 зон (1973, № 1—2, 270—276). К 1975 г. в банке хранилось уже около 75 000 единиц (1977, № 1, р. 45—53). В связи с созданием при федеральном Бюро переводов общеканадского терминологического банка, монреальский университетский банк перешел в ведение этого Бюро. Созданный здесь терминологический банк — самый крупный в Канаде. Уже к началу 1976 г. здесь работали около 80 терминологов, а терминологический фонд составлял 1.400.000 единиц. Банк обслуживает не только переводчиков

Бюро, но выдает терминологические справки любому лицу или предприятию. Этим обеспечивается нормативная работа Бюро. В настоящее время здесь работают около 200 терминологов. К терминологической службе добавилась документальная: переводчик может получить справку о справочниках, пособиях, специальных словарях (в том числе и о неизданных), учебниках, монографиях по интересующему его вопросу (1977, № 1, р. 45—53).

В связи с увеличением объема памяти и быстродействия ЭВМ, с появлением устройств, позволяющих переводчикам непосредственно и одновременно общаться с терминологическим банком в диалоговом режиме, в связи также с автоматизацией полиграфического процесса намечается коренная реорганизация переводческого дела, более того — индустриализация всего процесса изготовления, размножения и издания переводов. Этим вопросам в последнее время уделяется много места на страницах МЕТА, причем к их обсуждению привлекаются и европейские специалисты (1981, № 1; 1980, № 1, № 4; 1979, № 2, р. 252—263; 1971, № 1—2, р. 105—113; 1979, № 3, р. 315—325). Суть дела в следующем. В традиционно сложившемся процессе изготовления и издания переводов (речь не идет, разумеется, о художественных текстах) участвуют, как известно, помимо переводчика и редактора, также контрольный редактор, составитель справочного аппарата, машинистки, корректор, причем текст неоднократно перепечатывается. Затем включается сложный и трудоемкий полиграфический цикл, трубящий на определенных этапах возвращения текста в редакцию для сверки и правки. При массовом и централизованном изготовлении переводов подобная организация производства входит в противоречие с требованиями оперативности, единообразия терминологических решений, увеличения производительности труда переводчика и редактора, централизованного их обеспечения справочным аппаратом, систематического накопления опыта перевода, распределения этого опыта среди переводчиков, текущего пополнения на этой основе словарей и справочного фонда. Отсюда тенденция соединить все стадии изготовления и издания переводов в единую систему преобразования и распространения языковой информации. В основу таких систем кладется непосредственное общение и оперативное взаимодействие переводчиков и редакторов с ЭВМ, в память которой введены разного рода словари и справочные данные в процессе изготовления перевода и соединение таким образом организованного полуавтоматического процесса перевода с автоматизированным процессом выдачи перевода в виде текста, напечатанного на отдельных листах или изданного в виде книги, включая сюда корректуру, матрицирование текста и набор (1981, № 1, р. 48—56; 1980, № 3, р. 287—302; 1981, № 1, р. 67—75). Если учесть к тому же экспериментальные работы в области машинного перевода, которым редакция МЕТА также оказывает должное

внимание (1981, № 1), то не будет преувеличением сказать, что мы присутствуем при второй после изобретения печатного станка технической революции в переводческом деле.

§ 5. ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Созданный и редактируемый университетскими учеными, МЕТА, естественно, с самого начала уделял много внимания подготовке переводчиков (1975, № 1, р. 42—57). Потребности в людях, профессионально подготовленных к переводу политических, экономических и технических текстов, весьма высоки как со стороны государственных органов, так и со стороны фирм и предприятий. Переводчиков готовят едва ли не во всех канадских университетах, а в составе Монреальского и Оттавского университетов имеются Школы перевода, специально готовящие дипломированных переводчиков. Срок обучения здесь трехгодичный, учебный план включает, наряду с общеобразовательными предметами, практические занятия по переводу, главным образом с английского на французский. С 1974 г. в монреальской школе введена специализация редакторов. В основу курса перевода положено контрастивное описание английского и французского в духе сравнительной стилистики Винэ и Дарбельне. Методически занятия направлены к тому, чтобы стимулировать мысль начинающих переводчиков и, вместе с тем, привить им навыки профессионального обращения с текстом. Чтобы предупредить калькирование исходного (английского) текста и бороться с лексическим и синтаксическим буквализмом, студентам предлагаются в виде упражнений фразы, перевод которых требует синтаксической перестройки. В обобщенном виде задача сводится к тому, чтобы «...побудить студентов уловить существенно важную истину: при переходе от одного языка к другому мысль и структура не обязательно остаются связанными»¹⁰. Что касается курса теории перевода, то он, по мнению профессора Ж. Дарбельне, должен читаться на завершающем этапе обучения (1980, № 4, р. 393—400). В Школе перевода Оттавского университета теория перевода, точнее то, что ее директор, проф. Брайен Хэррис предложил назвать «традуктологией» (переводоведением) (1977, № 1, р. 90—92), занимает, видимо, больше места. Укажем также на проведенный в этой Школе интересный эксперимент по профессионализации обучения — проведение «дней перевода», своеобразной внутренней стажировки (1979, № 4, р. 423—441). Занятия терминологией входят во все курсы перевода. В последнее время заметна тенденция к выделению терминологии в отдельную

¹⁰ Darbelnet J. La spécialisation et l'enseignement de la traduction. — In: Paul A. Horguelin (ed.). La traduction, une profession. (Actes du VIIIe congrès mondial de la Fédération internationale des traducteurs). Montréal, 1977, p. 189—197.

специальность. Так, при кафедре лингвистики университета Лаваль (провинция Квебек) создана междисциплинарная научно-исследовательская и прикладная группа по терминологии под руководством профессора Г. Рондо, известного специалиста в этой области. Здесь введена специализация по терминологии и проведен в 1978 г. международный симпозиум по обучению терминологии.

Мы выделили в предлагаемом обзоре лишь основные материалы, характеризующие работы и теоретическую мысль канадских переводчиков. Многие, в частности, материалы, относящиеся к устному переводу (1975, № 1, 36—41; 1977, № 4, р. 264—269; 1980, № 2, р. 244—248; № 4, р. 393—400; 1979, № 4, р. 442—450), остались неосвещенными. Весьма ценные сведения и суждения содержатся в библиографических рубриках и хрониках журнала. В целом, как нам представляется, содержание и направление МЕТА соответствует программе, сформулированной его редактором: «Журнал имеет целью стимулировать мысль, он добивается равновесия между теорией и практикой». (1975, № 3, р. 183).

I. Вопросы теории перевода

- Ю. В. Ванников.* Теория перевода в «Тетрадах переводчика»... 3

II. Вопросы художественного перевода

- Мариса Виньярски.* О некоторых проблемах поэтического перевода с русского языка на испанский. 25
- С. С. Прокопович.* Рыцарство и городская культура итальянского Проторенессанса (К вопросу о «культурной коммуникации»). 34
- Михаил Яснов, Елена Баевская.* Четыре страницы французского предсимволизма. 40

III. Вопросы практики перевода

- Радмилко Мароевич.* Проблема перевода фразеологизмов на родственный славянский язык. 49
- М. Ю. Дыховичная.* Перевод американской управленческой лексики на русский язык. 58

IV. Вопросы устного перевода

- Т. В. Воеводина.* Устный перевод в коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода. 66

V. Вопросы методики преподавания перевода

- В. Н. Крупнов.* К вопросу о дальнейшем развитии методики обучения переводу в высшей школе. 78

VI. Вопросы лексикографии

- М. Я. Цвиллинг.* О некоторых принципах составления переводных словарей. 85

VII. Обзор

- В. Ю. Розенцвейг.* Журнал канадских переводчиков META. 91

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

вып. 20

Заведующая редакцией *В. А. Челышева*
Редактор *В. П. Торпакова*
Художественный редактор *Н. Е. Ильенко*
Младший редактор *Е. П. Политова*
Технический редактор *Н. А. Битюкова*
Старший корректор *Н. И. Божанова*

ИБ № 3910

Изд. № Ф-136. Сдано в набор 07.04.83. Подп. в печать 08.07.83. Формат 60×90^{1/16}. Бум. газетная
Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 6,5 усл. печ. л. 6,75 усл. кр.-отг. 7,10 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 308. Цена 45 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., 29 / 14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

45 коп.